

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 9

Нестор-История
Санкт-Петербург
2018

Печатается по решению
Ученого совета Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ

Редколлегия:

И. И. Елисеева, чл.-корр. РАН, д. э. н., проф., засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН);
О. Н. Бурмыкина, к. с. н. (СИ РАН); *А. С. Быстрова*, к. э. н. (СИ РАН);
К. С. Дивисенко, к. с. н. (отв. секретарь, СИ РАН); *Г. В. Еремичева*, к. ф. н. (СИ РАН);
Д. Б. Тев, к. с. н. (СИ РАН); *И. Шубрт (Jiř Šubr)*, д-р социол., доцент (Карлов университет, Прага, Чехия); *Симо Маннила (Simo Mannila)*, PhD (Национальный институт здоровья и благосостояния, Хельсинки, Финляндия)

В сборнике представлены результаты исследований сотрудников Социологического института РАН, а также дружественных организаций. Публикуются результаты новых исследований межпоколенных отношений, жизненных ценностей и установок в контексте гендерных картин мира. Представляет интерес исследование, посвященное субъективному благополучию и возможностям изучения этой проблемы по материалам биографических исследований. Девиантное поведение рассматривается в связи с сексуальной эксплуатацией российских детей. Затрагиваются вопросы социального активизма в контексте экологического движения, а также общественной и инновационной активности. Цивилизационный анализ рассматривается с позиций реляционной версии и ее восприятия российскими социологами. Особое место занимает статья, посвященная становлению этнографии города в Ленинграде-Петербурге.

Для специалистов и обучающихся в области социологии, культурологи, государственного управления.

Научное ежегодное периодическое издание «Петербургская социология сегодня: Сборник научных трудов Социологического института РАН» выходит с 2009 года. Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Учредители

Социологический институт РАН — филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Общество с ограниченной ответственностью
«Нестор-История»

УДК 316.014
ББК 60.504/506

ISSN 2308-3166

© Социологический институт РАН, 2018
© Издательство «Нестор-История», 2018

Предисловие	5
Представления молодежи о семье. Дети в неправовом поле	
<i>Нечаева Н. А.</i> Общие жизненные установки студенческой молодежи: их роль в семейных и гендерных представлениях	6
<i>Бурмыкина О. Н.</i> Динамика представлений петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях (2007–2017 гг.)	27
<i>Дивисенко К. С.</i> Субъективное благополучие: возможности биографического исследования	47
<i>Колпакова О. И., Одинокова В. А., Русакова М. М.</i> Сексуальная эксплуатация российских детей	62
Социологические апперцепции	
<i>Гегер А. Э., Саганенко Г. И.</i> Прагматика или романтика социологии: борьба за абитуриента	78
<i>Гольбрайх В. Б.</i> Члены экологических групп в социальных медиа: цифровое участие и интересы	91
<i>Русакова И. В.</i> Показатели общественной и инновационной активности населения регионов Российской Федерации с позиций системного подхода	120
<i>Б. Е. Винер, К. С. Дивисенко.</i> Становление этнографии города в Ленинграде/Петербурге	143
Цивилизационный анализ	
<i>Масловский М. В.</i> Реляционная версия современного цивилизационного анализа и ее рецепция российскими социологами	169
Научная жизнь	
<i>Бамбаева Д. В., Русакова М. М.</i> Межрегиональная конференция «Позитивное родительство»: современные подходы к социальному обслуживанию семей с детьми в Санкт-Петербурге	187
<i>Божков О. Б.</i> Десятые социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства (1941–2004)	194
Summaries	200
Content	???
Сведения об авторах	204
Информация для авторов	207

CONTENTS

Introduction	5
Representations of Young People About the Family. Children in a Non-Legal Field	
<i>Nechaeva N. A.</i> General Life Attitudes of Student Youth: Their Role in Family and Gender Views	6
<i>Burmykina O. N.</i> Dynamics of St. Petersburg Students Views on the Family and Intergenerational Relations (2007–2017)	27
<i>Divisenko K. S.</i> Subjective Well-Being: the Potentialities of Biographical Research	47
<i>Kolpakova O. I., Odinkova V. A., Rusakova M. M.</i> Sexual Exploitation of Russian Children	62
Sociological Apperceptions	
<i>Geger A. E., Saganenko G. I.</i> Pragmatics or Romantics of Sociology: Fight Against an Entitler	78
<i>Golbraich V. B.</i> Members of Environmental Groups in Social Media: Digital Participation and Interests	91
<i>Rusakova I. V.</i> Indicators of Social and Innovation Activity of the Population of the Regions of the Russian Federation from the Perspective of a Systems Approach	120
<i>Wiener B. E., Divisenko K. S.</i> The Making of Urban Anthropology in Leningrad/St. Petersburg	143
Civilization Analysis	
<i>Maslovskiy M. V.</i> The Relational Version of Contemporary Civilizational Analysis and Its Reception by Russian Sociologists	169
Review of Scientific Events	
<i>Bambaeva D. V., Rusakova M. M.</i> Interregional Conference “Positive Parenting”: Contemporary Approaches to Social Services for Families with Children in St. Petersburg	187
<i>Bozhkov O. B.</i> X-th Sociological Readings in Memory of Valery Borisovich Golofast (1941–2004)	194
Summaries	200
Content	???
About the authors	204
Information for the authors	207

ПРЕДИСЛОВИЕ

В очередном сборнике трудов Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН, выпускаемого под названием «Петербургская социология сегодня», довольно трудно выявить базис: это семья и дети, развитие цивилизационного подхода, судьба этнографии в Ленинграде — Петербурге (навечно соединенная для многих с судьбой Г. В. Старовойтовой); попытки выявить социальный активизм и связать его с инновационным развитием. Все эти сюжеты имеют право на обсуждением, но из них наибольший интерес представляют те, траектории которых можно проследить, сопоставляя их презентацию в выпусках ПСС год за годом. Таковыми являются представления о семье, благополучии молодежи, их отношениях к старшим родственникам, гендерные установки.

Вполне благополучная картина уважения и взаимной помощи разных поколений резко диссонирует с исследованиями сексуальной эксплуатации детей (статья Колпаковой О. И., Одиноковой В. А., Русаковой М. М.). Эта тема служит подтверждением значимости профессии социолога как «социального чистильщика», разгребающего грязь и налип в современном обществе.

В статье Гегера А. Э., Саганенко Г. И. поднимается весьма актуальная для российских социологов проблема научной и социальной значимости профессии социолога. Достаточно ярко показано бедственное положение социологии в провинциальных вузах, в которых зачастую отсутствуют специализированные кафедры (не говоря уже о факультетах), что приводит к девальвации становления профессионального социолога.

Как и в предыдущих выпусках научную часть сборника дополняют обзоры конференций, представленные в разделе «Научная жизнь».

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О СЕМЬЕ. ДЕТИ В НЕПРАВОВОМ ПОЛЕ

Н. А. Нечаяева

ОБЩИЕ ЖИЗНЕННЫЕ УСТАНОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ИХ РОЛЬ В СЕМЕЙНЫХ И ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

В статье рассматриваются результаты исследования общих жизненных установок (диспозиций) студенческой молодежи. Зафиксировано, что эти диспозиции образуют определённые типы — «активные рационалисты» — «пассивные антирационалисты»; «гедонисты» — «антигедонисты»; «эго-ориентированные прагматики» — «альтер-ориентированные активисты». Выявлена степень распространённости каждого из этих типов среди опрошенных юношей и девушек. Показано, что общие жизненные установки коррелируют с гендерными и семейными представлениями. Установленные связи не носят однородного, монотипического характера — они гетерогенны. Это означает, что каждый из описанных синдромов общих жизненных установок связан как с традиционно-патриархатными, так и с современно-эгалитарными взглядами студентов.

Ключевые слова: общие жизненные установки, диспозиции, тип диспозиций, гендерные и семейные представления, патриархатность, эгалитарность, гендерная картина мира.

Постановка проблемы. Цель и задачи исследования

Каждый исторический период имеет свои отличительные черты. Отмечается, что последние десятилетия связаны с ростом индивидуалистических ценностей, потребительских ориентаций, прагматизма, гедонистических настроений как в западных странах, так и в России (Бауман 2004; Бауман 2005; Фромм 2011; Бодрийяр 2006; Липовецки 2001; Голод 2012; Глухова 2001; Иванов 2011; Гурова 2011).

Происходящие в обществе трансформации отражаются прежде всего на молодом поколении, находящемся в периоде взросления (17–25 лет), когда формируются жизненные представления, ценности, установки — в целом мировосприятие и жизненные практики, которые потом оказываются основными и мало изменяются в течение всей последующей жизни. Эти характеристики (наряду с возрастными ко-

гортами и главными историческими событиями, которые совместно переживает социальная группа) являются важнейшими при «идентификации» поколения, поскольку, согласно достаточно единодушным определениям, именно они лежат в основе его выделения (Семёнова 2003; Шамис, Никонов 2017; Радаев 2018).

Общие жизненные установки, являясь базовыми характеристиками личности, оказывают существенное влияние на семейные представления и практики. Сами по себе семейные ценности и установки молодёжи, в том числе студенческой, довольно широко представлены в отечественных публикациях. Показано, что семья является важной ценностью для молодых, она служит одной из главных составляющих счастья; выявлены представления студентов об идеальной семье, описаны их реальные семейные практики; зафиксировано отношение к детям, их воспитанию, к материнству (Ростовская, Заярская 2017; Ценностные ориентации российской молодёжи и реализация государственной молодёжной политики 2017; Муханова 2008; Евграфова 2012; Долбик-Воробей 2003; Смирнова 2010; Шадрина 2017). Установлено, что среди поколенческих различий (в использовании цифровых технологий, уровне религиозности, приверженности здоровому образу жизни и др.) есть и различия, связанные с планированием семьи. Представители молодого поколения (миллениалы, родившиеся в 1982–2000 гг.) позднее вступают в брак и откладывают на более поздний срок рождение детей (Радаев 2018). Чтобы иметь возможность приблизиться к объяснению как этих особенностей современных юношей и девушек, так и в целом их семейных предпочтений и поведения, необходимо знание того, что обуславливает эти процессы. С нашей точки зрения, к таким характеристикам принадлежат современные жизненные установки молодёжи. Это делает актуальным как изучение их самих, так и выявление их роли в контексте семьи.

В работах, посвященных исследованию ценностей и установок молодёжи, в том числе прагматических и гедонистических ориентаций, отмечается рост индивидуализма, стремления к удовольствию, благополучию и успеху, малая ценность счастья других (Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии... 2003; Львова, Унру 2012; Татаринцев, Рогачёва 2014; Чернышёв 2012). Вместе с тем, эти явления остаются недостаточно изученными и нуждаются в эмпирической разработке, с нашей точки зрения, не только как отдельно взятые феномены, но и в более широком контексте — как типы общих жизненных установок, определяющих образ, стиль жизни

современной молодёжи и влияющих на их семейные представления и отношения.

В работах Л. И. Ятиной и Т. С. Калининой предпринята попытка изучения стилей жизни молодёжи. Подчёркивая, что эта социальная группа является наиболее активной и гибкой, что именно она становится носителем новых жизненных стилей и лежащих в их основе новых ценностей, авторы указывают на слабую разработанность этой темы, поскольку «работ отечественных социологов, посвящённых стилю жизни молодёжи, практически нет» (Ятина 2001; Ятина, Калинина 2011: 169). Исследователи использовали авторскую типологию, которая включала четыре стиля жизни: «гедонизм» (признание собственных интересов как доминирующих и направленность на практики получения удовольствий), «вещизм» (Эго-ориентированное отношение к людям и ориентация на обладание вещами и благами), «активизм» (потребность в действии, стремление к преобразованиям и Альтер-ориентация по отношению к людям) и «прагматизм» (оценка полезности людей и вещей, несмотря на Альтер-ориентацию)» (Ятина, Калинина 2001: 169). На основе этой типологии изучалось изображение практик стилей жизни молодёжи в российском кинематографе в период с 1960 по 2010 гг.

Опираясь на данную типологию, в нашей работе мы рассматривали предложенные характеристики, реализуемые в практиках стилей жизни («гедонизм», «вещизм», «активизм» и «прагматизм») как диспозиции личности. Разнообразные состояния готовности личности к определённому способу действий «называют по-разному — жизненная позиция, направленность интересов, ценностная ориентация, социальная установка, субъективное отношение, доминирующая мотивация, субъективный смысл, придаваемый действиям, и т. п. Всё это не что иное, как диспозиции личности — фиксированные в её социальном опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия деятельности, а также действовать в этих условиях определённым образом» (Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности 2013: 10). Важной стороной диспозиций является их достаточно общий характер — они проявляются в различных ситуациях и служат своеобразным стержнем личности, во многом определяя образ и стиль её жизни в целом. Справедливо подчёркивая социологическую составляющую диспозиций, В. А. Ядов видел преимущества диспозиционного подхода в том, что он «позволяет совместить предложенные теоретиками социологами, равно как и психологами экспериментаторами регулирующие

социальное поведение предрасположенности личности к определённым практикам» (Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности 2013: 358).

Таким образом, предметом нашего исследования являлись общие жизненные установки студенческой молодёжи (диспозиции). Цель работы заключалась в том, чтобы установить, какую роль эти диспозиции играют в гендерных и семейных представлениях юношей и девушек. Для её реализации предполагалось решить несколько задач: 1) зафиксировать общие жизненные установки студентов; 2) установить, взаимосвязаны ли различные характеристики диспозиций, то есть образуют ли они определённые типы и, если образуют, то какие; 3) выявить, в какой мере распространены отдельные жизненные установки и каково число носителей каждого из зафиксированных типов; 4) и наконец, установить, связаны ли эти типы с гендерными и семейными представлениями молодых, и если связаны, то каким образом.

Описание методики

Для фиксации общих жизненных установок нами была разработана методика, в которой были представлены различные аспекты гедонизма, прагматизма, вещизма и активизма. При этом мы исходили из того, что сложные, многогранные понятия (например, такие как «счастье») не укладываются в прокрустово ложе одного-двух индикаторов. Они требуют эмпирической верификации различных сторон, комплекса характеристик, через которые это понятие может быть раскрыто. Каждая из них в отдельности, отражая какую-либо грань изучаемого свойства, тем не менее не является его надёжным общим показателем. К таким понятиям, с нашей точки зрения, относятся и гедонизм, прагматизм, вещизм, активизм. В разработанной методике предпринята попытка зафиксировать эти отдельные «составляющие» данных диспозиций личности, каждая из которых была отражена соответствующим набором индикаторов.

Гедонизм был представлен следующими содержательными аспектами его проявления:

- 1) Ценностной доминантой личности является получение разнообразных удовольствий.
- 2) Предпочтение отдаётся лёгкой, беззаботной жизни, без особого беспокойства о том, что происходит вокруг.
- 3) Важное значение имеют разнообразные досуговые практики, «тусовки».
- 4) Поведение характеризуется уходом от реальности, отсутствием

интереса к общественной жизни, нежеланием быть «в курсе событий». 5) Существенной стороной поведения является всяческое избегание ответственности за кого-либо или за что-либо. 6) Нежелание принимать жизненные решения. 7) Отсутствие чётких целей в жизни.

Прагматизм был представлен так: 1) Во главу угла ставится собственное благополучие; преобладает убеждение, согласно которому свою активность следует направлять главным образом на его достижение. 2) Личностной доминантой является стремление к выгоде; отвергается участие в каких-либо делах, приносящих пользу людям, но её не сулящих. 3) Большое значение придаётся достижению личного успеха. 4) В жизни преобладают постоянный расчёт и взвешивание полезности разных обстоятельств тех ситуаций, в которых действует индивид. 5) Поведение характеризуется постановкой чётких, конкретных целей и стремлением к их достижению. 6) Важность больших достижений для индивида столь велика, что, по его мнению, ради них стоит жертвовать хорошими дружескими отношениями. 7) Разделяется точка зрения, согласно которой в наше время правильно выбирать такое дело, профессию, которые даже если не всегда интересны, зато с большой вероятностью принесут обеспеченность и благополучие.

Вещизм был отражён следующими аспектами: 1) В стиле жизни важное значение придаётся практикам потребления. 2) Большую ценность имеет высокая материальная обеспеченность, возможность тратить значительные средства на приобретение дорогих вещей. 3) Преобладает точка зрения, согласно которой вещи должны прежде всего служить символом успешности и обеспеченности. 4) Престижность является ключевой характеристикой приобретаемого.

Активизм представлен в следующих смысловых аспектах: 1) В стиле жизни доминирует принцип «Если не я, то кто же?». 2) Важной личностной чертой является стремление принести пользу людям; это само по себе является сильным аргументом в пользу того, чтобы взяться за работу. 3) Разделяется точка зрения, согласно которой от каждого человека в конечном счёте зависит то, что происходит в обществе. 4) Существует желание найти такое дело, участвуя в котором можно почувствовать, что изменяешь мир к лучшему. 5) Важное значение придаётся тому, чтобы любую работу выполнять добросовестно. 6) Поведение характеризуется активностью — даже при возможности неблагоприятных для себя последствий в сложных ситуациях индивид обычно не остаётся в стороне.

Для фиксации всех описанных характеристик использовались 5-балльные биполярные шкалы. В совокупности общие жизненные установки были отражены в 23 индикаторах. Эмпирическую базу составили данные опроса студентов Санкт-петербургских вузов в возрасте от 17 до 21 года. Исследование проведено в 2014 году (n = 132).

Результаты исследования

При изложении результатов исследования мы будем следовать логике поставленных ранее задач. Сначала опишем отдельные общие жизненные установки и степень распространённости их различных сторон среди студенческой молодёжи. С нашей точки зрения, это важно само по себе, поскольку раскрывает широкий спектр предрасположенностей современных юношей и девушек воспринимать окружающую их жизнь и действовать в ней определённым образом. Далее приведём отдельные характеристики к «общим знаменателям», то есть рассмотрим, как они связаны между собой, какие типы образуются на их основе и каково число носителей каждого из них. Наконец, зафиксируем взаимосвязи выявленных типов с гендерными и семейными отношениями — покажем, при каких диспозициях личности более привлекательны (или отвергаемы) различные аспекты гендерной картины мира.

Прагматизм. Из содержательных характеристик, которые нами были отнесены к прагматизму, наиболее распространённой среди молодёжи оказалась поддержка стремления жить на основе расчёта и постоянного взвешивания степени полезности различных обстоятельств своей жизни — это точка зрения большинства участников опроса (76 %). Тех, кто предпочитает ничего не рассчитывать, кому больше по душе жить так, как получается, всего 12 %.

Расчёт идёт рука об руку с желанием многого достичь в жизни, добиться успеха (75 %). Несколько меньше тех, кто при этом старается ставить чёткие, конкретные цели в жизни и стремиться к ним (65 %). Эта триада — расчёт, успех, цели — пользуется главной поддержкой в сознании студентов (занимает первые три ранговых места).

Половина юношей и девушек убеждена в правоте тех, кто свою активность направляет главным образом на достижение своего собственного благополучия, треть же думает иначе, полагая, что личное благополучие, конечно, важно, но не стоит ставить его во главу угла всей жизни.

Для 33 % молодых прагматизм распространяется на выбор дела жизни — они предпочитают иметь такую профессию, которая даже если не всегда интересна, зато с большей вероятностью принесёт обеспеченность и благополучие. Однако половина опрошенных исходит из противоположной точки зрения — признавая важность благополучия и обеспеченности, при выборе профессии они тем не менее во главу угла ставят интерес к содержанию работы.

Менее всего (два последних ранговых места) распространено нежелание участвовать в полезных, но невыгодных делах и склонность жертвовать личными отношениями ради успеха. Так, 22 % студентов считают, что даже если дело принесёт пользу людям, за него не стоит браться, когда оно невыгодно. Столько же полагает, что большие достижения стоят того, чтобы, если потребуется, пожертвовать ради них дружескими отношениями.

Активизм. По всем использованным индикаторам активизма зафиксированы высокие значения. Прежде всего молодым хотелось бы найти такое дело, участвуя в котором можно почувствовать, что изменяешь мир к лучшему. Об этом сообщили 83 % опрошенных. Это самое высокое значение среди всех 23 индикаторов, на основе которых фиксировались разнообразные диспозиции. Для 64 % юношей и девушек близка точка зрения людей, живущих по принципу «Если не я, то кто же?». Столько же тех, кто убеждён, что от каждого из нас в конечном счёте зависит происходящее в обществе. Две трети студентов и студентов оценивают свои стремления по выполнению любой работы, даже если она не нравится, как добросовестные.

Принесение пользы людям — это сильный аргумент, чтобы взяться за дело для 59 % студенческой молодёжи. Почти столько же сообщивших, что обычно не остаются в стороне в ситуациях, когда окружающие люди ведут себя недопустимо, даже если это вмешательство грозит неприятностями.

Гедонизм. В отличие от активизма по индикаторам гедонизма зафиксированы существенно менее высокие значения. Для 42 % юношей и девушек важно вести образ жизни, позволяющий заниматься в первую очередь тем, что приносит удовольствие; практически столько же опрошенных считают, что удовольствия нужны, но в их жизни они не играют решающей роли. Чуть более трети полагают, что тусовка — совсем не пустая трата времени, а радость, общение, веселье — привлекательная часть жизни. Одному из четырёх нравится жить беззаботно и весело, не слишком беспокоясь о том, что происходит вокруг.

Для 30 % юношей и девушек неприятно брать на себя груз ответственности за кого-либо или за что-либо, по возможности они стараются избегать этого. Столько же тех, кто обычно с трудом принимает жизненные решения, испытывает нежелание это делать.

Каждый четвёртый сообщил, что не интересуется общественной жизнью, мало следит за ней и не находится в курсе событий.

Вещизм. Шопинг в качестве важной части досуговых практик ценен для двух из трёх опрошенных. Они любят покупать красивые вещи и считают это приятным проведением свободного времени. При этом для 36 % студентов и студенток на первый план выступает стоимость приобретаемого — они любят жить среди дорогих вещей и хотят иметь возможность много тратить на их покупку. Почти столько же тех, кто подчёркивает важность ещё одной стороны мира потребления, для кого вещи важны не только сами по себе, но и то, что они служат символом успешности и обеспеченности. Для 19 % молодых недостаточно качества и удобства вещи, но важно, чтобы она была престижной.

Таковы различные диспозиции молодёжи — отдельные черты, в которых отражаются её взгляды на окружающую действительность и готовность действовать в соответствии с ними.

Эти данные согласуются и с другими результатами исследования, полученными при изучении жизненных планов студентов. Им предлагалось ответить на вопрос: «Представьте себе, что прошли годы, Вам исполнилось 30 лет. Какими Вы хотели бы видеть Вашу жизнь и себя?». Далее из 16 разнообразных жизненных ценностей предлагалось выбрать пять, с точки зрения опрашиваемых, наиболее важных.

К 30-ти годам молодёжь прежде всего хотела бы достичь материального благополучия — 75 %; при этом 51 % опрошенных планирует стать обеспеченными людьми, не нуждаться в деньгах, а 21 % быть богатыми, ни в чём себе не отказывать. Второе ранговое место занимает желание иметь детей (68 %). Гедонистические ценности — много путешествовать, заниматься разными хобби — тоже входят в число пяти наиболее приоритетных, являясь такой же важной частью жизненных планов молодёжи, как и создание семьи: их считают привлекательными для себя соответственно по 63 % юношей и девушек (третье ранговое место). Существенно меньшее число образованной молодёжи ориентировано на успешную карьеру (38 %).

Таким образом, на основе анализа отдельных характеристик рассмотренных диспозиций можно констатировать, что для большинства

студенческой молодёжи характерны прежде всего такие аспекты прагматизма и активизма, как постановка жизненных целей, расчёт, стремление к благополучию, успеху, желание участвовать в преобразованиях и приносить пользу людям. Гедонистические и потребительские установки, хотя и имеют значительно меньшее число носителей, тем не менее распространены среди юношей и девушек довольно широко.

Далее в нашем анализе необходимо сделать следующий шаг. Поскольку личность представляет собою некую целостность, её отличает более или менее определённый тип поведения. В его основе лежит набор взаимосвязанных характеристик (в нашем случае — общих жизненных установок), которые образуют синдромы. Как бы ни было велико и разнообразно их число, они должны представлять собою некоторое единство, чтобы человек имел возможность вести себя каким-либо определённым образом и в отдельных ситуациях, и в целом — в своей жизни. Именно поэтому важное значение имеет построение типологий, которые позволяют отразить жизненные установки в более обобщённом виде и обоснованнее судить о представлениях современных студентов, их готовности вести себя тем или иным образом в окружающей действительности.

По результатам факторного анализа на основе выделившихся трёх факторов (Таблица) были построены агрегированные показатели (индексы), каждый из которых представлял собою сумму значений всех входящих в него индикаторов, и выделены типы общих жизненных установок студенческой молодёжи. В совокупности индексы включили 20 из 23 индикаторов, применявшихся в исследовании для фиксации диспозиций. В итоге каждому индексу соответствовала определённая типология.

Таблица

Результаты факторного анализа диспозиций студенческой молодёжи, Санкт-Петербург, 2014

№	Диспозиции	Факторы		
		I	II	III
1	Выбор: жить на основе расчёта/жить как получается, ничего не рассчитывая	0.68		
2	Выбор: стараться / не стараться делать работу, которая не нравится, добросовестно	0.62		
3	Выбор: ставить конкретные цели в жизни / жить как живётся, без чётких целей	0.62		

Окончание табл.

№	Диспозиции	Факторы		
		I	II	III
4	Выбор: близка / не близка позиция людей, живущих по принципу «Если не я, то кто же?»	0.53		
5	Выбор: жизненные решения даются с трудом / нет особых трудностей при их принятии	-0.52		
6	Выбор: есть / нет интереса к общественной жизни	0.45		
7	Выбор: действие / бездействие в ситуациях с недопустимым поведением окружающих	0.41		
8	Выбор: избегание / неизбежание ответственности	-0.41		
9	Выбор: тусовка — пустая трата времени / важная часть жизни		0.76	
10	Выбор: важна / не важна жизнь среди дорогих вещей		0.70	
11	Выбор: удовольствие — главное / не главное в образе жизни		0.65	
12	Выбор: привлекательность / непривлекательность шопинга		0.58	
13	Выбор: нравится / не нравится беззаботная и весёлая жизнь		0.46	
14	Выбор: важно / не важно добиться успеха в жизни		0.43	
15	Выбор: принесение пользы людям — сильный / недостаточный аргумент, чтобы взяться за дело			-0.72
16	Выбор: главное / не главное — выгода			0.68
17	Выбор: хотелось бы / не хотелось бы участвовать в деле, которое изменяет мир к лучшему			-0.56
18	Выбор: важно / не важно, что вещи служат символом успешности и обеспеченности			0.55
19	Выбор: собственное благополучие — главное / не главное в жизни			0.46
20	Выбор: качество и удобство вещей / их престижность			0.41
	Информативность факторов (вклад в суммарную дисперсию,%)	29	29	27

Типология I.**«Активные рационалисты» — «пассивные антирационалисты»**

Первый индекс включил 8 индикаторов. Зафиксированный диапазон его изменений от 18 до 36. Было выделено три интервала значений (и соответственно три типа), отражающих степень представленности анализируемых общих жизненных установок: слабая выраженность — от 18 до 23; средняя — от 24 до 30 и сильная — от 31 до 36.

Полюс максимальных значений совокупного показателя представлен следующими характеристиками. Носителям этого типа свойственно целеполагание. Они постоянно стараются ставить чёткие, конкретные цели в жизни и стремиться к их реализации. Эти люди предпочитают рассчитывать и взвешивать разные обстоятельства ситуаций, в которых они оказываются, видя главное в том, чтобы «расчёт был верным». Они не избегают ответственности; когда необходимо, берут её на себя, даже если это им неприятно или трудно. Им без особого труда даётся принятие жизненных решений; они не испытывают нежелания это делать. Представители этого типа стараются любую работу, даже ту, которая не нравится, делать добросовестно. Они активны. Им близка позиция людей, живущих в соответствии с принципом «Если не я, то кто же?» Обычно они не остаются в стороне и вмешиваются в ситуацию, когда люди ведут себя недопустимо, даже если это грозит им неприятными последствиями. Но несмотря на свою активность, общественной жизнью они особо не интересуются, мало следят за ней и не находятся в курсе событий.

Поскольку в основе зафиксированного синдрома лежат склонность к активному поведению и рациональность (расчёт, целеполагание, ответственность), этот тип общих жизненных установок мы назвали «*активный рационалист*».

Противоположный синдром характеристик образуют следующие взаимосвязанные диспозиции. Его носители предпочитают ничего не рассчитывать в своей жизни, им больше по душе просто жить так, как получается. Им не свойственно осознанно к чему-либо стремиться. Люди этого типа хотят жить так, как живётся, не ограничивая себя жёсткими рамками выбранных целей, не подчиняя свою жизнь их достижению. Обычно им неприятно брать на себя груз ответственности за кого-то или за что-то, по возможности они стараются избегать этого. Они с трудом принимают жизненные решения. Если работа им не нравится, обычно представители этого типа не слишком стараются выполнить её хорошо. Они не склонны проявлять активность. Им

не близок принцип «Если не я, то кто же?» Если они видят что-то недопустимое в поведении окружающих их людей, то стараются не вмешиваться, чтобы избежать не нужных, с их точки зрения, последствий для себя. Однако, по их мнению, можно сказать, что они интересуются общественной жизнью, находятся в курсе событий. Носителей этого типа диспозиций можно считать «*пассивными антирационалистами*».

Существенный интерес представляет ответ на вопрос, насколько зафиксированные типы распространены среди студентов. Оказалось, что носителями типа «активный рационалист» являются 33 % опрошенных. Тех, кого можно считать «пассивными антирационалистами» меньше — 18 %. Половина юношей и девушек относится к промежуточному типу — рассматриваемые качества выражены средне.

Типология II.**«Гедонисты» — «антигедонисты»**

Второй индекс включил 6 индикаторов; диапазон его изменений от 7 до 29. Первый интервал значений — от 7 до 13 (слабая выраженность рассматриваемых характеристик); второй — от 14 до 21 (средняя выраженность); третий — от 22 до 29 (описываемый синдром выражен сильно).

Полюс максимальных значений индекса представлен следующими общими жизненными установками. Юноши и девушки этого типа предпочитают вести мажорный образ жизни, заниматься тем, что приносит удовольствие. Им нравится жить беззаботно и весело, не слишком беспокоясь о том, что происходит вокруг. Тусовка для них — совсем не пустая трата времени, а радость, общение, веселье — важная часть жизни. Для носителей этого типа вещи играют существенную роль. Они считают шопинг приятным проведением свободного времени, любят покупать красивое. Им нравится жить среди дорогих вещей, иметь возможность много тратить на их приобретение. Предпочитая такой образ жизни, они мечтают тем не менее добиться личного успеха, многого достичь.

Как видно из описанных характеристик, данный синдром образуют почти исключительно гедонистические диспозиции, поэтому этот тип общих жизненных установок мы назвали «*гедонист*».

Для противоположного полюса характерны следующие взаимосвязанные свойства. Носители этого типа, не отказываясь от удовольствий, сообщают, что они не играют для них важной роли. Беззаботность и весёлость в их образе жизни занимают немного места. Тусовка — скорее

пустая трата времени, ничегонеделание. Для этих людей вещи не являются привлекательной целью. Они уверены, что шопинг — занятие не для них, и особого интереса к нему не испытывают. Для носителей этого типа не важны дорогие вещи, они не хотят тратить деньги на их покупку. Личный успех не играет большой роли в их жизненных устремлениях.

В основе этого типа лежит отрицание гедонистических установок, поэтому он был назван «антигедонист».

Тех студентов и студенток, кого можно считать «гедонистами» оказалось 19 %. Носителей типа «антигедонист» больше — 34 %. Представителей промежуточного типа — 48 %.

Типология III.

**«Эго-ориентированные прагматики» —
«Альтер-ориентированные активисты»**

Третий индекс представлен также 6 взаимосвязанными индикаторами. По результатам исследования он изменялся от 11 до 30. Слабая выраженность характеристик — от 11 до 16; средняя — от 17 до 23, сильная — от 24 до 30.

Тип диспозиций, вобравший в себя их сильную выраженность, представлен следующими свойствами. Для людей этого типа доминирующую роль при принятии жизненных решений играет собственное благополучие. Они уверены, что свою активность надо направлять главным образом на его достижение. По их мнению, даже если дело принесёт пользу людям, за него не стоит браться, если понятно, что оно не выгодно. Они честно сообщают, что для них принесение пользы людям — недостаточный аргумент, чтобы тратить свои время и силы. У них не вызывает энтузиазма участие в делах, которые изменяют мир к лучшему. В жизни молодёжи этого типа вещи играют значительную роль; особенно важно, что они служат символом успеха и обеспеченности. Для них недостаточно, чтобы вещь была качественной и удобной, важно, чтобы она была престижной.

Таким образом, стержень этого типа — польза для себя, благополучие, престиж; его можно считать «Эго-ориентированным прагматиком».

Другой синдром общих жизненных ориентаций включил в себя следующие характеристики. Его носители полагают, что личное благополучие, конечно, важно, но больше разделяют позицию тех, для кого оно не стоит во главе угла. По их мнению, если дело принесёт пользу людям, за него стоит браться, даже если это им самим невыгодно. Они

рады, когда могут принести пользу людям; для них это сильный аргумент, чтобы взяться за работу. Им хотелось бы найти такое дело, участвуя в котором они могли бы почувствовать, что изменяют мир к лучшему. Вещи не играют в их жизни определяющей роли. Для них важно, чтобы они были качественными и удобными, их престижность не имеет особого значения. То, что вещи служат символом успешности и обеспеченности, в их системе ценностей тоже не играет существенной роли. Этот тип диспозиций — «Альтер-ориентированный активист».

Зафиксировано, что среди опрошенных к типу «Эго-ориентированных прагматиков» могут быть отнесены 6 % юношей и девушек. Тех, кто является «Альтер-ориентированными активистами» существенно больше — 26 %. Представителей промежуточного типа — 69 %.

Итак, можно констатировать, что отдельные стороны общих жизненных установок существуют в сознании молодых не изолировано: они взаимосвязаны определённым образом и на этой основе образуют типы диспозиций. Всего выявлено девять таких типов: шесть — полюсных, в которых рассмотренные характеристики представлены наиболее сильно или слабо, и три — промежуточных, наблюдаемые в них свойства выражены средне. Такая сторона прагматизма как рациональность, будучи соединённой с яркой активностью, явилась основой типа «активный рационалист», который свойственен трети опрошенных. Активность (выраженная в других гранях) является стержневой установкой для ещё одного типа — «Альтер-ориентированного активиста», носителей которого чуть меньше. Если в первом случае эта характеристика сопряжена со склонностью к расчёту, то во втором — с направленностью на принесение пользы другим. Гедонизм как синдром взаимосвязанных характеристик присущ каждому пятому из молодых. Следует подчеркнуть, что все анализируемые общие жизненные установки, зафиксированные на уровне типов, имеют значительно меньшее число носителей, чем аналогичные установки, взятые сами по себе, отдельно. Это важно учитывать при вынесении любых заключений о представлениях не только молодёжи, но и других социальных групп.

Теперь перейдём к последней из указанных выше задач исследования. Рассмотрим, связаны ли описанные нами типы общих жизненных установок с гендерными и семейными представлениями юношей и девушек. Если связаны, то как?

Оказалось, что такие связи существуют. Однако выявленные синдромы диспозиций коррелируют со взглядами на семейные отношения

неодинаковым, «неоднаправленным» образом — эти связи гетерогенны.

Ранее нами были исследованы и описаны гендерные картины мира молодёжи на трёх уровнях — уровне гендерных идеалов, общих гендерных диспозиций и ситуационных установок (Нечаева 1997; Нечаева 1999; Нечаева 2017). Системообразующим свойством, смысловым стержнем каждой из них являлись гендерные доминанты сознания — традиционно-патриархатная и современно-эгалитарная. Содержательно патриархатность базируется на признании гендерного неравенства; поддержке существования в обществе и семье разделения гендерных ролей; убеждении, что главная, активная роль должна принадлежать мужчине, основная сфера самореализации женщины — семья, рождение и воспитание детей. Эгалитарность основана на отрицании гендерного неравенства — неравноправного, подчинённого положения женщины в обществе и семье; непризнании разделения и жёсткого закрепления гендерных ролей; утверждении важности для женщины внесемейной реализации в различных сферах жизни — общественной, профессиональной и пр.

Гетерогенность зафиксированных в данном исследовании связей между синдромами общих жизненных установок и различными аспектами гендерных картин мира молодёжи означает, что нет оснований считать, что определённому типу жизненных диспозиций однозначно свойственна приверженность традиционно-патриархатным или современно-эгалитарным гендерным и семейным отношениям. Рассмотрим эти связи подробно.

Чем в большей степени юноша или девушка относятся к типу «активного рационалиста», тем чаще ими выбираются такое традиционное распределение ролей в семье, когда её главой и опорой является мужчина ($r = -0.18$; здесь и далее представлены только статистически значимые связи; $p < 0.05$). Однако при этом они в современном духе активно ратуют за профессиональную самореализацию женщины, создание условий для этого и отрицают гендерное неравенство на работе. Так, они считают, что для реального освобождения женщины для профессиональной деятельности в социальной политике необходимо сделать акцент на улучшении системы внесемейного воспитания детей — увеличении количества и улучшении качества детских садов, медицинской помощи детям и пр. ($r = 0.20$). На уровне ситуационных установок, (которые, как нами было зафиксировано ранее, изменяются быстрее, чем гендерные идеалы и диспозиции), в тех случаях, когда

речь идёт о профессиональной самореализации женщины, активные рационалисты также чаще придерживаются современно-эгалитарных взглядов. В рабочей ситуации, когда требуется сократить одного человека, они выступают за увольнение мужчины, уступающего по квалификации женщине, несмотря на то, что «ему надо кормить семью», а женщина хорошо обеспечена мужем ($r = 0.27$). В другой ситуации они настаивают на образовании женщины и развитии её таланта, даже если для этого придётся пожертвовать близкими отношениями, любовью ($r = 0.20$). Вместе с тем стремление к самореализации в профессии, с их точки зрения, имеет пределы. Они считают, что для достижения этой цели отношениями с любимым пожертвовать нужно, но обязанностями, связанными с родителями — нет. В ситуации, когда принятие приглашения на интересную, высокооплачиваемую, престижную работу возможно только при условии отказа от проживания с большой матерью и помещения её в дом престарелых, активные рационалисты чаще делают выбор в пользу отказа от долгожданной работы, чтобы мама могла остаться дома ($r = -0.21$).

«Пассивные антирационалисты», предпочитающие жить как живётся, без конкретных целей в жизни, без расчёта, без ответственности, избегая принятия жизненных решений, чаще разделяют другие взгляды на семейные и гендерные отношения. Они не хотят строгого закрепления ролевых обязанностей в семье. Но им не близка и тема профессиональной самореализации женщины. Они предпочитают, чтобы она была дома и воспитывала детей. Для этого, по их мнению, в социальной политике надо делать всё для освобождения женщины от работы вне дома для заботы о детях — активно использовать неполную рабочую неделю, увеличить оплачиваемые отпуска и пр.

В различных жизненных ситуациях носители этого типа чаще придерживаются традиционных взглядов. В ситуации сокращения кадров ратуют за увольнение женщины несмотря на её более высокую успешность в работе, поскольку мужчине надо зарабатывать, выполняя роль кормильца. Они выбирают близкие отношения, жертвуя ради них своей профессиональной самореализацией, развитием таланта, но одновременно полагают, что ради них стоит пожертвовать обязанностями по отношению к родителям. «Гедонисты» — те, для кого во главе угла стоят удовольствие, беззаботность, кого привлекает дорогая вещная среда, в своих представлениях о семье чаще придерживаются традиционно-патриархатных взглядов, хотя и в данном случае эта приверженность не является «тотальной». Так, будучи убеждёнными, что забота

о других членах семьи — муже, детях, родителях, важна, но не должна быть главным делом для женщины, ибо это препятствует её самореализации ($r = 0.24$), они тем не менее полагают, что для семейных отношений всё-таки лучше, если существует гендерное разделение ролей, мужская и женская работа; при этом традиционная женская роль поддержания порядка, тепла и уюта в доме выполняется женой ($r = -0.19$).

В различных жизненных ситуациях они чаще склонны к поведению в соответствии с традициями. Носители этого типа придерживаются двойной морали, полагая, что разрешённое мужчинам не является таковым для женщин (например, не считая, что курение в принципе вредно для всех, осуждают женщин) ($r = -0.26$). В ситуации, когда жена не может иметь детей, они настаивают на разводе, оправдывая мужа, который принял такое решение ($r = -0.20$). Выступая за жёсткое разделение гендерных ролей, в другой ситуации, когда молодой человек на несколько лет оставил работу, занимается маленьким сыном и домашними делами, а его жена успешно работает и обеспечивает семью, гедонисты полагают, что такое распределение семейных обязанностей плохо скажется на семейных отношениях, так как каждый «должен делать то, что положено» ($r = -0.19$).

Те, кто являются «антигедонистами», чаще имеют иные гендерные и семейные представления, которые при всей их гетерогенности всё-таки в большей степени можно считать современно-эгалитарными. Представители этого типа хотя и считают, что забота о семье — главное в жизни женщины, тем не менее выступают против традиционного закрепления гендерных ролей. По их мнению, работа не должна делиться на мужскую и женскую. Они отрицают двойную мораль, применяя одинаковые критерии при оценке мужского и женского поведения. Они поддерживают семейные отношения, при которых происходит изменение традиционного распределения гендерных ролей — муж выполняет домашние обязанности, а жена работает и является «кормильцем», используя критерий — «в этом нет ничего плохого, лишь бы это устраивало их самих».

Наиболее амбивалентны представления о семейных отношениях у тех, кто относится к типам «Эго-ориентированных прагматиков» и «Альтер-ориентированных активистов». При этом содержательно их взгляды во многом совпадают с описанными выше. Так, «Эго-ориентированные прагматики», то есть те люди, для кого главная цель — собственное благополучие, кто ничего не желает делать для других людей,

если это невыгодно, традиционно придерживаются двойной морали ($r = -0.19$); в семье выступают за строгое разделение гендерных ролей и их выполнение в соответствии со сложившимися традициями ($r = -0.19$). Но когда речь идёт не о семье, а о работе они переходят на современно-эгалитарные позиции, что зафиксировано как на уровне общих гендерных диспозиций, так и на уровне ситуационных установок. Так, их больше привлекают такие отношения, при которых работа в равной степени важна и для мужа, и для жены, а надёжный домашний «тыл» по мере возможности обеспечивают оба ($r = 0.21$); в рабочей ситуации они ратуют за критерий высокой квалификации независимо от гендерной принадлежности ($r = 0.21$).

«Альтер-ориентированные активисты», напротив, в семейных отношениях чаще придерживаются современно-эгалитарных взглядов — они убеждены, что роли в семье могут распределяться так, как удобно мужу и жене даже вопреки традициям. Носители этого типа считают, что разрешённое для мужчин должно быть таковым и для женщин. Однако они придерживаются традиционных взглядов в вопросе о профессиональной самореализации женщины.

Основные выводы

Результаты проведённого исследования показали, что при рассмотрении *отдельно взятых аспектов общих жизненных установок* большинству студентов присущи такие черты *прагматизма* как постановка конкретных целей, жизнь на основе расчёта, желание добиться собственного благополучия и стремление к успеху. При этом юноши и девушки продемонстрировали высокую склонность к *активизму* — подавляющее большинство хотело бы участвовать в различных делах, изменяющих окружающую действительность к лучшему; они уверены, что от каждого из них зависит то, что происходит вокруг. Это служит ярким свидетельством необходимости существования в обществе многочисленных институтов, служащих каналами для проявления этих молодёжных устремлений и в действительности предоставляющих возможность для их реализации. Значительно меньше распространены отдельные стороны *гедонизма* (стремление к удовольствиям, беззаботности, избеганию ответственности и принятия решений) и *вещизма* (важность мира потребления, престижности вещей), но и они имеют немалое число носителей.

Установлено, что эти отдельные характеристики прагматизма, активизма, гедонизма и вещизма в сознании молодых взаимосвязаны

определённым образом — они образуют типы общих жизненных установок. Следует подчеркнуть, что по своим представлениям и готовности действовать в соответствии с ними современная студенческая молодёжь чрезвычайно разнородна — не зафиксировано ни одного доминирующего типа диспозиций. Это свидетельствует о том, что для утверждений о преобладании в её взглядах какой-либо одной модели мировосприятия нет оснований. Около трети юношей и девушек относятся к типам «активного рационалиста» и «антигедониста»; один из четырёх является «Альтер-ориентированным активистом». Другой полюс жизненных взглядов, в котором превалируют пассивность, избегание ответственности и принятия решений, желание удовольствий и важность практик потребления, представлен типами «пассивный антирационалист», «гедонист» и «Эго-ориентированный прагматик». К первым двум из этих типов принадлежит почти каждый пятый из молодых, а к последнему, в котором эгоцентризм выражен в наиболее «концентрированном» виде, относятся 6 %.

Из содержания описанных типологий и степени их распространённости в студенческой среде следует, что взгляды молодых на окружающую действительность, своё место и действия в ней существенно поляризованы — активному, рациональному началу почти в той же мере противостоят пассивность и эгоцентризм. Но большую часть составляют те, кто является носителем не столь однозначно выраженных общих жизненных установок.

Выявленные типы диспозиций связаны с различными аспектами гендерных картин мира молодёжи. Но эти связи не вписываются в единую схему — зафиксированные корреляции носят «разнонаправленный» характер. Это означает, что ни один из выявленных типов установок однозначно не ориентирован на традиционно-патриархатные или современно-эгалитарные гендерные и семейные отношения. Эти связи носят более сложный характер и опосредованы, по-видимому, разноаспектным содержанием традиционности и современности «внутри» гендерных картин мира. Например, своеобразным водоразделом служат распределение гендерных ролей в семье и работа, профессиональная самореализация женщины. В целом же при высокой общей амбивалентности те, кто являются носителями таких типов общих жизненных установок, в которых доминируют активность, рациональность, отрицание гедонистических желаний чаще придерживаются современно-эгалитарных взглядов. Представители типов диспозиций, связанных с пассивностью и гедонистической направленностью интересов, более

склонны к традиционности в гендерных и семейных отношениях. Зафиксированность значительного плюрализма общих жизненных установок студенческой молодёжи и установленность их сложных, неоднородных связей с гендерными и семейными представлениями делает актуальными их дальнейшие исследования.

Источники

- Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
- Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006.
- Глухова Т. И. Потребление как фактор изменений в социальной жизни российского общества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5. С. 66–78.
- Гурова О. Ю. Шоппинг, одежда и типология потребителей в Санкт-Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5. С. 129–141.
- Голод С. И. Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 2. С. 20–38.
- Долбик-Воробей Т. А. Студенческая молодёжь о проблемах брака и рождаемости // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 78–83.
- Иванов Д. В. Глэм-капитализм: общество потребления в XXI веке // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5. С. 9–28.
- Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001.
- Львова С. В., Уиру О. В. Ценность: вариативность значений и смыслов в процессе развития общества // Системная психология и социология. М.: МГПУ. 2012. № 5. С. 59–64.
- Муханова М. Н. Ценностные установки и поведенческие стратегии студенческой молодёжи // Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 271–286.
- Нечаева Н. А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради / СПб филиал Института социологии РАН. Вып. первый. СПб. 1997. С. 17–44.
- Нечаева Н. А. Идеал женщины в структуре гендерных картин мира // Гендерные тетради / СПб филиал Института социологии РАН. Вып. Второй. СПб. 1999. С. 5–19.

- Нечаева Н. А. Гендерные идеалы молодёжи (1999–2014 гг.) // Петербургская социология сегодня. 2017. Выпуск 8. С. 160–178.
- Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений // Социологические исследования 2018. № 3. С. 15–33.
- Ростовская Т. К., Заярская Г. В. Семейные установки и семейные практики в современной российской студенческой среде // Женщина в российском обществе. 2017. № 1(82). С. 75–85.
- Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013.
- Семёнова В. В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся. Ежегодник — 2003. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 213–237.
- Смирнова А. В. Брак с детьми или без детей: установки молодожёнов // Женщина в российском обществе, 2010.
- Татаринцев Е. А., Рогачёва В. И. Ценностные ориентиры современной молодёжи в контексте общества массового потребления // Системная психология и социология. 2014. № 2 (10). С. 111–117.
- Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ, Астрель, 2011.
- Шадрин А. Дорогие дети: сокращение рождаемости и рост «цены материнства» в XXI веке. — М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Шамис Е, Никонов Е. Теория поколений: необыкновенный Икс. М.: Университет «Синергия», 2017.
- Ятина Л. И. Методика сравнительного исследования стилей жизни // Рабочие тетради по компаративистике. Спб. Вып.2. 2001.
- Ятина Л. И., Калинина Т. С. Изображение стиля жизни молодёжи в российском кинематографе: трансформация практик в обществе потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 5. С. 168–181.

О. Н. Бурмыкина

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПЕТЕРБУРГСКИХ СТУДЕНТОВ О СЕМЬЕ И МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ (2007–2017 гг.)

В статье анализируется динамика взглядов петербургских студентов на семью и межпоколенные отношения. Эмпирическую базу составили данные двух исследований — социологических опросов студентов, проведенных в 2007 и 2017 гг. Предлагаемая методология позволяет отразить перемены в теоретико-методологических основаниях социологического изучения семьи и межпоколенных отношений и состоит в применении новых научных категорий, расширяющих представления о реальном многообразии существующих типов семейных отношений, и в обращении к теоретическому конструкту, позволяющему измерить многогранность взаимодействий между разными поколениями членов семьи. Эмпирический анализ показал, что при сохранении ядра значимых членов семьи (членов нуклеарной семьи) существенно возросла значимость людей, не связанных узами крови и родства. Наибольшие изменения прошли по линиям родства и структуре родственных связей. Значительно возросла доля семей, включающих не только кровных, но и названных родственников. Сохранилась тенденция к симметрии и взаимозависимости в межпоколенных отношениях между родителями и взрослыми детьми. Основной функциональной доминантой всех семейных взаимодействий остается их эмоциональная направленность, причем в обыденных ситуациях эмоциональная поддержка возрастает. Иерархия взаимоотношений разных поколений членов семьи носит ситуативный и относительный характер. Ролевой контекст социального взаимодействия сохраняется, он становится гибким и чувствительным к потребностям разных поколений семьи.

Ключевые слова: семья, межпоколенные отношения, динамика представлений, молодое поколение, значимый член семьи, межпоколенная солидарность.

Постановка проблемы. Цель и задачи исследования

Специфика социальных трансформаций современной российской семьи и межпоколенных отношений состоит в том, что это те сферы жизни, в которых сохраняется традиционность и преемственность, и в то же время они открыты новому, которое во многом определяется особенностями демографических и социально-экономических структур и процессов. Семья является одной из основных ценностей, которые устойчивы и мало подвержены изменениям. Вместе с тем, перемены, произошедшие с семьей как социальным институтом в прошлом

столетии, продолжают и ныне: наблюдается многообразие семейных типов и конфигураций, меняются матримониальные и прокреационные установки и поведение, институциональные аспекты брака становятся менее важными, проявляется вариативность представлений в сфере родительства, внутрисемейных и межпоколенческих отношениях. Претерпевают значительные изменения и традиционные функции семьи — репродуктивная, экономическая, социализации и другие. Трансформационные тренды современной семьи напрямую отражаются на межпоколенных взаимодействиях. Происходит уход от традиционной патриархальной семьи, в основе которой лежит жесткое главенство старшего поколения, уважение к традициям и безусловная забота детей о родителях. Изменяются супружеские отношения и отношения детей, родителей и прародителей, расширяются возможности поддержки и взаимного влияния между разными поколениями семьи, увеличивается потенциальный круг родственников. Временная, возрастная, территориальная свобода выбора форм и способов семейных отношений отражается в разнообразии и вариативности поведенческих предпочтений в межпоколенных отношениях от солидарности, амбивалентности до конфликтов. Последовательное отслеживание и описание процессов трансформации современной семьи и отношений разных поколений, предполагающее соединение эмпирических исследований с теоретическим анализом данных процессов, позволяет, в первую очередь, получить картину реально складывающегося семейного контекста, уйти от существующих стереотипов и предрассудков, «старых» мифов об упадке традиционной семьи и «новых» мифов о разрыве поколений, «уходе заботы из дома» и т. д. Построение динамических рядов, описывающих социальные тренды в семейной сфере, и даст возможность судить об этих изменениях.

Современные семейные трансформации, безусловно, не могли не сказаться на теоретико-методологических основаниях социологического изучения семьи и межпоколенных отношений. Отечественные и зарубежные социологи отмечают заметные перемены в этих основаниях (Morgan 1996, 2011; Носкова 2015). Суть этих перемен состоит *в повороте* (Jurczyk 2013), *в концептуальном сдвиге* (Liu 2017) от социологического функционализма в сторону изучения практик и методологии конструктивизма в семейных исследованиях; от понимания семьи как функциональной единицы до понимания, которое фокусируется на родственных связях, зафиксированное в таких выражениях как «семейные практики», «сети интимной близости». Внимание исследователей пере-

носит с единой модели семьи на многообразие вариантов организации семейных отношений (есть масса разных семейных моделей, единой для всех нет), со структурно-функциональных моментов на повседневную семейную жизнь людей, в центр анализа ставится качество отношений и процессов, которые связывают людей вместе. Можно согласиться с мнением А. В. Носковой, «что эти сдвиги в методологии исследования семейных отношений наглядно отражают перемены в общесоциологической методологии под влиянием теории социальных практик П. Бурдье» (Носкова 2015:178). По-видимому, следует отметить и влияние работ Э. Гидденса, посвященных трансформации интимности (Giddens 1992).

Обновление исследовательской методологии повлекло за собой дополнение понятийного аппарата, разработку и использование новых научных понятий и категорий применительно к сфере семьи, которые позволяют расширить представления о многообразии форм отношений между людьми. Отметим такие понятия, как «семейные практики» (Morgan 1996, 2011), «интимность» (Giddens 1992), «практики интимности», «сети интимной близости» (Jamieson 2008, 2011; Gabb 2008), «партнерство» (Захаров, 2007), «значимый член семьи» (Widmer 1999; Widmer, La Farga 2000; Widmer 2006). Указанные понятия не заменяют, а скорее дополняют друг друга, подчеркивают субъективный опыт создания семьи и значимых отношений, стремятся сопоставить этот опыт с формальными правилами. Так, понятие «практика» может охватывать как привычное поведение, согласующееся с существующими предписаниями, так и не укладывающееся в традиционные рамки. Что касается семейной практики, то люди, как правило, используют набор практик, которые уже частично сформированы юридическими предписаниями, экономическими ограничениями и культурными условиями (Morgan, 2011). Понятие «интимности» определяется как «качество тесной связи между людьми и процесс построения этого качества» (Jamieson 2011). «Практики интимности» относятся к практикам, которые включают, создают и поддерживают ощущение близости и гармонии относительно друг друга. «Близость, которой обозначается интимность, может быть эмоциональной и когнитивной, субъективным переживанием, включая ощущение взаимной любви... Близость также может быть физической, телесной близостью, хотя интимные отношения не обязательно должны быть сексуальными, и как телесный, так и сексуальный контакт может происходить без близости». (Jamieson 2011). Изучение практик интимности включает в себя исследование поведения людей в семьях, взаимоотношений между родителями и детьми, в супружеских парах, сексуальных отношений и дружбы или любых других отношений, имеющих особо тесные связи.

Семья и родственники часто формально определяются традиционными или правовыми нормами, признающими и защищающими супружеские, партнерские, родительские отношения, домашние хозяйства и механизмы наследования. В течение длительного времени проблема идентификации членов семьи и определения ее границ считалась тривиальной. Обычно семья и ее члены определялись в соответствии с критерием ведения общего домашнего хозяйства. Поэтому исследователи отдавали предпочтение нуклеарной семье, фокусируясь на изучении отношений супружеской пары с детьми в пределах отдельного домохозяйства. Однако значительное расширение числа семейных ролей и жизненных устройств, которое явилось следствием разводов и повторных браков, возросшая значимость разнообразия псевдо-родственных связей, то есть связей людей, не связанных брачными или кровными узами, но считающих себя членами семьи показали, что идентификация членов семьи не ограничивается набором семейных ролей или членством в домохозяйстве. Одни люди членами семьи считают только наиболее близких людей, таких как живущих вместе супругов и детей, в то время как другие включают широкий ряд иных значимых людей, начиная от родственников супругов до друзей и подруг. Категориями, расширяющими представления о многообразии форм отношений между людьми и отражающими субъективный опыт идентификации членов семьи, являются «партнерство» и «значимый член семьи». Категория «партнерство» впервые в российской науке использовалась в исследовании «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенном в 2004, 2007, 2011 годах Независимым институтом социальной политики в рамках участия в международной программе «Поколение и гендер». Партнером считался человек, с которым респондента связывают устойчивые отношения, предполагающие наличие сексуальной близости (Захаров, 2007). Категория «значимый член семьи» определяла его как человека, который играл определенную роль, позитивную или негативную, в течение ряда лет жизни респондента и кого он считал членом своей семьи (Widmer 1999; Widmer, La Farga 2000). Значимые семейные связи не ограничиваются домашним хозяйством или нуклеарной семьей, а могут поддерживаться на расстоянии, строиться на добровольных, неформальных началах. Исследования доказывают, что семейная жизнь становится сетевым паттерном (Girardin and Widmer 2015; Widmer 2016). Чувство семейной принадлежности может быть дистанционным, без регулярного совместного присутствия, но через посещения, телекоммуникационное общение, иметь эмоциональное и материальное выражение (выра-

жение любви, подарки на день рождения, денежные переводы) (Widmer and Viry 2017). Подобная сетевая организация семейной жизни свойственна, в первую очередь, «трансрегиональным» или межрегиональным семьям, «гостевым» бракам, «семьям с пропущенным поколением» (Гурко 2017). Реальный, меняющийся контекст жизни людей разнообразен и сложен. И именно семейная идентификация может выступать признаком, определяющим семью. Приведем показательный пример, в котором женщина, воспитывающая дочку, отцом которой был известный политик и артист, говорит о своей семье так: *«Да. Любил дочку. Как появлялось время, приезжал и нянчился. Ну а как же, 10 лет она росла с его участием! В этом тоже состояла суть семьи. У нас семья была все равно! Пусть не ежедневно виделись. Он и у жены не каждый день бывал. Все время гастроли, поездки...»* («Комсомольская правда» 6 декабря 2017 г.).

Концептуальный сдвиг от социологического функционализма в сторону изучения реальных практик в исследовании отношений между разными поколениями в семье также происходит. Изучение отечественной и зарубежной литературы показывает, что основной фокус внимания исследователей по-прежнему направлен на анализ межпоколенных обменов или трансфертов в семье — эмоциональных, инструментальных, экономических (Овчарова, Прокофьева 2000; Барсукова 2004; Gladnikova 2007; Миронова 2014), их роли в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми (Прокофьева, Миронова 2015), влияния демографических изменений на систему частных межпоколенных трансфертов (Миронова 2016; Fokkema et al. 2008; Dykstra et al. 2013). Между тем, предметом изучения оказываются и другие грани межпоколенных отношений: интенсивность контактов между поколениями (Синявская, Gladnikova 2007), влияние культурных контекстов, в частности норм родственных обязательств и ответственности (Корчагина, Прокофьева 2007, 2009; Bengtson 2001; Silverstein et al. 2006; Lowenstein & Daatland 2006; Dykstra and Fokkema 2012). Показателями теоретического сдвига к подходу, направленному на выявление качества межпоколенных отношений, можно рассматривать разработку концепций «интимности» и «межпоколенной солидарности».

Трансформация интимности не ограничивается только сексом и гендером, но затрагивает и родство. «В некоторых обстоятельствах и культурных контекстах считается более или менее само собой разумеющимся, что родители могут рассчитывать на материальную и социальную поддержку своих детей. Но отчетливая тенденция развития состоит в том, что такая поддержка зависит от качества отношений,

постепенно выходящих на первое место» (Гидденс 2004:115). Изучение таких компонентов практик интимности, как отдача, разделение взглядов и чувств, затраты времени, знания, практическая забота, чувство привязанности и выражение привязанности (Jamieson 2011) позволяет судить об отношениях разных поколений членов семьи, подчеркнуть субъективные опыт «выстраивания» семейных отношений. Опыт использования концепции интимности при изучении межпоколенных отношений описан в статье Liu Jieyu (Liu 2017).

Концепция «межпоколенной солидарности» разработана американскими учеными (Bengtson & Mangen 1988; Bengtson & Roberts 1991; Roberts, Richards & Bengtson 1991; Bengtson 1993; Silverstein & Bengtson 1997; Bengtson 2001). «Межпоколенная солидарность» рассматривается как многогранный конструкт, включающий следующие концептуальные измерения: аффективная солидарность (чувства и оценки членов семьи относительно их отношений друг с другом); асоциальная (тип и частота контактов между членами семьи разных поколений); консенсуальная (согласие во мнениях, приверженность одним ценностям и ориентациям); функциональная (получаемая или оказываемая помощь и поддержка между поколениями); нормативная (ожидания относительно родственных обязательств, значимости семейных отношений); структурная (возможности структуры для взаимодействий: удаленность /близость проживания членов семьи). Использование данной теоретической конструкции позволяет измерить общую структуру и отдельные составляющие межпоколенных отношений, конструировать их типологии, определять факторы, детерминирующие отношения между разными поколениями в семье.

Целью данной работы явилось выявление и изучение динамики представлений молодого поколения — петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях.

Задачи исследования заключались в том, чтобы эмпирически зафиксировать динамику представлений о значимых членах семьи и проанализировать изменения реального семейного контекста современных петербургских студентов; выявить динамику семейных контактов и взаимодействий студентов с их родителями.

Эмпирическую базу составили данные двух исследований, проведенных по аналогичной методике с десятилетним временным интервалом. Первое исследование проведено в 2007 г. (n=213 человек), второе — в 2017 г. (n=132 человека). Опрашивались студенты петербургских вузов. Средний возраст — 19 лет. В 2007 г. половина опрошенных были коренными петербуржцами, в 2017 г. их доля уменьшилась. Значительно воз-

росло число уроженцев средних и малых городов, а также сельских районов. Большая часть респондентов еще не создали своей семьи (88 % и 90 %), лишь единицы из них были женатыми или замужними людьми. В гражданском браке состояли 11 % и 8 %. Эмпирический анализ данных исследования, проведенного в 2007 году, представлен в нашей статье (Бурмыкина 2008).

Результаты

Динамика представлений о значимых членах семьи. Итак, «**значимый член семьи**» определялся как человек, который играл определенную роль, позитивную или негативную, в течение последних пяти лет жизни респондента и которого он считал членом своей семьи. Участников опросов просили дать точное описание связи с этим человеком (например, мать, отец, брат, сестра, бабушка, молодой человек и т. д.). Если связь проходила по родственной линии, то необходимо было указать, по какой линии это родство — отцовской или материнской (бабушка со стороны отца, дедушка со стороны матери, сестра отца, брат матери и т. д.). Анализ динамики представлений молодого поколения о значимых членах семьи проводился на основе сравнения ранжированного списка членов семьи, которые были указаны как значимые (Таблица 1).

Предполагалось, что динамические изменения структуры значимых членов семьи затронут главным образом ее периферию (партнеров и некровных родственников), ядро же (члены нуклеарной семьи — мать, отец, родные братья и сестры) останется неизменным. Сохранится высокая значимость прародителей, доминирование кровных родственников по материнской линии. Возрастет значимость партнеров (молодых людей, девушек, гражданских мужей и жен).

Как показывает Таблица 1, ядро значимых членов семьи осталось неизменным:

первые ранговые места сохранились за матерью, отцом и бабушкой по материнской линии. Мать по-прежнему занимает лидирующую позицию. Положение в иерархической структуре членов семьи прародителей — бабушек по отцовской линии и дедушек с обеих сторон — повысилось, а место родных братьев и сестер, хотя и незначительно, но понизилось. Позиции же родных сестер и братьев родителей респондентов упали значительно. Так, сестры матери переместились с 6 рангового места на 12, а сестры отца с 12 до 18. Сохранили свое место двоюродные братья и сестры со стороны отца и несколько понизили — со стороны матери.

Существенные изменения затронули периферию структуры. Повысился ранг партнеров самого респондента — молодых людей, девушек и подруг, друзей (соответственно, с 17 до 7 и с 18 до 11), близких партнеров родителей респондента — отчимов и мачех (с 21 на 14) и крестных родителей (с 20 до 15). Ранговые места, которые занимали названные родственники (мужья и жены братьев и сестер респондента и его родителей) понизились, что выглядит логичным: со снижением рангового места кровного родственника падает и ранг его партнера.

Таблица 1

Значимые члены семьи: динамика представлений молодого поколения (2007–2017 гг.)

Наименование значимого члена семьи	2007 % указавших (n)	Ранг	2017 % указавших (n)	Ранг
мать	94 (201)	1	99 (130)	1
отец	82 (174)	2	84 (111)	2
бабушка по материнской линии	62 (132)	3	67 (88)	3
брат	34 (72)	4	36 (48)	5
сестра	32 (69)	5	27 (36)	7–8
сестра матери	31 (66)	6	11 (14)	12–13
дедушка по материнской линии	29 (62)	7–8	33 (46)	6
бабушка по отцовской линии	29 (62)	7–8	37 (49)	4
двоюродные братья и сестры респондента по материнской линии	22 (46)	9	17 (22)	10
дедушка по отцовской линии	19 (41)	10	21 (28)	9
брат матери	18 (38)	11	11 (14)	12–13
сестра отца	11 (24)	12	7 (9)	18–19
партнеры родственников респондента: мужья / жены братьев и сестер матери и отца	10 (21)	13	4 (5)	21–22
брат отца	8 (17)	14–15	5 (7)	20

Окончание табл. 1

Наименование значимого члена семьи	2007 % указавших (n)	Ранг	2017 % указавших (n)	Ранг
двоюродные братья и сестры респондента по отцовской линии	8 (17)	14–15	8 (11)	14–15–16
партнеры родственников респондента: мужья / жены братьев и сестер	6 (12)	16	7 (9)	17–18
подруги, друзья респондента и его родителей	4 (9)	17–18–19	13 (17)	11
партнеры респондента: молодой человек, девушка, гражданский муж	4 (8)	17–18–19	27 (36)	7–8
двоюродные бабушки и дедушки по материнской и отцовской линии	4 (8)	17–18–19	2 (2)	24–25–26
крестные родители	3 (6)	20	8 (11)	14–15–16
партнеры родственников респондента: отчим, мачеха	3 (7)	21	8 (11)	14–15–16
двоюродные братья и сестры матери и отца	3 (6)	22	—	—
родственники партнеров респондента: свекровь, мать и сестра молодого человека, мать и брат отчима	2 (5)	23	2 (2)	23–24–25
прабабушки со стороны матери и отца	2 (4)	24	4 (5)	21–22
троюродные сестры респондента по отцовской и материнской линии	1 (2)	25	6 (8)	19
племянники	—	—	7 (10)	17–18
Муж, жена	0.5 (1)	26	2 (2)	23–24–25

«Новыми» значимыми членами семьи стали представители младшего поколения — племянники. Среди дальних кровных родственников старшего поколения (двоюродных и троюродных) названы только двоюродные бабушки и дедушки, хотя и довольно редко. А двоюродные братья и сестры матерей и отцов вышли из числа значимых. По-прежнему значимыми членами семей считают и прабабушек с обеих сторон.

Динамика реального семейного контекста. Реальный семейный контекст выявлялся на основе ответов на вопрос о значимых членах семьи и оценивался по ряду индикаторов: **диапазон семейного контекста:** распределение семей по количеству членов; **состав семьи:** полная/неполная; **тип семьи:** нуклеарная / расширенная; **линии родства:** только нуклеарная семья, материнская, отцовская линии, некровное родство; **родственные связи:** кровное/некровное родство.

Предполагалось, что семейный контекст жизни студентов останется достаточно разнообразными и явится основой для выявления различных типов конфигураций семей. Среди них будут представлены как семьи, ограниченные нуклеарной семьей, так и не ограниченные ею, а включающие широкий ряд как кровных, так и некровных родственников. В силу предполагаемых изменений структуры значимых членов семьи, затрагивающих главным образом ее периферию (партнеров и некровных родственников), возможно выделение доминирующего типа семей.

Сравнение данных опросов показало, что **диапазон семейного контекста** участвующих в исследованиях петербургских студентов практически сохранился. Были представлены семьи, включающие в себя как небольшое количество членов — до 3 человек (22 % и 21 %, соответственно 2007 г. и 2017 г.), так и большие семьи от 7 до 10 человек (29 % и 32 %). Максимально число значимых членов — 15 и 13 человек — указали лишь по два респондента, что составило менее одного процента. Наиболее распространенными остались семьи, в состав которых входило от 4 до 6 человек (47 % и 46 %).

За десятилетний период реальный **семейный контекст** изменился (Таблица 2). Доля участников опроса, выросших в полных семьях с обоими родителями, и в расширенных семьях, состоящих из нескольких поколений, выросла. Соответственно, доля выходцев из неполных и нуклеарных семей сократилась. Наибольшие изменения прошли по **линиям родства и структуре родственных связей**. Анализ данных исследования 2007 г. не показал явного доминирования ни одного из ти-

Динамика реального семейного контекста:
2007–2017 гг.

Состав семьи	2007 % (n)	2017 % (n)
полная	85 (180)	90 (119)
неполная	15 (32)	10 (13)
Тип семьи		
нуклеарная	15 (32)	11 (14)
расширенная	85 (181)	89 (118)
Линии родства		
только нуклеарная семья	13 (27)	8 (10)
только материнская линия	28 (60)	17 (22)
только отцовская линия	5 (11)	1 (2)
материнская и отцовская линии	29 (62)	25 (33)
материнская, отцовская линии и некровные родственники	25 (53)	49 (64)
Родственные связи		
только кровные	73 (156)	52 (69)
не только кровные	27 (37)	48 (63)

пов семей, выделенных на основе линий родства. Наиболее распространенными оказались типы семей по материнской и отцовской линиям (29 %), только по материнской линии (28 %) и тип, в котором к кровным родственникам с обеих сторон добавились некровные родственники и партнеры, друзья и подруги (25 %). Их общая черта — ориентированность на кровное родство по материнской линии. Намного менее представленными были типы, ограниченные только членами нуклеарной семьи и кровными родственниками по отцовской линии (13 % и 5 %) (Бурмыкина 2008: 54). Через десять лет ситуация явно изменилась: доминирующим стал комбинированный тип, включающий кровных и некровных родственников и партнеров (49 %). Все остальные типы значительно сократились, за исключением типа, выделенного по обеим линиям родства. Еще более заметные трансформации претерпела структура родственных связей. Если в 2007 г. преобладали семьи, в составе которых были только кровные родственники (73 %), то к 2017 г. их доля значительно уменьшилась (52 %), а доля

семей, включающих не только кровных, но и названных родственников, а также людей, не связанными узами крови и родства, значительно возросла (с 27 % до 48 %).

Динамика семейных контактов. Семейные контакты измерялись на основе ответов на вопросы о частоте встреч и общения по телефону, электронной почте, скайпу и т. п. с матерью и отцом, которые проживают отдельно от респондентов. В первом опросе (2007 г.) ответы давались по трехбалльной шкале от «не реже одного раза в неделю» до «не реже одного раза в год». Во втором опросе (2017 г.) к шкале ответа на вопрос о частоте общения была добавлена графа «каждый день».

В повседневной жизни молодого поколения сохраняется тесное общение со старшим поколением, что обусловлено эмоциональной привязанностью членов семьи и усилено теми возможностями, которые предоставляют современные телекоммуникационные средства. Предполагалось, что частота личных встреч будет уменьшаться, а интенсивность опосредованных контактов (по телефону, электронной почте) возрастать.

Анализ динамики семейных контактов (Таблица 3) показал, что частота непосредственных контактов с матерью и отцом подавляющего большинства студентов, которые живут отдельно, продолжает сокращаться. Несколько раз в год или реже виделись с матерью в 2007 г. 53 %, а в 2017 г. — 68 %; с отцом — 59 % и 72 %, соответственно. Относительно стабильными можно считать ежемесячные встречи с матерью лишь каждого пятого студента. «Компенсируют» редкость встреч опосредованные контакты, которые, по-прежнему преобладают над прямыми. Общение по телефону с родителями осталось очень интенсивным, о чем говорит частота общения в ежедневном режиме или несколько раз в неделю. Безусловно, главным собеседником респондентов осталась мать.

Динамика межпоколенческих взаимодействий. Межпоколенческие взаимодействия оценивались на основе ответов на вопросы респондентов о том, какую помощь и поддержку оказывали им матери и отцы и какую получали в ответ независимо от того, проживают ли они вместе или нет. Помощь и поддержка включала: деньги (в дар и в долг), вещи и продукты, информация и связи, услуги и труд, эмоциональная поддержка в обычной и в трудной ситуациях.

Предполагалось, что между родителями и взрослыми детьми сохранится доминирующий тип отношений — взаимозависимость и симметричность. Основной функциональной доминантой всех семейных

Динамика семейных контактов с родителями, которые проживают отдельно от респондента: 2007–2017 гг.

Частота встреч с...	МАТЕРЬЮ		ОТЦОМ	
	2007 (n=77)	2017 (n=81)	2007 (n=75)	2017 (n=78)
не реже раза в неделю	26	12	12	14
по крайней мере, раз в месяц	21	20	29	14
несколько раз в год или реже	53	68	59	72
Частота общения (по телефону, электронной почте, скайпу) с...	(N=75)	(N=83)	(N=74)	(N=78)
каждый день	— *	68	— *	20
несколько раз в неделю	98	24	66	42
несколько раз в месяц	1	—	19	26
несколько раз в год	1	8	15	12

* В опросе 2007 года графа «каждый день» отсутствовала.

взаимодействий останется их эмоциональная направленность, причем в обыденных ситуациях эмоциональная поддержка возрастет. Значимость безвозмездных материальных обменов останется достаточно высокой, а возмездных — низкой. По-видимому, возможны изменения в информационной составляющей взаимодействий. Можно ожидать, что сохранится симметричность моделей поведения и неэквивалентность обменов, обусловленных стадией жизненного цикла разных поколений членов семьи.

Динамика оценок оказываемой и получаемой помощи матерью и отцом студентов представлена в Таблице 4. Анализ данных позволяет сделать вывод, что взаимная эмоциональная поддержка — основная доминанта отношений, в первую очередь с матерью. Поддержка в трудной ситуации неизменна, эквивалентна и симметрична. В обыденных же ситуациях оказываемая и получаемая родителями помощь выросла. Особенно это отразилось на взаимодействиях с отцом. В данном случае, несомненно, перевес на стороне взрослых детей: они больше затрачивают душевных сил, чтобы поддержать своих родителей. Значимость безвозмездных материальных трансфертов сохраняется. Материальная помощь со стороны матери не изменилась (85 % и 85 %), а со стороны отца — выросла (73 % и 83 %). Ответная помощь остается

Таблица 4

**Динамика оценок оказываемой и получаемой помощи
матерью и отцом студентов Санкт-Петербурга**

Виды помощи	МАТЬ				ОТЕЦ			
	оказывает % (n)		получает % (n)		оказывает % (n)		получает % (n)	
	2007	2017	2007	2017	2007	2017	2007	2017
деньги в дар	85 (181)	85 (113)	36 (76)	31 (41)	73 (157)	83 (109)	15 (33)	19 (25)
деньги в долг	20 (43)	17 (23)	15 (32)	16 (21)	12 (25)	12 (16)	8 (17)	8 (10)
продукты, вещи	79 (168)	81 (107)	32 (68)	33 (43)	54 (115)	56 (74)	19 (40)	18 (24)
информация, связи	70 (150)	79 (104)	70 (149)	58 (77)	64 (136)	67 (88)	70 (149)	47 (62)
услуги и труд	74 (158)	68 (90)	82 (175)	80 (106)	40 (85)	43 (57)	55 (115)	58 (77)
эмоциональная поддержка в обычной ситуации	81 (172)	86 (114)	83 (176)	88 (116)	45 (96)	48 (63)	54 (115)	59 (78)
эмоциональная поддержка в трудной ситуации	88 (188)	88 (117)	82 (175)	82 (109)	62 (133)	64 (85)	62 (133)	62 (83)

неэквивалентной, что вполне понятно, поскольку студенты еще учатся и немногие из них работают. Возмездные материальные обмены (деньги в долг) практикуются редко. В неизменном объеме остаются взаимные покупки вещей и продуктов. Родители это делают больше, причем чаще матери, чем отцы. Неэквивалентность материальных обменов компенсируется со стороны респондентов инструментальными: студенты больше оказывают помощь, чем получают. Взаимные услуги и помощь по дому матери сократились, а отцу — выросли. Динамика информационных взаимодействий такова: и мать, и отец стали больше делиться связями и информацией, а получать в ответ стали меньше. Так, если в 2007 г. объем оказываемой и получаемой матерью информации был одинаков (70 % и 70 %), то в 2017 г. это равновесие было нарушено: 79 % против 58 %. Отцы, напротив, в 2007 г. больше получали информации, чем делились ею (70 % против 64 %). В 2017 г. ситуация стала обратной: стали больше делиться, чем получать (67 % против 47 %).

Иерархия функциональной направленности взаимоотношений студентов со своими матерями не изменилась. Это, в первую очередь, эмоциональная поддержка и простое сопереживание с обеих сторон, затем материальная помощь со стороны матери и инструментальная — со стороны студента. Со стороны отцов по отношению к своим взрослым детям сохранился рациональный подход: денежная помощь, информация и связи. Отношения детей к своим отцам стали направляться в первую очередь на поддержание эмоционального состояния в обычной и тяжелой ситуации, на оказание услуг и бытовой помощи и лишь затем на обмен информацией и связями.

Выводы

Изучение динамики представлений петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях подтвердило специфику трансформаций современной российской семьи, состоящую в **сохранении традиционности и преемственности**, и в то же время — **открытости новому**. С одной стороны, сохранение ядра значимых членов семьи — членов нуклеарной семьи — и прародителей свидетельствует о сохранении традиционных, основанных на родстве механизмов формирования чувства принадлежности к семье и создания социальных связей. С другой стороны, существенные изменения периферии структуры значимых членов семьи — возрастание значимости партнеров (молдых людей, девушек, гражданских мужей и жен) — свидетельствует о трансформации этих механизмов. В обыденных представлениях людей о семье семейная идентификация выступает одним из главных признаков, определяющих семью.

Исследование показало, что реальный семейный контекст (диапазон семейного контекста, состав и тип семьи, линии родства и родственные связи) динамичен и разнообразен. На его основе выявляются различные типы конфигураций семей, как ограниченных нуклеарной семьей, так и не ограниченных ею, а включающих широкий ряд кровных и некровных родственников. Сохранился диапазон семейного контекста: самыми распространенными остались семьи, в состав которых входило от 4 до 6 человек. Наибольшие изменения прошли по *линиям родства и структуре родственных связей*. Доминирующим стал комбинированный тип, включающий кровных и некровных родственников и партнеров. Еще более заметные трансформации претерпела структура родственных связей. Если в 2007 г. преобладали

семьи, в составе которых были только кровные родственники, то к 2017 г. их доля значительно уменьшилась, а доля семей, включающих не только кровных, но и названных родственников, а также людей, не связанных узами крови и родства, значительно возросла.

Межпоколенные отношения в семье — многогранный феномен. Они включают не только демографические конфигурации, но и структуры возможностей для взаимодействия, поведенческие и эмоционально-когнитивные показатели, обмены между членами семьи и принятые в обществе нормы родственных обязательств. Теоретический конструкт «межпоколенная солидарность» создает основу для измерения указанных граней этих взаимодействий. В данной работе сравнивались лишь две из них: «асоциальная солидарность», описывающая оценки типа и частоты контактов между членами семьи разных поколений, и «функциональная солидарность», содержащая оценки получаемой и оказываемой помощи и поддержки между взрослыми детьми и их родителями.

Предположение о сохранении тесного общения с матерью и отцом, которые живут отдельно от респондента, подтвердилось. Это общение носит скорее опосредованный характер, но отличается высокой интенсивностью. Преобладание опосредованных контактов, по-видимому, обуславливается затрудненностью частых встреч с родителями, живущими в других регионах. Высокая частота дистанционных контактов, практически в ежедневном режиме, по-нашему мнению, обусловлена эмоциональной привязанностью членов семьи — недавно отделившихся детей, еще не создавших свои собственные семьи, и их родителей, а также усилена теми возможностями, которые предоставляют современные телекоммуникационные средства.

Анализ динамики взаимодействий показал, что тенденция к симметрии и взаимозависимости в межпоколенных отношениях между родителями и взрослыми детьми сохранилась. Основной функциональной доминантой всех семейных взаимодействий остается их эмоциональная направленность, причем в обыденных ситуациях эмоциональная поддержка возрастает. Особенно это отразилось на взаимодействиях с отцом. Значимость и неэквивалентность безвозмездных материальных трансфертов сохраняется. Материальная помощь со стороны матери не изменилась, а со стороны отца — выросла. Возмездные материальные обмены (деньги в долг) практикуются редко. В неизменном объеме остаются взаимные покупки вещей и продуктов. Родители это делают чаще, причем в основном матери, нежели отцы. Неэквивалентность материальных обменов компенсируется со стороны респонден-

тов инструментальными: студенты больше оказывают помощь, чем получают. Взаимные услуги и помощь по дому матери сократились, а отцу — выросли. Заметные изменения произошли в информационных взаимодействиях: и мать, и отец стали больше делиться связями и информацией, а получать в ответ стали меньше.

Сохранение и даже возрастание эмоциональной направленности всех семейных взаимодействий, по-видимому, обусловлено глобальными изменениями, которые затронули современную семью. В первую очередь, речь идет о том, что «семья сегодня в западных странах (и все более и более в других странах во всем мире) больше не является, прежде всего, экономической единицей. Скорее основу семьи создают отношения, базирующиеся в основном на коммуникации и, особенно — на эмоциональной коммуникации» (Giddens 2001–2002). Очевидно, что и взаимодействия между разными поколениями в семье в большей мере начинают основываться на эмоциональной коммуникации, нежели на экономическом обмене, хотя значимость последнего остается достаточно высокой. Немаловажное значение имеет и локальный контекст. На фоне падения доверия к социальным и политическим институтам растет уровень межличностного доверия, доверия людей друг к другу. Для молодого поколения, в первую очередь, доверия к близким людям, к значимым членам семьи. «Оторванность» от дома, от родителей иногородних студентов обостряет чувство эмоциональной привязанности.

Иерархия функциональной направленности взаимоотношений студентов со своими матерями не изменилась. Это, в первую очередь, простое сопереживание с обеих сторон, затем материальная помощь стороны матери и инструментальная — со стороны студента. Со стороны отцов сохранился рациональный подход: денежная помощь, информация и связи. Отношения детей стали направляться в первую очередь, на поддержание эмоционального состояния в обычной и тяжелой ситуации, на оказание услуг и бытовой помощи и лишь затем на обмен информацией и связями. Иерархия взаимоотношений разных поколений членов семьи носит скорее ситуативный характер, что подтверждает вывод В. Б. Голофаства об установлении взаимозависимости нового типа в межпоколенных отношениях. «Тенденция к симметрии и взаимозависимости нового типа устанавливается и в межпоколенных отношениях, делая их иерархию ситуативной, относительной, вовлекая в любую социальную связь между близкими людьми их индивидуальные качества, личные особенности, склонности, желания, а не только нормативные ролевые характеристики участников. Ролевой контекст

социального взаимодействия не устраняется, просто как форма социальной связи он становится более гибким и чувствительным к личности. В семье и вне семьи между близкими людьми продолжают цениться привычные, традиционные, регулярные утилитарные формы поведения, как и ритуальные формы, имеющие символически и психологически многозначный сверх утилитарный смысл» (Голофаст 2006: 210).

Итак, члены нуклеарной семьи остаются самыми значимыми в представлениях студентов, при этом возрастает и значимость людей, не связанных узами крови и родства. Отношения между разными поколениями семьи остаются важными, сохраняется эмоциональная привязанность, симметричность, взаимозависимость.

Источники

- Барсукова С. Ю. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции, специфика. // Социологические исследования 2004. № 9, С. 20–29;
- Бурмыкина О. Н. Семейные и межпоколенческие взаимодействия петербургских студентов начала XXI века // Журнал социологии и социальной антропологии 2008. Том XI № 3 (44), С. 48–64;
- Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. //СПБ, Питер, 2004;
- Гладникова Е. В Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // журнал «SPERO» осень — зима 2007, № 7, С. 132;
- Голофаст В. Социология семьи. Статьи разных лет. //СПБ, Алетейя, 2006;
- Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования 2017. № 11, С. 99–110;
- Захаров С. В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России 2007. № 4, С. 73–112;
- «Комсомольская правда» 6 декабря 2017;
- Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Население России: о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых. // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сборник аналитических статей выпуск 1. Под науч. ред. Т. М. Малевой и О. В. Синявской. М., НИСП, 2007, С. 313–344;
- Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Россияне о роли общества и семьи в поддержке детей и престарелых: изменения последних лет. // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сборник аналитических статей выпуск 2. Под науч. ред. С. В. Захарова, Т. М. Малевой и О. В. Синявской. М., НИСП, 2009, С. 247–264;
- Миронова А. А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования 2014 № 10, С. 136–142;
- Миронова А. А. Влияние демографических изменений на систему частных межпоколенных трансфертов // Демографическое обозрение 2016, № 3, С. 80–99;
- Носкова А. В. Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования 2015. № 10, С. 177–185;
- Овчарова Л. Н., Прокофьева Л. М. Бедность и межсемейная солидарность в России в переходный период // Мониторинг общественного мнения, июль-август 2000, № 4 (48), С. 23–31;
- Прокофьева Л., Миронова А. Роль межсемейного обмена в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми в современной России. // Демографическое обозрение, 2015, № 3, С. 69–86;
- Синявская О. В., Гладникова Е. В. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями. // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сборник аналитических статей выпуск 1. Под науч. ред. Т. М. Малевой и О. В. Синявской. М., НИСП, 2007, с. 517–544;
- Bengtson, V. L., & Mangen, D. J. (1988). Family intergenerational solidarity revisited. In D. J. Mangen, V. L. Bengtson, & P. H. Landry (Eds.), *Measurement of intergenerational relations* pp. 222–238. Newbury Park, CA: Sage;
- Bengtson, V. L., & Roberts, R. E. L. (1991). Intergenerational solidarity in aging families: An example of formal theory construction. // *Journal of Marriage and the Family*, 53, pp 856–870; Bengtson V. L. (1993) Is the «Contract Across Generations» Changing? Effects of Population Aging on Obligations and Expectations Across Age Group. In: Bengtson V. L. and W. A. Achenbaum (eds.), *The Changing Contract Across Generation*. N. Y. 1993;
- Bengtson Vern L. (2001) Beyond the nuclear family: the increasing importance of multigenerational bonds // *Journal of Marriage and Family* vol. 63 pp. 1–16;
- Dykstra, P. A., & Fokkema, T. (2012). Norms of filial obligation in the Netherlands // *Population-E*, 67(1), pp.97–122;
- Dykstra Pearl A., Thijs van den Broek, Cornelia Muresan, Mihaela Haragus, Paul-Teodor Haragus, Anita Abramowska-Kmon, Irena E. Kotowska (2013) *State-of-the-art report Intergenerational linkages in families / Families and Society/ Working Paper Series 1*: http://www.familiesandsocieties.eu/?page_id=131;
- Fokkema Tineke, Bekke Susan ter, Dykstra Pearl A. (2008) Solidarity between parents and their adult children in Europe // *Netherlands interdisciplinary Demographic institute Report no. 76*, Knaw Press, Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, Amsterdam;
- Gabb J. (2008) *Researching Intimacy in Families*. London: Palgrave;
- Giddens, Anthony (1992) *The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Cambridge: Polity Press;
- Giddens A. Global Futures at a Time of Transition: 2001–02 Director’s Lectures: m&rec=1020781735–15394

- Girardin Myriam and Widmer Eric D. (2015) Lay definitions of family and social capital in later life // *Personal Relationships*, 22, 712–737 published by Wiley Periodicals, Inc. on behalf of International Association for Relationship Research. DOI: 10.1111/per.12107
- Jamieson L. (1998) *Intimacy: Personal Relationships in Modern Societies*. Cambridge: Polity; Jamieson L. (2011) *Intimacy as a Concept: Explaining Social Change in the Context of Globalisation or Another Form of Ethnocentricism?* // *Sociological Research Online*, 16 (4) 15 <<http://www.socresonline.org.uk/16/4/15.html>> 10.5153/sro.2497;
- Jurczyk K. (2013) *Doing Family — Structuring Everyday Life as a Modern Challenge* // *The Future of the Family. Demands on Family Policy and Family Science*. Bamberg;
- Liu Jieyu (2017) *Intimacy and Intergenerational Relations in Rural China* // *Sociology*, Vol. 51(5) 1034–1049 sagepub.co.uk/journalsPermissions.nav DOI: 0.1177/0038038516639505 journals.sagepub.com/home/soc;
- Lowenstein A., & Daatland, S. V. (2006). Filial norms and family support in a comparative crossnational context: evidence from the OASIS study. // *Ageing & Society*, 26, 203–223;
- Morgan D. H. J. (1996) *Family connections: an introduction to family studies*. Cambridge, UK: Polity Press; Cambridge, MA: Blackwell Publishers;
- Morgan D. H. J. (2011) *Rethinking Family Practices*, Palgrave Macmillan: Basingstoke;
- Roberts, R. E. L., Richards, L. N., & Bengtson, V. L. (1991). Intergenerational solidarity in families: Untangling the ties that bind. In S. K. Pfeifer & M. B. Sussman (Eds.), *Marriage and Family Review*, Vol.16 pp. 11–46 Binghamton, NY: Haworth Press;
- Silverstein, M., & Bengtson, V. L. (1997). Intergenerational solidarity and the structure of adult child-parent relationships in American families. // *American Journal of Sociology*, 103, 429–460;
- Silverstein, M., Gans, D., & Yang, F. M. (2006). Filial support to aging parents: The role of norms and needs. // *Journal of Family Issues*, 11, pp. 1068–1084;
- Widmer E. D. (1999) Family context as cognitive networks: a structural approach of family relationships. // *Personal Relationships*, 6, pp. 487–503;
- Widmer E. D. and La Farga L.-A. (2000) Family networks: a sociometric methods to study relationships in families. // *Field Methods*, 12, pp.108–128;
- Widmer Eric D. (2006) Who are my family members? Bridging and binding social capital in family configurations // *Journal of Social and Personal Relationships* Copyright © SAGE Publications (www.sagepublications.com), Vol. 23(6), pp. 979–998;
- Widmer, E. D. (2016) *Family Configurations. A Structural Approach to Family Diversity*. Routledge, London;
- Widmer Eric D., Viry Gil (2017) Family Inclusiveness and Spatial Dispersion: The Spatial Consequences of Having Large and Diversified Family Configurations // *Open Journal of Social Sciences*, 5, 350–367 <http://www.scirp.org/journal/jss> ISSN Online: 2327–5960 ISSN Print: 2327–5952 DOI: 10.4236/jss.2017.55024 May 24, 2017.

К. С. Дивисенко

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье анализируются возможности биографического исследования для изучения оценок людьми качества их жизни. Субъективное благополучие, отражающее особенности восприятия индивидами их собственной жизни, является значимым социальным индикатором и одной из востребованных областей междисциплинарных исследований. Представлен краткий обзор современных социологических исследований субъективного благополучия, опирающихся на качественную методологию. Рассмотрен эвристический потенциал автобиографических материалов для изучения субъективного благополучия. Показано, что феномен субъективного благополучия как компонент качества жизни может быть исследован на основе представлений о социальных благах, репрезентированных в автобиографическом нарративе. Вместе с тем биографическое исследование также позволяет проанализировать выявляемую в ряде эмпирических исследований связь временной перспективы индивидов и оценок ими качества собственной жизни. Качественное биографическое исследование субъективного благополучия ориентировано на анализ экзистенциального опыта и социокультурных детерминант, определяющих самооценку собственной жизни. Предлагаемый подход позволяет дополнить и расширить существующие методические решения для изучения субъективного благополучия.

Ключевые слова: качество жизни, автобиография, субъективное благополучие, социальные блага, нарратив, социальные представления, биографическое исследование

Проблема изучения качества жизни населения является не только актуальной областью социальных исследований, имеющей большое значение для социальной политики государства (Тихонова 2015: 19–21), но и областью, всё еще требующей уточнения существующего и разработки нового инструментария для изучения этого комплексного и многомерного явления.

Изучение субъективного благополучия как восприятия людьми качества собственной жизни стало неотъемлемой частью исследований качества жизни (ОЕСД2013) в рамках различных дисциплин: экономики, психологии, социологии, медицины, образования. Вместе с объективными показателями уровня жизни, социально-демографического, экономического статуса анализируются степень удовлетворенности жизнью в целом, отдельными ее сторонами, наличие положительных

и отсутствие отрицательных эмоций (аффектов), уровень ощущения счастья и т. п.

Субъективное благополучие является не только «внутренним мерилом, критерием и регулятором бытия субъекта, в котором сходятся его цели, программы и их реализация» (Шамянов 2014: 80), имеющим особое значение для внутреннего мира личности, но и значимым социальным индикатором. Обращает на себя внимание, что в определении качества жизни, разработанном Группой оценки качества жизни Всемирной организации здравоохранения (The World health organization Quality of Life Assessment group), подчеркивается в большей мере субъективная составляющая, нежели объективные характеристики уровня жизни. Так, качество жизни понимается как «восприятие людьми своего положения в жизни в контексте систем культуры и ценностей», а также влияние на них собственных целей, ожиданий, стандартов и переживаемых трудностей (WHOQOL 1997). Эта дефиниция, подчеркивающая значимость изучения как культуры, так и внутреннего мира человека, его личной истории, определяет необходимость не только количественного измерения данных детерминант, но и качественного изучения самого феномена субъективного благополучия.

Следует отметить, что содержание понятия «субъективное благополучие», концептуализация которого осуществляется не только в рамках различных дисциплин (социология, психология, экономика), но и теоретических перспектив, остается дискуссионным. Это также определяет проблему операционализации. В частности, отсутствует общепринятое понимание его соотношения с близким термином «психологическое благополучие», также нет единого мнения и относительно его структуры (Бенко 2015; Козьмина 2014: 17). Однако, в существующих моделях благополучия, как правило, отражена комплексность и многомерность данного явления и учитывается его динамичность, которая связана как с постоянно обогащающимся жизненным опытом, так и здесь-и-сейчас ситуацией исследования.

За относительно недолгую историю изучения субъективного качества жизни, насчитывающую лишь несколько десятилетий, сложились две относительно независимые традиции понимания субъективного благополучия и обуславливающих его факторов, которые принято обозначать как гедонистическую и эвдемонистическую (Ryan, Deci 2001).

Гедонистический подход связан с определением благополучия как получения индивидом удовольствий (относящихся к самым разнообразным сферам, в том числе, достижению целей, получению резуль-

татов) и избегания неудовольствия (отрицательных эмоций/аффектов) (Brülde 2014: 2839). В рамках этого подхода предполагается, что благополучие у индивида формируется в процессе сравнения установленных им самим стандартов с реальными условиями собственной жизни (Pavot, Diener: 2009) и является результатом успешной социальной адаптации (Бочарова 2012: 262).

Эвдемонистическое благополучие связано со способностью и стремлением человека к самореализации (Waterman 2008: 236). Этот подход главным образом отличается интерпретацией событий личной истории индивида, которые не приносят ему чувств удовлетворенности и удовольствия. Такого рода события при правильном их восприятии и оценке самим человеком, также как и положительные эмоции, могут вносить вклад в благополучие. Негативный опыт может быть переработан и переосмыслен человеком как для преодоления аналогичных жизненных трудностей, так и для осознания и решения экзистенциальных вопросов.

Модель благополучия, предложенная К. Рифф, объединяет не только эвдемонистическое и гедонистическое понимание благополучия, но и опирается на результаты многочисленных эмпирических исследований. На ее основе была разработана методика (Ryff 1989), ставшая одной из наиболее востребованных в современных исследованиях благополучия. Модель включает шесть измерений, положительная связь которых эмпирически доказана с позитивным восприятием индивидом собственной жизни (Ryff 1996). Перечислим эти измерения, поскольку, по нашему опыту биографических исследований, они также могут быть изучены в рамках дескриптивного исследования: 1) самопринятие (позитивная оценка себя и собственной жизни); 2) положительные отношения с Другими (наличие теплых и доверительных отношений с людьми); 3) автономия (навык саморегуляции, независимость от социального окружения); 4) владение ситуацией (способность изменить ситуацию или отношение к ней, умение преодолевать трудности для реализации своих целей); 5) цель в жизни (осмысленность жизни, наличие целей); 6) личностный рост (стремление к развитию, реализации потенциала).

Методика К. Рифф, как впрочем и подавляющее большинство других исследований качества жизни и субъективного благополучия, в первую очередь ориентированы на измерение, а не описание. В силу этого используется количественная методология. Квантифицированность объективных показателей, которые используются при изучении

качества жизни, требует того, чтобы и субъективное благополучие, несмотря на его более «тонкую», духовную природу, было выражено в первую очередь в количественных индикаторах. Вероятно, это обстоятельство во многом определило недостаточное внимание исследователей к качественным исследованиям представлений людей о «хорошей жизни».

Качественные методы в изучении качества жизни и субъективного благополучия в отечественной науке практически не применяются, а в зарубежной обозначились два «незримых колледжа», связанные с именами Грасиелы Тонон и Карин Далберг. Кратко рассмотрим каждое из этих двух независимых (судя по отсутствию взаимных цитирований) исследовательских направлений.

Аргентинский социолог Г. Тонон и ее коллеги провели ряд исследований, посвященных изучению качества жизни в Латинской Америке, результаты которых отражены в коллективной монографии (Qualitative Studies 2015). Отдельные исследовательские кейсы связаны с изучением восприятия качества собственной жизни представителями различных социальных групп: детьми, студентами, городской и сельской молодежью, молодыми людьми-носителями ВИЧ/СПИД и др.

В своих работах аргентинские социологи уделяют внимание теоретико-методологическим основаниям качественных исследований восприятия людьми благополучия и их представлений об идеальной жизни. Во многом эти размышления являются общими для качественных исследований в целом. Они касаются, в том числе, роли исследователя, а также анализа влияния культурного контекста как на исследователя, так и информанта.

Первоначально данное исследование субъективного благополучия было связано с решением практических задач: в частности, с проблемой улучшения качества жизни студентов Университета Буэнос-Айреса и с выявлением роли учебного заведения как пространства для социальной интеграции (ibid: 12). Проведенное исследование показало, что субъективное восприятие качества жизни было связано не только с удовлетворенностью жизнью и получением различных удовольствий, но также и с жизненным опытом.

В другом исследовательском кейсе анализировалось субъективное благополучие молодых людей в контексте их представлений о будущем. Были сделаны выводы о том, что информанты связывают благополучие с удовлетворенностью, достижением материального благосостояния, трансцендентностью, духовностью, счастьем и гармонией. Важным

обнаружением стал и тот факт, что «хорошая жизнь» определяется не только и не столько деньгами и материальной составляющей, которые скорее выступают инструментальными ценностями. Для студентов оказалось важным личностное развитие, а также объективные возможности и собственные способности, которые могут улучшить их профессиональную траекторию. Также существенными аспектами качества жизни оказались окружающая среда, жилье, личная жизнь, участие в общественной жизни, возможность иметь свободное время для досуга и занятий спортом, которые способствуют улучшению здоровья и хорошему настроению (ibid: 18).

В целом результаты исследования подтвердили предположение о том, что качество жизни как воспринимаемая людьми или социальными группами реальность, имеет существенное отличие от «макросоциального» качества жизни, измеряемого с помощью формализованной количественной методологии (ibid: 186).

Еще один взгляд на изучение проблемы качества жизни с помощью качественных методов изложен в работах, опирающихся в своей теоретической основе на методологию рефлексивного анализа жизненного мира, предложенную К. Далберг и коллегами (Dahlberg, Dahlberg, Nystroem 2011).

В качестве примера можно привести исследование переживания благополучия женщинами, получающими степень PhD в Швеции (Schmidt, Umans 2104). Поскольку даже в столь либеральном обществе как шведское женщинам все еще непросто войти в академическую сферу, традиционно являющуюся достоянием мужчин, женщины-аспиранты испытывают различные трудности, которые проявляются в их восприятии качества жизни. С помощью феноменолого-герменевтического метода авторами изучается благополучие как феномен жизненного мира, воспринимаемый и переживаемый людьми сквозь призму собственного опыта. Данный метод предполагает не только описание феномена, но и интерпретацию его значения для людей посредством понимания и вчувствования на основе анализа историй жизни. На материалах трех фокус-групп с двенадцатью аспирантами, показаны особенности восприятия ими благополучия во время их учебы и при работе над диссертацией. Основные обнаружения свидетельствуют о том, что благополучие информантов определяется вынужденным разрывом между, с одной стороны, собственными ценностями и приоритетами, с другой, внешними обстоятельствами, воздействующими на них и требующими выполнения нескольких ролей для поддержания

необходимого жизненного равновесия (ibid: 10). Это взаимодействие агентной и структурной реальностей порождает определенное напряжение, сказывающееся на благополучии, которое в эмоциональном плане оказывается богатой палитрой разнообразных чувств и эмоций.

Отдельными исследователями подчеркивается необходимость не только измерения благополучия, но и понимания этого сложного феномена и компонента жизни. Так, одна британская исследовательница, анализируя изменения в системе общественного здравоохранения в Великобритании, отмечает «деконтекстуализированность» целей современного медицинского обслуживания и поверхностное измерение его качества (Hemingway 2011). В данной системе качество оценивается на основе формальных показателей, а не «реального опыта конечного пользователя» (Hemingway 2011: 4). Вместе с тем, нелинейный и сложный характер связи материального благосостояния, субъективного качества жизни и уровня депрессии в современных обществах ставит исследователей перед необходимостью осмысления как индивидуальных, так и культурных факторов. Отмечается, что для улучшения качества жизни отдельных людей и социальных групп, важно не только выявить факторы, отрицательно влияющие на их благополучие, но и необходимо исследовать жизненный опыт людей. Это знание будет способствовать определению условий, которые непосредственно влияют на благополучие или являются потенциалом для его достижения (Hemingway 2011: 5).

Резюмируя немногочисленные качественные исследования субъективного благополучия, отметим, что они являются новым проблемным полем, которым занимается относительно небольшая группа исследователей. Как правило, в этих исследованиях используется «прямой» тип методики. Информантам при разных методах сбора социологической информации (интервью, личные дневники, фокус группы и др.) задаются прямые вопросы о том, что для них является благополучием. Основной получаемый результат — аналитическое описание представлений информантов о благополучии, о качестве жизни, о том, что они называют «хорошей жизнью». Вместе с тем, в фокусе внимания оказываются и те факторы, которые, по мнению людей, способствуют или не способствуют улучшению субъективного качества жизни.

С нашей точки зрения, использование «косвенного» типа методики для анализа представлений о благополучии на основе биографических нарративов может обеспечить получение не менее значимых результа-

тов. Основное преимущество биографического исследования субъективного благополучия заключается в том, что тематизация этого феномена сознания (восприятия собственной жизни) происходит в более «щадающем режиме», чем при прямом вопросе о переживании благополучия, об удовлетворенности различными сторонами жизни, об ощущении счастья. Это в первую очередь связано с тем, что восприятие жизни — феномен сознания, который явно присутствует, но его тематизация представляет собой нарушение замкнутой на себе системы повседневной рациональности и вносит искажение в его репрезентацию. Прямой вопрос задает определенный ракурс в авторефлексивную нарративизацию представлений о субъективно значимых благах, и его использование в потенциале содержит определенную опасность изучить не сам феномен, а индивидуально, социально и культурно обусловленную реакцию на отдельные слова-«раздражители».

Кратко коснемся особенностей автобиографических нарративов как эмпирических данных в контексте изучения благополучия.

В социальных науках обращение к изучению биографий индивидов произошло в тот момент, когда акцент стал переноситься с создания «больших» теорий, касающихся всей совокупности социальных отношений и закономерностей жизни социума, на эмпирические исследования отдельных сфер и конкретной социальной проблематики. Основной особенностью биографических исследований является то, что в их основе лежит идеографический метод. Для социального анализа становится важным каждый отдельный случай, в котором общественное преломляется в индивидуальном, и индивидуальное воспроизводит общественное. Как отмечает У. Бек, исследование биографий носит междисциплинарный характер как на уровне методологии, так и на уровне конкретных эмпирических исследований (Бек 2000: 201). В социологии понятие «биографическое исследование» выступает в качестве общего названия для относительно автономных типов качественных исследований (устная история, история жизни, нарративный анализ), связанных с изучением индивидуальной жизни человека (Miller 2008: 61). В настоящее время, как справедливо замечает Л. А. Козлова, «методология биографических исследований не может считаться устоявшейся и обоснованной» (Козлова 2007: 59). Тем не менее, разнообразные биографические исследования объединяет общий интерес к изучению истории жизни отдельного человека в контексте социума, а также к анализу индивидуальных и культурных факторов, определяющих восприятие и репрезентацию жизни.

Биографические данные позволяют изучать как фактуальную историю жизни индивида (мир прошлого и продолжающегося настоящего), так и интерпретацию событий личной истории. В автобиографическом нарративе (им может быть автобиография, дневник, воспоминания) осуществляется репрезентация личной истории посредством авторефлексии. Ситуация авторефлексивного биографического повествования рационализирует жизненный опыт, выводя его за пределы области само собой разумеющегося и часто неосознаваемого индивидом знания. Личная история индивида представляет собой осмысленный экзистенциальный опыт (Сапогова 2017: 145–146), воспоминания о пережитых событиях собственной жизни. Коммуникация как социальное действие, осуществляемая в биографическом нарративе, направлена на достижение взаимного понимания автобиографанта и адресата посредством общих культурных кодов и образцов. В отличие от самой описываемой жизни, её репрезентация предполагает, как правило, завершенную структуру, актуальную для здесь-и-сейчас ситуации.

С точки зрения изучения субъективного благополучия, в том числе представлений о социальных благах, в биографических данных оказывается важным анализ событий как основных элементов личной истории, а также их оценочная интерпретация. Каждое событие воспринимается человеком через призму когнитивных схем постоянно обогащающегося жизненного опыта. В свою очередь пережитое событие личной истории, являясь лишь точкой на жизненном пути, встраивается в жизненный опыт, имеющуюся у индивида систему координат, в том числе континуум «благо — зло». Таким образом, интернализирующая и экстернализирующая функции жизненного опыта оказывают влияние на деятельность человека в целом и на репрезентацию личной истории в частности. Биографическое исследование описываемого индивидом жизненного опыта позволяет выделить систему значимых событий (которые могут быть интерпретированы как социальные блага) и выявить их смысловую коннотацию.

Изучение представлений о субъективных благах на биографических материалах позволяет описать и понять значимость отдельных объективных индикаторов для самого индивида или социальной группы. В частности, уровень образования, семейный статус, жилищные условия, досуг и другие объективные характеристики, описание которых имеется в биографическом повествовании, в качественном исследовании рассматриваются как феномены субъективного благополучия: происходит перенос акцента с их объективной значимости для жизни инди-

вида на субъективную. Последняя может иметь сугубо контекстуальный характер. Например, ценностные ориентиры, представления о социальных благах, обозначенные в биографиях их авторами, имеют различную степень важности и наполнение: наличие семьи, карьерные интенции, материальный достаток могут быть связаны как с гедонистическим пониманием благополучия, так и иметь инструментальный характер.

Анализ репрезентации личных событий в нарративе позволяет описать и эмоциональный аспект субъективного благополучия и когнитивный. Первый связан с аффективной реакцией на событие, которая может относиться к моменту самого события в прошлом, либо быть переосмысленной эмоциональной реакцией, описываемой в момент нарративизации. Второй, когнитивный компонент, связан не только с выявлением структуры субъективных благ и «бед» — событий, которые оказывают или могут оказывать отрицательное влияние (Бородкин, Кудрявцев 2003), но и других компонентов, имеющих непосредственное отношение к восприятию жизни в положительном или отрицательном ключе. В частности, к ним можно отнести степень удовлетворения желаний (и ожиданий), восприятие жизни (оптимизм, пессимизм), наличие осознанной (и вербализированной) цели в жизни, степень ее осмысленности, локус контроля, включенность в социальные отношения и др. Выявление устойчивой комбинации отдельных компонентов субъективного благополучия в жизнеописаниях позволяет выделить различные типы восприятия качества собственной жизни, что оказывается, наряду с описанием структуры субъективного благополучия, одной из основных задач биографического исследования.

Результаты эмпирических исследований экзистенциальных и когнитивных психологов убедительно показывают, что восприятие времени (ориентация и значимость для индивида прошлого, настоящего и будущего) тесным образом связано с субъективным благополучием человека (Зайцева 2016; Виноградова, Артеменко 2017; Исаева, Зайцева 2015). В частности, эмпирически обосновано, что временная перспектива и благополучие у людей связано с характером осмысления жизненных событий и оценкой собственных ресурсов (Неяскина, Мазуркевич 2014). В целом же субъективное благополучие личности определяется, касательно восприятия времени, «сбалансированностью, критериями которой выступают эмоциональная насыщенность настоящего, удовлетворенность прошлым, осмысленность будущего» (там же: 105). Эвристический потенциал биографических нарративов также связан с возможностью изучения временной перспективы.

Особенностью автобиографических текстов является то обстоятельство, что описываемый в них прошлый жизненный опыт преломляется через призму настоящего (Рождественская 2012: 343). Этот существенный момент, конституирующий биографический нарратив в здесь-и-сейчас ситуации повествования, имеет эвристическую значимость для изучения временной перспективы. Наиболее подходящими для этих целей жанрами являются дневниковые записи, повторные интервью, проективные биографические методики. Вопросы об ожидаемой жизни, о жизненных планах делают биографический нарратив трехмерной моделью, в которой присутствуют прошлое, настоящее и будущее.

Наш опыт использования не только автобиографий, но и биографических эссе «Я через N лет» в изучении жизненных планов школьников (Дивисенко 2011) позволяет утверждать, что на основе этих эмпирических данных возможно описание не только самого феномена благополучия, но и выявление различных типизаций в представлениях о благополучии, связанных с временной перспективой, в силу того, что в этих двух жанрах биографических нарративов представлено свершившееся прошлое, настоящее, оказывающее влияние на повествование, а также предполагаемое будущее.

Изучение субъективного благополучия подростков в контексте временной перспективы особенно актуально в современной жизни, когда происходят качественные изменения как в публичной, так и в приватной сферах, обусловленные усиливающимся с годами вторжением в них информационных технологий и новых форм досуговых практик, которые связаны с «ускорением жизни» и изменением распределения личного бюджета времени. Время становится одним из центральных ресурсов в социальной жизни. Умение им распоряжаться оказывает значимое влияние на самовосприятие человека и его оценку собственной жизни. Проективная биографическая методика, которая приоткрывает отношение подростков к будущему, показывает не только разнообразие жизненных планов и установок к активному изменению своей жизни (осуществление которых будет зависеть от различных обстоятельств), но и оценку содержания настоящего, а также удовлетворенность уже достигнутым. Таким образом, выявление различных типов субъективного благополучия/неблагополучия в рамках биографического исследования и их связей с различным восприятием времени позволит показать качественную специфику когнитивной репрезентации благополучия, что может быть использовано для дальнейших

методических разработок формализованного инструментария, а также в практической социальной и социально-психологической работе.

Подводя итог, отметим, что оценка качества жизни населения является важным индикатором вектора развития общества (Российское общество 2017: 13–14). Исследование субъективного благополучия, в отличие от традиционного для социологии анализа негативных явлений социальной жизни (депривация, исключенность, неравенство и др.), ориентировано на изучение имеющегося у людей потенциала и возможностей.

Многомерность и динамичность субъективного благополучия, а также влияние на него культурных и индивидуальных факторов определяет необходимость не только количественного измерения, но также и качественных исследований, способных дескриптивно представить сложность и многогранность данного феномена. Биографическое исследование субъективного благополучия посредством анализа событий личной истории способно показать как разнообразие представлений людей о благополучии, так и комплекс различных внешних факторов (социальных, экономических, культурных, политических), влияющих, с точки зрения индивидов, на их жизнь. Эвристический потенциал биографических данных, связанный с возможностью изучения временной перспективы, позволяет описать не только феномен благополучия, но и его когнитивную репрезентацию, зависящую от восприятия времени.

В целом, качественное исследование субъективного благополучия, как системы субъективно значимых благ, вносит вклад в понимание трансформационных социокультурных процессов, происходящих в жизни современного российского общества, которые могут оставаться незамеченными при использовании количественных методологических решений.

Источники

- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
- Бенко Е. В. Обзор зарубежных публикаций, посвященных исследованию благополучия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. № 8 (2). С. 5–13.
- Бородкин Ф. М., Кудрявцев А. С. Человеческое развитие и человеческие беды // Мир России. Социология. Этнология. 2003. № 1. С. 138–182.

- Бочарова Е. Е. Субъективное благополучие личности в свете теоретической психологии // Европейский журнал социальных наук. 2012. № 1(17). С. 261–267.
- Виноградова Г. А., Артеменко А. Г. Исследование взаимосвязи удовлетворенности жизнью и временной перспективы работников предприятия (на примере ПАО «АвтоВАЗ») // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2017. № 2 (29). С. 79–85.
- Дивисенко К. С. Феномен воображаемой жизни в биографическом повествовании // Социология вчера, сегодня, завтра. Новые ракурсы. III Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова. СПб.: Эйдос, 2011. С. 197–211.
- Зайцева Ю. Е. Образные схемы репрезентации временной перспективы в структуре автобиографических Я-нарративов // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. / Отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 275–276.
- Исаева А. Н., Зайцева Ю. Е. Временная перспектива и смысложизненные ориентации молодых людей с различными стратегиями конструирования идентичности // Тенденции развития науки и образования. 2015. № 9 (9). С. 31–41. DOI: 10.18411/lj2015–12–8
- Козлова Л. А. Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 59–87.
- Козьмина Л. Б. Динамика психологического благополучия личности студентов-психологов. Диссертация... кандидата психологических наук. Иркутск, 2014. 174 с.
- Неяскина Ю. Ю., Мазуркевич А. В. Взаимосвязь субъективного качества жизни и временной перспективы личности // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (23). С. 94–105.
- Рожественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 381 с.
- Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 424 с.
- Сапогова Е. Е. Экзистенциальный опыт личности: возможности эмпирического анализа // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2 (87). С. 143–154.
- Тихонова Н. Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 19–33.
- Шамионов Р. М. Субъективное благополучие личности как субъекта социального бытия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 14 Т. 14, вып. 1. С. 80–86.
- Brülde B. *Hedonism*. In: Michalos A. C. (eds) Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. Springer: Dordrecht, 2014. P. 2837–2842.

- Dahlberg K., Dahlberg H., Nystroem M. Reflective lifeworld research. Lund: Studentlitteratur, 2011.
- Hemingway A. Lifeworld-led care: Is it relevant for well-being and the fifth wave of public health action? // International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being. 2011. Vol. 6 (4). DOI: 10.3402/qhw.v6i4.10364.
- Miller J. L. Biography // The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods / ed. Lisa M. Given. Los Angeles: Sage Publications, 2008. Vol. 1. P. 61–63.
- OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being. OECD Publishing, 2013. DOI: 10.1787/9789264191655-en
- Pavot W., Diener E. Review of the Satisfaction with Life Scale // Assessing Well-Being: The Collected Works of Ed Diener / E. Diener (ed.). Social Indicators Research. Series 39. Springer, 2009. P. 101–117. DOI: 10.1007/978–90–481–2354–4
- Qualitative Studies in Quality of Life. Methodology and Practice / Tonon G. (ed.). Springer, 2015. 240 p.
- Ryan R. M., Deci E. L. On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52 (1). P. 141–166.
- Ryff C. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological wellbeing // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. № 57. P. 1069–1081.
- Ryff C., Singer B. Psychological Well-Being: Meaning, Measurement, and Implications for Psychotherapy Research // Psychotherapy and psychosomatics. 1996. Vol. 65. P. 14–23. DOI: 10.1159/000289026
- Schmidt M., Umans T. Experiences of well-being among female doctoral students in Sweden, International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being. 2014. Vol. 9(1). DOI: 10.3402/qhw.v9.23059
- Waterman A. S. Reconsidering happiness: a eudaimonist's perspective // The Journal of Positive Psychology. 2008. Vol. 3 (4). P. 234–252. DOI: 10.1080/17439760802303002
- WHOQOL: measuring quality of life. Geneva: World Health Organization, 1997. http://www.who.int/mental_health/media/en/68.pdf

References

- Beck U. Obschestvo riska. Na puti k drugomu modernu. Moscow: Progress-Traditsiya, 2000.
- Benko E. V. Obzor zarubezhnykh publikatsiy, posvyashchennykh issledovaniyu blagopoluchiya, Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya, 2015, N8 (2), pp. 5–13.
- Bocharova E. E. Sub'yektivnoye blagopoluchiye lichnosti v svete teoreticheskoy psikhologii, Yevropeyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk, 2012. N1 (17), pp. 261–267.
- Borodkin F. M., Kudryavtsev A. S. Chelovecheskoye razvitiye i chelovecheskiye body, Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya, 2003, N1, pp. 138–182.

- Brülde B. Hedonism. In: Michalos A. C. (eds) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Springer: Dordrecht, 2014. Pp. 2837–2842.
- Dahlberg K., Dahlberg H., Nyström M. *Reflective lifeworld research*. Lund: Studentlitteratur, 2011.
- Divisenko K. S. Fenomen voobrazhayemoy zhizni v biograficheskom povestvovanii. In O. B. Bozhkov (ed) *Sotsiologiya vchera, segodnya, zavtra. Novyye rakursy. III Sotsiologicheskiye chteniya pamyati Valeriya Borisovicha Golofasta*. Saint-Petersburg: Eydos, 2011. Pp. 197–211.
- Hemingway A. Lifeworld-led care: Is it relevant for well-being and the fifth wave of public health action? *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*, 2011, vol. 6 (4). DOI: 10.3402/qhw.v6i4.10364
- Isayeva A. N., Zaytseva U. E. Vremennaya perspektiva i smyslozhiznennyye oriyentatsii molodykh lyudey s razlichnymi strategiyami konstruirovaniya identichnosti, *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2015, N9 (9), pp. 31–41. DOI: 10.18411/lj2015–12–8
- Koz'mina L. B. Dinamika psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti studentov-psikhologov. Dissertatsiya... kandidata psikhologicheskikh nauk. Irkutsk, 2014. 174 p.
- Kozlova L. A. Biograficheskoye issledovaniye rossiyskoy sotsiologii: predvaritel'nyye teoretiko-metodologicheskiye zamechaniya, *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2007, N2, pp. 59–87.
- Miller J. L. Biography. In Lisa M. Given (ed) *The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods*. Los Angeles: Sage Publications, 2008. Vol. 1. Pp. 61–63.
- Neyaskina U. U., Mazurkevich A. V. Vzaimosvyaz' sub'yektivnogo kachestva zhizni i vremennoy perspektivy lichnosti, *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnyye nauki*, 2014, N1 (23), pp. 94–105.
- OECD Guidelines on Measuring Subjective Well-being. OECD Publishing, 2013. DOI: 10.1787/9789264191655-en
- Pavot W., Diener E. Review of the Satisfaction With Life Scale. In E. Diener (ed) *Assessing Well-Being: The Collected Works of Ed Diener. Social Indicators Research Series 39*. Springer, 2009. Pp. 101–117. DOI: 10.1007/978–90–481–2354–4
- Qualitative Studies in Quality of Life. Methodology and Practice. Tonon, G. (ed). Springer, 2015. 240 p.
- Rossiyskoye obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pyataya. M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov (eds). Moscow: Ves' Mir, 2017. 424 p.
- Rozhdestvenskaya E. U. Biograficheskij metod v sotsiologii. Moscow, 2012.
- Ryan R. M., Deci E. L. On Happiness and Human Potentials: A Review of Research on Hedonic and Eudaimonic Well-Being, *Annual Review of Psychology*, 2001, vol. 52 (1), pp. 141–166.
- Ryff C. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being, *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, N57, pp. 1069–1081.
- Ryff C., Singer B. Psychological Well-Being: Meaning, Measurement, and Implications for Psychotherapy Research, *Psychotherapy and psychosomatics*, 1996, vol. 65, pp. 14–23. DOI: 10.1159/000289026
- Sapogova E. E. Ekzistentsial'nyy opyt lichnosti: vozmozhnosti empiricheskogo analiza, *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, 2017, N2 (87), pp. 143–154.
- Schmidt M., Umans T. Experiences of well-being among female doctoral students in Sweden, *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*, 2014, vol. 9 (1). DOI: 10.3402/qhw.v9.23059
- Shamionov R. M. Sub'yektivnoye blagopoluchiye lichnosti kak sub'yekta sotsial'nogo bytiya, *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2014, N14, vol. 14 (1), pp. 80–86.
- Tikhonova N. E. Udovletvorennost' rossiyan zhizn'yu: dinamika i factory, *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2015, N3, pp. 19–33.
- Vinogradova G. A., Artemenko A. G. Issledovaniye vzaimosvyazi udovletvorennosti zhizn'yu i vremennoy perspektivy rabotnikov predpriyatiya (na primere «AvtoVAZ»), *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2017, N2 (29), pp. 79–85.
- Waterman A. S. Reconsidering happiness: a eudaimonist's perspective, *The Journal of Positive Psychology*, 2008, vol. 3(4), pp. 234–252. DOI: 10.1080/17439760802303002
- WHOQOL: measuring quality of life. Geneva: World Health Organization, 1997. http://www.who.int/mental_health/media/en/68.pdf
- Zaytseva U. E. Obraznyye skhemy reprezentatsii vremennoy perspektivy v strukture avtobiograficheskikh YA-narrativov. In U. I. Aleksandrov, K. V. Anokhin (eds) *Sed'maya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke: Tezisy dokladov*. Moscow: Izdatel'stvo "Institut psikhologii RAN", 2016. Pp. 275–276.

О. И. Колпакова, В. А. Одинокова, М. М. Русакова

СЕКСУАЛЬНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ

В статье описаны результаты исследования, целью которого являлось описание актуальных тенденций в сфере сексуальной эксплуатации российских детей во время деловых и туристических поездок российскими и иностранными гражданами. Исследование было проведено в период с октября 2014 года по март 2015 года. Метод исследования — полуструктурированные интервью с представителями государственных и общественных организаций, работающих в сфере защиты детей. В исследовании приняли участие 48 экспертов из 28 городов России. В статье дана оценка распространенности эксплуатации детей во время деловых и туристических поездок, описаны обстоятельства совершения этого преступления, характеристики преступников и пострадавших детей, а также предложены направления развития работы в сфере противодействия явлению секс-туризма.

Ключевые слова: сексуальная эксплуатация детей, деловые поездки, туристические поездки, дети, преступление, секс-туризм.

Введение

Сексуальная эксплуатация детей (СЭД) определяется как сексуальное насилие над ребёнком со стороны взрослых в обмен на вознаграждение в денежной или в натуральной форме ребёнку или третьему лицу или лицам и включает детскую проституцию, порнографию, торговлю детьми в сексуальных целях (трэффик) и секс-туризм (Первый мировой конгресс против коммерческой сексуальной эксплуатации детей, 1996). В международном праве СЭД квалифицируется как уголовное преступление, а подвергшиеся насилию и эксплуатации дети — как жертвы.

Сексуальная эксплуатация детей во время деловых и туристических поездок (также известная как «детский секс-туризм») является одной из форм сексуальной эксплуатации детей и предполагает, что детей эксплуатируют те, кто приезжает в регион их проживания из другого региона той же страны или из другой страны (Greijer, Doek 2016).

Глобальный секс-туризм в отечественной социологии рассматривается как одна из характеристик общества потребления, в котором универсальные формы человеческих отношений, как любовь и секс, приобретают форму рыночных услуг, превращаются в формы потребления (Ильин, 2005; Романенко, 2011). Рост секс-туризма напрямую

связан с развитием общества потребления и вовлечением в его все большее число стран.

Международная организация ЭКПАТ Интернешнл в 2014 году инициировала всемирное исследование проблемы сексуальной эксплуатации детей во время деловых и туристических поездок. Исследование показало, что стремительное развитие туризма за последние 20 лет (от 0,5 млрд туристов в 1995 году до 1,3 млрд туристов в 2014 году), появление новых форм туризма (например, туристические поездки, совмещенные с волонтерской деятельностью), развитие инфраструктуры (онлайн платформы для покупки билетов, бронирования гостиниц, поиска квартиры или дома, в которых можно остановиться во время поездки в другую страну или другой регион и т. д.), появление новых туристических направлений повышают вероятность того, что все больше детей будут становиться жертвами сексуальной эксплуатации во время деловых и туристических поездок (Hawke, Raphael 2016).

Страны Юго-Восточной Азии, Центральной Америки и Бразилии известны исследователям как страны с длительной историей детского секс-туризма. В последние десятилетия появились новые направления детского секс-туризма — в Южной Америке, ряде стран Африки, в Индии и Монголии. Преступники же в основном происходят из развитых стран, включая страны Европы и Северной Америки, а также Россию, Японию, Тайвань, Австралию и Новую Зеландию (O’Brian, Grillo, Barbosa 2008).

Сексуально эксплуатировать детей могут не только туристы, но и те, кто приезжает в регион проживания ребенка в командировку. Некоторые люди в туристических или деловых поездках незапланированным образом сексуально эксплуатируют детей, когда им предоставляется возможность («элективные секс-туристы»), тогда как другие совершают поездки специально с целью сексуального контакта с ребенком («основные секс-туристы») (George, Panko 2011).

Насильниками могут быть не только иностранцы, но и граждане той же страны, в которой проживает ребенок. Перемещение в другую страну или регион с целью сексуальной эксплуатации ребенка может обосновываться как относительной анонимностью преступника в новой социальной среде, так и воспринимаемой социальной нормативностью сексуального контакта с местными детьми (George, Panko 2011).

Жертвами сексуальной эксплуатации во время деловых и туристических поездок могут стать как девочки, так и мальчики. Риск вовлечения в сексуальную эксплуатацию выше для детей из семей с низким

уровнем дохода; детей, живущих на улице; детей-сирот, детей из неблагополучных семей; детей, переживших домашнее насилие; детей, не имеющих доступа к образованию; детей с ограниченными возможностями здоровья и т. д.) (Hawke, Raphael 2016).

Сведений о распространенности в России сексуальной эксплуатации детей во время деловых и туристических поездок крайне мало. Открытые статистические данные о числе преступлений, совершенных на территории России иностранными гражданами, не содержат информации о том, какое количество преступлений было направлено против половой неприкосновенности несовершеннолетних. В свою очередь, в доступных данных о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних нет информации о том, какое количество этих преступлений было совершено иностранными гражданами или лицами, приехавшими в регион проживания ребенка из другого региона страны.

Сотрудники государственных и общественных организаций, оказывающих помощь детям, пострадавшим от насилия, в том числе вовлеченным в сексуальную эксплуатацию, зачастую не обладают необходимой информацией о преступниках. Они не считают необходимым уточнять у пострадавших детей регион/ страну происхождения преступника либо пострадавшие дети не могут ответить на этот вопрос.

Данные нескольких российских и зарубежных исследований (Гурвич, Русакова, Смирнова и др. 2000; Предварительный план действий по противодействию коммерческой сексуальной эксплуатации детей в Северо-Западном федеральном округе 2007; Tiurukanova 2006; Global monitoring report on the status of action against commercial sexual exploitation of children: Finland 2006; Altamura, Souchet, Sakulpitakphon et al. 2012; Lonn, Souchet, Sakulpitakphon et al. 2011; the 2009 Trafficking in Persons Report 2009; Pouille, Souchet, Sakulpitakphon et al. 2011; International Child Sex Tourism: Scope of the Problem and Comparative Case Studies 2007) позволяют охарактеризовать ситуацию с сексуальной эксплуатацией российских детей иностранными гражданами в первое десятилетие XXI века.

По данным этих исследований, случаи сексуальной эксплуатации российских детей иностранными гражданами имели место в Санкт-Петербурге, Ленинградской области (Выборг), Республике Карелия (Сортавала и Петрозаводск) и в Мурманской области.

В эксплуатации российских детей участвовали граждане США, Западной Европы (Швеции, Финляндии, Норвегии, Великобритании,

Германии), Восточной Европы и Центральной Азии (Турции, Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана, Грузии), Объединенных Арабских Эмиратов, Японии, Австралии, Канады и даже стран Африки. Некоторые из них приезжали в Россию непосредственно с целью эксплуатации детей, другие — с целью туризма или в командировку.

Данные о поле, возрасте, роде занятий насильников практически нигде не приводятся. Обрывочные описания отдельных случаев, представленные в некоторых отчетах, показывают, что насильники были мужчинами.

По крайней мере, в одном случае преступники использовали интернет для того, чтобы установить контакт с местными сутенерами и через них получить доступ к детям. Эксплуатация могла происходить в гостиницах, съемных квартирах, трассах, вокзальных туалетах, в подъездах жилых домов, на набережных, в парках, в общежитиях, в частных банях, саунах и на дачах. В качестве вознаграждения дети могли получать деньги, предметы одежды, угощения. Если сутенерами выступали родители, то оплатой могла быть бутылка водки.

Жертвами сексуальной эксплуатации иностранными гражданами становились проживающие в России девочки и мальчики, в возрасте от 12 до 17 лет. Как правило, это были дети из неблагополучных семей (с низким уровнем дохода, семейными конфликтами, злоупотреблением алкоголем, наркотиками, судимостью) или дети-сироты.

Данные некоторых исследований позволяют предположить, что примерно с 2010 года число случаев сексуальной эксплуатации российских детей иностранными гражданами сократилось. Так, например, в Докладе о торговле людьми Государственного департамента США за 2009 год отмечается, что, несмотря на то, что в западной части России, в том числе в Санкт-Петербурге, все еще встречаются случаи сексуальной эксплуатации детей иностранцами, количество таких преступлений снижается, так как представители российских правоохранительных органов активно проводят расследования таких преступлений в сотрудничестве с представителями правоохранительных органов других стран (The 2009 Trafficking in Persons Report 2009). В 2011 году сотрудники норвежской организации КРИПОС в результате исследования пришли к заключению, что случаи сексуальной эксплуатации детей, проживающих в Мурманской области, норвежскими гражданами, по видимому, прекратились (Altamura, Souchet, Sakulpitakphon et al. 2012). В 2011 году сотрудники РОО «Стеллит» провели в Санкт-Петербурге масштабное исследование актуальных тенденций в сфере сексуального

насилия над детьми и сексуальной эксплуатации детей (Сексуальная эксплуатация несовершеннолетних в Северо-Западном регионе Российской Федерации: Аналитический отчет 2013). В рамках исследования были проведены интервью с 70 экспертами, работающими в сфере защиты детства (представителями органов власти, руководителями и сотрудниками государственных и общественных организаций). Экспертов, в частности, просили подробно описать случаи сексуального насилия над детьми и сексуальной эксплуатации детей, с которыми они сталкивались в своей работе, в том числе предоставить максимально подробную информацию о преступниках. Во время исследования никто из экспертов не назвал случаев сексуальной эксплуатации детей, проживающих в Санкт-Петербурге, гражданами России, приехавшими в Санкт-Петербург из другого региона страны, или иностранцами.

Нам не удалось найти исследований, в которых бы затрагивалась проблема сексуальной эксплуатации российских детей гражданами России, приехавшими в регион проживания ребенка из другого региона. Тем не менее, так как в других странах мира встречаются случаи, когда детей, проживающих в определенной стране, сексуально эксплуатируют жители той же страны, которые приезжают в регион проживания детей в деловую или туристическую поездку, можно предположить, что в России такие случаи тоже имеют место.

Цель исследования — проанализировать актуальные тенденции в сфере сексуальной эксплуатации российских детей иностранцами и гражданами России, приехавшими в регион проживания ребенка из другого региона, определить возможные направления развития работы по противодействию этому явлению.

Методы

В период с октября 2014 года по март 2015 года были проведены полуструктурированные интервью с представителями российских государственных и общественных организаций, работающих в сфере защиты детей.

Эксперты отбирались в два этапа. На первом этапе были опрошены эксперты, которые имеют большой опыт проведения тренингов по профилактике и оказанию помощи детям, вовлеченным в сексуальную эксплуатацию, в различных регионах России. На втором этапе выборка строилась с использованием метода «снежного кома». Лица,

включенные в выборку на первом этапе, рекомендовали специалистов, которых могли сталкиваться в своей работе со случаями сексуальной эксплуатации российских детей иностранными гражданами или российскими гражданами, приехавшими в регион проживания детей из другого региона России.

В целом к участию в исследовании были приглашены представители 60 организаций из 33 городов России, 12 отказались от участия в исследовании. В исследовании приняли участие 48 экспертов из 28 городов России — представители 29 государственных и 19 общественных организаций. Города располагаются в Центральном, Южном, Северо-Западном, Дальневосточном, Сибирском, Уральском, Приволжском, и Северо-Кавказском федеральных округах. Эксперты представляют 48 организаций: 29 государственных и 19 общественных. В исследовании приняли участие 37 руководителей; 4 заместителя директора; 1 специалист отделения профилактики; 1 координатор программы; 5 педагогов-психологов.

Путеводитель интервью включал следующие блоки вопросов:

- общая информация об эксперте: должность, сфера деятельности организации, должность специалиста;
- распространенность случаев сексуальной эксплуатации российских детей иностранными и российскими гражданами, приезжающими в регион проживания детей в деловую или туристическую поездку: количество таких случаев, регионы, в которых происходит сексуальная эксплуатация детей, тенденции и изменения, которые произошли в этой сфере за последние 5–10 лет;
- характеристики преступников: страна/ регион постоянного проживания цель пребывания в регионе проживания ребенка (деловая или туристическая поездка), продолжительность пребывания, пол, возраст, род деятельности, другая доступная информация;
- обстоятельства совершения преступлений: наличие/ отсутствие сообщников в совершении преступления, способы установления контакта с ребенком, формы эксплуатации, места, где совершается сексуальная эксплуатация детей, формы вознаграждения;
- причины, которые способствуют вовлечению детей в сексуальную эксплуатацию;
- меры, предпринимаемые государственными, общественными, коммерческими, международными организациями в сфере противодействия сексуальной эксплуатации российских детей иностранными и российскими гражданами, приехавшими в регион проживания детей

в деловую или туристическую поездку, воспринимаемые экспертами возможности развития работы;

— контактные данные других организаций России, работающих с детьми-жертвами насилия и сексуальной эксплуатации.

Основные результаты

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что сексуальная эксплуатация российских детей иностранными и российскими гражданами во время деловых или туристических поездок в настоящее время не широко распространена в России. Среди 48 представителей государственных и общественных организаций, принявших участие в исследовании, только 6 экспертов сталкивались с такими случаями в своей практике.

Эксперты отметили, что случаи сексуальной эксплуатации российских детей иностранными гражданами имели место в Хабаровске (2014 год), Москве (2014 год), Перми (начало 2000-х), Благовещенске (нет информации о дате) и Калининграде (нет информации о дате). Эксперты смогли описать в деталях три случая.

Известные экспертам случаи сексуальной эксплуатации российских детей гражданами России, приехавшими в регион проживания детей из другого региона страны, имели место в Смоленске (2013 год), Великом Новгороде (2013 год), Екатеринбурге (2007 или 2008 год) и Владивостоке (1999 год). Эксперты смогли описать в деталях четыре случая.

Возможными причинами относительно низкой распространенности таких случаев, по мнению экспертов, принявших участие в исследовании, могут быть высокая латентность подобных преступлений, недостаточное внимание сотрудников помогающих организаций к информации о насильниках в работе с пострадавшими детьми, а также повышение уровня благосостояния населения России (по сравнению с ситуацией в конце 1990-х гг.).

Характеристики преступников. В описанном экспертами случае сексуальной эксплуатации детей в Хабаровске насильниками были представители стран Азии, в том числе Китая и Кореи, в случае в Москве — американец с ирландскими корнями, в Перми — гражданин Эстонии.

В двух из трех известных экспертам случаев, иностранным гражданам оказывали содействие граждане России: в одном случае россияне

были задействованы в организаци притона, в другом — российский гражданин совместно с иностранцем участвовал в производстве детской порнографии.

Эксперты не смогли назвать случаев, в которых в сексуальной эксплуатации российских детей участвовали иностранные граждане, которые приехали в регион проживания детей в туристическую поездку. В одном из случаев, описанных экспертами, в сексуальной эксплуатации детей участвовали иностранные граждане, которые приехали в Россию в командировку, еще в двух — иностранные граждане, длительно проживающие на территории России.

Ни в одном случае эксперты не могли назвать род деятельности иностранных граждан, задействованных в сексуальной эксплуатации детей. Во многом это объяснялось тем, что сами пострадавшие дети не обладали подобной информацией.

Во всех трех случаях российских детей эксплуатировали мужчины. В одном из описанных случаев эксперт назвал примерный возраст иностранного гражданина, вовлекавшего в эксплуатацию российскую девочку, — от 30 до 33 лет.

По крайней мере в одном случае, иностранный гражданин, участвовавший в сексуальной эксплуатации несовершеннолетней девочки, знал русский язык.

Что касается случаев сексуальной эксплуатации российских детей гражданами России, которые приехали в регион проживания детей из других регионов страны, то установлено, что в Смоленске в сексуальной эксплуатации местной девочки участвовали, по-видимому, жители Санкт-Петербурга и Москвы, в Великом Новгороде — житель Санкт-Петербурга. В Екатеринбурге дети оказывали сексуальные услуги дальнобойщикам, регион происхождения которых неизвестен. Описывая случай во Владивостоке, эксперт отметил, что насильник приехал в город из другого региона России, но назвать этот регион не смог.

Цели, с которыми российские граждане, участвовавшие в эксплуатации детей, приехали в регион проживания детей, были различными: в двух случаях — деловая поездка, в одном — переезд в регион с целью проживания, еще в одном случае — по-видимому, сексуальная эксплуатация ребенка.

По оценкам экспертов, во всех случаях в сексуальной эксплуатации детей участвовали мужчины. В одном случае возраст мужчины был старше 50 лет. В другом случае девочку эксплуатировали мужчины

в возрасте до сорока лет, а сожителю, который вовлек ее в сексуальную эксплуатацию, было около двадцати семи лет. Еще в двух случаях эксперты затруднились назвать возраст преступников.

Только в двух случаях эксперты смогли описать сферу деятельности преступников: в одном случае это был педагог, во втором — дальнотойщица, маршрут которых проходил через регион проживания этих детей.

В одном случае эксперту было известно, что сутенер, который вовлекал девочку в сексуальную эксплуатацию, сам воспитывался в неблагополучной семье и испытывал проблемы в построении отношений с женщинами.

По крайней мере в одном случае, преступник до совершения преступления уже был осужден за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и совершил преступление повторно после того, как вышел на свободу.

Обстоятельства совершения преступлений. В четырех из семи случаев, описанных экспертами, преступники сами устанавливали контакт с детьми: находили детей через родителей или других родственников, через сверстников, через сотрудников гостиниц (сотрудники стойки регистрации или службы уборки номеров), через интернет и специализированные журналы, в которых рекламируются сексуальные услуги, а также искали детей в барах.

В двух из семи случаев контакт с детьми помогали установить сутенеры, которые сами находили людей, приехавших в регион проживания детей из другой страны или другого региона России, и предлагали сексуальные услуги несовершеннолетних. Сутенеры вовлекали в сексуальную эксплуатацию «уличных» детей (этот способ использовался в 2007–2008 гг., когда уличных детей было еще довольно много), в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в учреждениях социальной защиты населения. В одном случае девочку рекрутировала в проституцию сестра.

В трех из семи случаев преступники потратили много времени на установление контакта с детьми, вызывали у девушек чувство влюбленности, а потом вовлекали их в оказание сексуальных услуг за вознаграждение.

В шести случаях, приведенных экспертами, основной формой эксплуатации детей была проституция. Только в одном случае дети были вовлечены в порнографию. Тем не менее, два эксперта сказали о том, что порносъемки могли иметь место, но дети могли об этом не рассказывать.

Сексуальная эксплуатация детей могла осуществляться в борделе, съемной квартире, на трассе. Формы вознаграждения, которые получали дети: деньги, одежда, еда и сладости, посещение ресторана, возможность не жить в приюте. По крайней мере, в двух из семи описанных экспертами случаев существенную часть денег, полученных детьми за оказание сексуальных услуг, забирали сутенеры.

Характеристики пострадавших детей. Жертвами сексуальной эксплуатации лицами, приехавшими в регион проживания детей из другой страны или другого региона, становились как девочки, так и мальчики. Самому младшему ребенку на момент эксплуатации было 9 лет, самому старшему — 17 лет. В некоторых случаях дети, знакомясь с преступниками, завышали свой возраст.

О личностных особенностях девочки, которые могли способствовать ее вовлечению в сексуальную эксплуатацию, сказал только один эксперт. Девочка стремилась выделяться из группы сверстников, показать другим, что у нее, несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства, успешно сложилась жизнь.

О состоянии здоровья детей, вовлеченных в сексуальную эксплуатацию, эксперты сказали только в трех случаях. В двух из них девочки были здоровы, в третьем — девочка была инвалидом по слуху. При этом, по мнению эксперта, инвалидность не была основным фактором, способствующим вовлечению в сексуальную эксплуатацию.

По крайней мере, в одном случае пострадавшая девочка употребляла алкоголь и наркотики. Еще в одном случае у девочки было много беспорядочных сексуальных контактов.

В четырех случаях, описанных экспертами, пострадавшие дети учились в школе, но в двух случаях они посещали ее нерегулярно и у них были проблемы с успеваемостью.

Один из экспертов отметил, что группу риска составляют девочки, которые едут в приграничные города поступать в средние специальные и высшие учебные заведения и не поступают.

Исследование подтвердило, что в сексуальную эксплуатацию могут вовлекаться как дети, проживающие в семье, так и дети, не имеющие семьи. В двух описанных экспертами случаях пострадавшие дети воспитывались в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: в приюте для детей с нарушениями слуха и в детском доме. По оценкам экспертов, особенно уязвимыми были дети, которые убегали из этих учреждений.

Еще в четырех случаях, представленных экспертами, дети воспитывались в семье. Известно, что в двух случаях семьи были неполными, еще в двух случаях на воспитание детей наибольшее влияние оказывали не родители, а другие родственники, в частности бабушка и сестра.

В одном случае девочка была из семьи с достаточно высоким уровнем дохода, еще в трех случаях — дети из семей с низким уровнем дохода (в одном случае — по причине безработицы родителей, но этот случай относится к периоду начала 2000-х гг.). По крайней мере, в одном из описанных случаев неблагоприятное материальное положение стало одним из факторов, подтолкнувших девочку к занятию проституцией.

Эксперты упомянули четыре случая, в которых родители не уделяли достаточного внимания воспитанию детей. В двух случаях это было связано с алкоголизмом матери, еще в одном — со стремлением матери устроить свою личную жизнь, в четвертом случае подробной информации о семейной ситуации нет. По крайней мере, в одном из этих случаев недостаток внимания со стороны родителей стал одним из факторов, способствовавших вовлечению девочки в сексуальную эксплуатацию — для нее это был способ привлечь к себе внимание матери.

В одном случае сестра пострадавшей девочки употребляла наркотики. В остальных случаях сведений о братьях и сестрах пострадавших детей нет.

Воспринимаемые экспертами направления развития работы по противодействию сексуальной эксплуатации российских детей, лицами, приезжающими в регион проживания детей из другого региона или из другой страны. Во всех случаях пострадавшие дети были выявлены сотрудниками государственных или общественных организаций, работающих в сфере защиты детей. В большинстве случаев пострадавшие дети получили психологическую помощь, но, по оценкам экспертов, психологи, оказывавшие помощь пострадавшим детям, не всегда обладали необходимой подготовкой. В некоторых случаях сотрудники организаций, работающих с пострадавшими детьми, обращались за помощью к более опытным коллегам из общественных организаций. Больше всего трудностей в процессе оказания помощи пострадавшим детям было связано с возбуждением уголовного дела и с привлечением преступников к уголовной ответственности. Это было связано как с недостатком необходимой квалификации у сотрудников помогающих организаций, так и с наличием у пострадавших девушек влюбленности по отношению

к преступникам (они были не готовы давать против них показания). Тем не менее, в трех из семи случаев были возбуждены уголовные дела, в двух из них преступники были осуждены.

По мнению экспертов, развитие работы в России по противодействию сексуальной эксплуатации детей во время деловых и туристических поездок, должно включать информирование российских граждан и приезжающих в Россию иностранных граждан о том, что сексуальная эксплуатация детей является преступлением. Необходимо повышение эффективности выявления и реабилитационной работы с пострадавшими детьми, а также возбуждение уголовных дел по всем фактам сексуальной эксплуатации детей и усиление защиты пострадавших детей во время уголовного расследования.

Заключение

Исследования позволяют предположить, что в последнее десятилетие случаи сексуальной эксплуатации российских детей во время деловых и туристических поездок встречались в России реже, чем в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Один из факторов, с которым эксперты связывают снижение распространенности этого явления — рост благосостояния населения России. Можно предположить, что новые финансовые кризисы могут привести к увеличению количества таких случаев в будущем.

В целом, общие тенденции в сексуальной эксплуатации российских детей теми, кто приезжает в регион проживания ребенка из другого региона России или из другой страны, отражают общие мировые тенденции. Насильниками являются как иностранные граждане, так и граждане России. Некоторые из них приезжают в регион проживания ребенка непосредственно с целью сексуальной эксплуатации, другие — в деловую поездку или на постоянное место жительства. Жертвами сексуальной эксплуатации становятся дети из неблагополучных семей, из семей с низким уровнем дохода, из семей, где родители не могут уделять достаточно внимания воспитанию детей, а также дети-сироты. Это могут быть как мальчики, так и девочки.

Несмотря на относительно невысокую распространенность таких случаев, необходимо усиливать работу по противодействию сексуальной эксплуатации российских детей во время деловых и туристических поездок. Для предотвращения таких случаев необходимо, с одной стороны, информировать российских граждан и приезжающих

в Россию иностранцев о том, что сексуальная эксплуатация детей является преступлением. Также необходимо повышать квалификацию специалистов, работающих с детьми, в сфере профилактики вовлечения детей в сексуальную эксплуатацию, разрабатывать и реализовывать профилактические программы, направленные на подростков и молодежь.

Другим важным направлением работы должно стать повышение эффективности выявления таких случаев и оказания всесторонней помощи пострадавшим детям. Для этого необходимо информировать об этой проблеме специалистов помогающих организаций, сотрудников туристической индустрии, туристов, расширить возможности для сообщения о таких случаях (в частности, создать специализированные или использовать существующие «горячие» линии), обучить сотрудников организаций социальной защиты населения оказанию психологической, юридической, социальной помощи пострадавшим детям.

Источники

- Гурвич И. Н., Русакова М. М., Смирнова А. и др. Детская проституция с вовлечением иностранцев в Северо-Западном регионе России. СПб., 2000. — 81 с.
- Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. Социология. Этнология. — 2005. — Т. 14. — № 2.
- Первый Мировой Конгресс против Коммерческой Сексуальной Эксплуатации детей, Стокгольмская Декларация и Программа Действий, 27–31 Авг., 1996. Статья 4.
- Предварительный план действий по противодействию коммерческой сексуальной эксплуатации детей в Северо-Западном федеральном округе. СПб.: РОО «Стеллит», 2007. — 72 с. Неопубл.
- Романенко В. В. Коммерциализация сексуальности в контексте общества потребления // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2011. — Т. 14. — № 5. — С. 278–286.
- Сексуальная эксплуатация несовершеннолетних в Северо-Западном регионе Российской Федерации: Аналитический отчет / А.-М. Храменкова, О. И. Колпакова, О. С. Левина, М. М. Русакова; Ред. О. И. Колпакова. СПб: РОО «Стеллит», 2013. — 88 с.
- Altamura A., Souchet F.-X., Sakulpitakphon P., Bose A., Capaldi M. Global monitoring report on the status of action against commercial sexual exploitation of children: Norway. 2nd edition. Bangkok: ECPAT International, 2012. — 61 p. Date of access: 11.04.2017. URL: http://www.ecpat.org/wp-content/uploads/legacy/A4A_V2_EU_NORWAY.pdf

- George B. P., Panko T. R. Child sex tourism: Facilitating conditions, legal remedies, and other interventions // Vulnerable Children and Youth Studies. — 2011. — Т. 6. — № 2. — С. 134–143.
- Global monitoring report on the status of action against commercial sexual exploitation of children: Finland. Bangkok: ECPAT International, 2006. — 27 p. Date of access: 11.04.2017. URL: http://ecpat.net/sites/default/files/Global_Monitoring_Report-FINLAND.pdf
- Greijer S., Doek J. Terminology Guidelines for the Protection of Children from Sexual Exploitation and Sexual Abuse Adopted by the Interagency Working Group in Luxembourg, 28 January 2016. Luxembourg: ECPAT Luxembourg, ECPAT International, 2016. — 100 p.
- Hawke A., Raphael A. Offenders on the Move: Global Study on Sexual Exploitation of Children in Travel and Tourism. Bangkok: ECPAT International, ECPAT Netherlands, Defence for Children International, 2016. — 152 p. Date of access: 11.04.2017. URL: <http://globalstudysect.org/wp-content/uploads/2016/05/Global-Report-Offenders-on-the-Move-Final.pdf>
- International Child Sex Tourism: Scope of the Problem and Comparative Case Studies // The Protection Project, the John Hopkins University, the Paul H. Nitze School of Advanced International Studies. Washington: 2007. — 194 p. Date of access: 11.04.2017. URL: http://www.protectionproject.org/wp-content/uploads/2010/09/JHU_Report.pdf
- Lonn M., Souchet F.-X., Sakulpitakphon P., Lideikis V., Bose A., Capaldi M. Global monitoring report on the status of action against commercial sexual exploitation of children: Russian Federation. 2nd edition. Bangkok: ECPAT International, 2011. — 53 p. Date of access: 11.04.2017. URL: http://www.ecpat.net/sites/default/files/A4A_V2_CIS_RUSSIA.pdf
- O'Briain M, Grillo M, Barbosa H. Sexual Exploitation of Children and Adolescents in Tourism. A contribution of ECPAT International to the World Congress III against Sexual Exploitation of Children and Adolescents. Rio de Janeiro, Brasil. 2008. Date of access: 11.04.2017. URL: http://www.ecpat.org/wp-content/uploads/legacy/Thematic_Paper_CST_ENG.pdf
- Pouille L., Souchet F.-X., Sakulpitakphon P., Upadhyay J., Berardi G., Bose A., et al. Global monitoring report on the status of action against commercial sexual exploitation of children: Sweden. 2nd edition. Bangkok: ECPAT International, 2011. — 55 p. Date of access: 11.04.2017. URL: http://ecpat.net/sites/default/files/A4A_V2_EU_SWEDEN.pdf
- The 2009 Trafficking in Persons Report. U. S. Department of State, 2009. — 319 p. Date of access: 11.04.2017. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/123357.pdf>
- Tiurukanova E. V. Human trafficking in the Russian Federation. Inventory and analysis of the current situation and responses. Moscow: Institute for Urban Economics, 2006. — 135 p. Date of access: 11.04.2017. URL: http://www.unicef.org/ceecis/Unicef_EnglishBook.pdf

References

- Gurvich I. N., Rusakova M. M., Smirnova A.* i dr. Detskaya prostitutsiya s zanyatiyem inostrantsev v Severo-Zapadnom regione Rossii. [Child prostitution with involvement of foreigners in the North-West region of Russia] SPb., 2000. — 81 s.
- Ilyin V. I.* Obshchestvo potrebleniya: teoreticheskaya model' i rossiyskaya real'nost' [Consumption Society: The Theoretical Model and the Russian Reality // The World of Russia. Sociology. Ethnology] // Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya. — 2005. — T. 14. — № 2.
- The First World Congress against Commercial Sexual Exploitation of Children, Stockholm Declaration and Program of Action, 27–31 Aug., 1996. Article 4.
- Predvaritel'nyy plan deystviy po protivodeystviyu kommercheskoy seksual'noy ekspluatatsii detey v Severo-Zapadnom federal'nom okruge [Preliminary action plan for counteracting commercial sexual exploitation of children in the North-West Federal District]. SPb.: ROO «Stellit», 2007. — 72 s. Neopubl.
- Romanenko V. V.* Kommertsializatsiya seksual'nosti v kontekste obshchestva potrebleniya [Commercialization of sexuality in the context of the consumer society] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. — 2011. — T. 14. — № 5. — S. 278–286.
- Seksual'naya ekspluatatsiya nesovershennoletnikh v Severo-Zapadnom regione Rossiyskoy Federatsii: Analiticheskiy otchet [Sexual exploitation of minors in the North-West region of the Russian Federation: Analytical report] / A.-M. Khramchenkova, O. I. Kolpakova, O. S. Levina, M. M. Rusakova; Red. O. I. Kolpakova. SPb: ROO «Stellit», 2013. — 88 s.
- Altamura A., Souchet F.-X., Sakulpitakphon P., Bose A., Capaldi M.* Global monitoring report on the status of action against commercial sexual exploitation of children: Norway. 2nd edition. Bangkok: ECPAT International, 2012. — 61 p. Date of access: 11.04.2017. URL: http://www.ecpat.org/wp-content/uploads/legacy/A4A_V2_EU_NORWAY.pdf
- George B. P., Panko T. R.* Child sex tourism: Facilitating conditions, legal remedies, and other interventions // Vulnerable Children and Youth Studies. — 2011. — T. 6. — № 2. — C. 134–143.
- Global monitoring report on the status of action against commercial sexual exploitation of children: Finland. Bangkok: ECPAT International, 2006. — 27 p. Date of access: 11.04.2017. URL: http://ecpat.net/sites/default/files/Global_Monitoring_Report-FINLAND.pdf
- Greijer S., Doek J.* Terminology Guidelines for the Protection of Children from Sexual Exploitation and Sexual Abuse Adopted by the Interagency Working Group in Luxembourg, 28 January 2016. Luxembourg: ECPAT Luxembourg, ECPAT International, 2016. — 100 p.
- Hawke A., Raphael A.* Offenders on the Move: Global Study on Sexual Exploitation of Children in Travel and Tourism. Bangkok: ECPAT International, ECPAT Netherlands, Defence for Children International, 2016. — 152 p. Date of access: 11.04.2017. URL: <http://globalstudysectt.org/wp-content/uploads/2016/05/Global-Report-Offenders-on-the-Move-Final.pdf>
- International Child Sex Tourism: Scope of the Problem and Comparative Case Studies// The Protection Project, the John Hopkins University, the Paul H. Nitze School of Advanced International Studies. Washington: 2007. — 194 p. Date of access: 11.04.2017. URL: http://www.protectionproject.org/wp-content/uploads/2010/09/JHU_Report.pdf
- Lonn M., Souchet F.-X., Sakulpitakphon P., Lideikis V., Bose A., Capaldi M.* Global monitoring report on the status of action against commercial sexual exploitation of children: Russian Federation. 2nd edition. Bangkok: ECPAT International, 2011. — 53 p. Date of access: 11.04.2017. URL: http://www.ecpat.net/sites/default/files/A4A_V2_CIS_RUSSIA.pdf
- O'Briain M, Grillo M, Barbosa H.* Sexual Exploitation of Children and Adolescents in Tourism. A contribution of ECPAT International to the World Congress III against Sexual Exploitation of Children and Adolescents. Rio de Janeiro, Brasil. 2008. Date of access: 11.04.2017. URL: http://www.ecpat.org/wp-content/uploads/legacy/Thematic_Paper_CST_ENG.pdf
- Pouille L., Souchet F.-X., Sakulpitakphon P., Upadhyay J., Berardi G., Bose A., et al.* Global monitoring report on the status of action against commercial sexual exploitation of children: Sweden. 2nd edition. Bangkok: ECPAT International, 2011. — 55 p. Date of access: 11.04.2017. URL: http://ecpat.net/sites/default/files/A4A_V2_EU_SWEDEN.pdf
- The 2009 Trafficking in Persons Report. U. S. Department of State, 2009. — 319 p. Date of access: 11.04.2017. URL: <https://www.state.gov/documents/organization/123357.pdf>
- Tiurukanova E. V.* Human trafficking in the Russian Federation. Inventory and analysis of the current situation and responses. Moscow: Institute for Urban Economics, 2006. — 135 p. Date of access: 11.04.2017. URL: http://www.unicef.org/ceecis/Unicef_EnglishBook.pdf

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АППЕРЦЕПЦИИ

ГЕГЕР А. Э., САГАНЕНКО Г. И.

ПРАГМАТИКА ИЛИ РОМАНТИКА СОЦИОЛОГИИ: БОРЬБА ЗА АБИТУРИЕНТА

Представлены результаты социологического исследования обращений к абитуриентам на сайтах социологических факультетов и кафедр российских вузов. Выявлена распространенность социологического образования в России. Делается вывод о дисциплинарном плюрализме при организации кафедр и меж- профессиональном универсализме социологической профессии, транслируемом на сайтах этих кафедр. Результаты исследования позволили установить различие в ценностях социологической профессии между типами вузов, региональными и столичными: если в регионах демонстрируются преимущественно «материалистические» ценности, то для столиц характерна приверженность «постматериалистическим» ценностям.

Ключевые слова: ценности, профессиональные ценности, материалистические ценности, постматериалистические ценности, социология, социологическое образование, борьба за студента

Введение

Ситуацию самопрезентации структур социологического образования мы попытаемся увязать с дифференциацией регионов по уровню жизни: столицы — это один класс, провинция — другой. На сегодняшний день дифференциацию в уровне жизни между регионами и «столичными» мегаполисами вполне можно назвать драматичной. Эту ситуацию как нельзя лучше описывает русская поговорка «кому жемчуг мелок, а кому суп жидок». Для подтверждения этого тезиса обратимся к фактам.

По данным опроса «Левада-центра» в мае 2017 года 80 % россиян никогда не были за рубежом и вообще не планируют когда-либо выезжать за границу; более того, по данным того же «Левады-центра» от 2014-го года, 72 % россиян никогда не имели загранпаспортов (Россияне на планируют...2017).

Кризисные явления 2014–2016 гг. подтолкнули социологов более внимательно и детально заняться изучением уровня жизни в стране.

В книге 2017 года под редакцией академика, директора ФНИСЦ РАН М. К. Горшкова «Российское общество и вызовы времени» дается всесторонний анализ современной жизни россиян. Любопытны следующие данные осени 2016 года: в условиях кризиса 20 % наших соотечественников в качестве основного источника дохода (помимо зарплаты и пенсии) называют свой приусадебный участок (Российское общество... 2017: 31). Таким образом, пока 20 % населения, а это преимущественно жители мегаполиса, проводят свои отпуска в заграничных путешествиях, 20 % жителей этой же страны «отдыхают», копя картофель. Правда, кризисные явления, по словам экспертов, уже сходят на нет, однако жителям сел и малых городов это не прибавляет оптимизма: по данным того же опроса 38 % жителей мегаполисов ожидали улучшения своего материального положения, тогда как в селах эта доля минимальна и осенью 2016 г. достигала лишь 19 % (Российское общество... 2017: 19).

Поясним, как названная выше ситуация отображается в результатах нашего исследования. Результаты показывают, и в очередной раз подтверждают теорию А. Маслоу, а также, основанную на ней, теорию американского политолога и социолога Р. Инглхарта о «материалистических и постматериалистических ценностях». Согласно теории Р. Инглхарта, население «бедных» стран является по своему ценностному профилю преимущественно «материалистами», в то время как богатое население — демонстрирует «постматериалистические» ценности, которые являются необходимым условием развития гражданского общества и модернизации в целом.

В то время как стратегия в отношении консолидации российского общества остается планами на бумаге¹, налицо ценностный раскол. Этот раскол затрагивает абсолютно все области и ценностный профиль социологической профессии, который разнится в регионах и столицах, не исключение.

Если в регионах ценности социологической профессии преимущественно «материалистические», то в мегаполисах — ситуация противоположная, здесь идет явный уклон в «постматериализм». Если в регионах

¹ Исключение составляет называемый социологами «крымский эффект», когда в опросах 2014–2015 гг., в связи с воссоединением Крыма и России, абсолютно все основные показатели социального самочувствия населения достигли исторического максимума, а общество переживало возрождение и было консолидировано в едином порыве как никогда. Однако, на сегодняшний день «крымский эффект» себя исчерпал.

делается упор на прикладную социологию и усиление изоморфизма социологии со сферой маркетинговых исследований, на прагматизм, межпрофессиональный универсализм и дисциплинарный плюрализм, то вузы столичные, напротив, заявляют другие козыри и декларируют упор на всестороннюю фундаментальную подготовку и глубокое знакомство с теориями, здесь царит романтизм, самооценność профессии и монодисциплинарность.

Теоретические основания исследования

В России наиболее пристальное внимание к социологии уделяется в ФНИСЦ РАН, где уже много лет успешно существует сектор социологии науки под руководством Л. А. Козловой, в котором исследуются социальные и когнитивные процессы, характеризующие развитие российской социологии и социологического знания. В 2010 году была опубликована монография «Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации» (Теория и методология...2010), в основе которой лежат масштабные эмпирические исследования: были опрошены эксперты-социологи, также приведены данные всероссийского опроса населения о социологии как науке и профессии социолога. С завидной периодичностью выходят статьи, посвященные данной теме.

Нами выявлена своего рода «регионализация» характера обращений социологических факультетов и кафедр к будущим студентам. Для интерпретации обнаруженных различий мы привлекли теоретическую концепцию Р. Инглхарта²: богатые столицы и бедные регионы, высокие амбиции и заземленные запросы. Его исследования неоднократно подтверждали справедливость гипотезы о взаимосвязи материального достатка и ценностной сферы: ему удалось выяснить, что бедные страны, регионы, семьи привержены «материалистическому» набору ценностей, в то время как страны, регионы, семьи с высоким уровнем доходов предпочитают ценности «постматериалистической» парадигмы (Инглхарт, Вельцель, 2011). Продолжая традицию Инглхарта, рассмотрим, как региональная принадлежность влияет на профессиональные ценности. Дифференциация в доходах регионов и столиц позволяют нам использовать эту модель в объяснении различий в цен-

² Р. Инглхарт — руководитель масштабного проекта «Всемирное исследование ценностей». Его проект уже охватывает более 100 стран

ностных профилях социологической профессии, презентация которой дается на сайтах социологических кафедр и факультетов российских вузов.

Методы и данные

Настоящее исследование выполнено в парадигме смешанных методов (mixed-methods research), которая подразумевает совмещение количественных и качественных методов сбора и анализа социологической информации (Creswell J. and Plano Clark V. 2011; Creswell J. 2013). В нашем случае мы совместили количественный контент-анализ текстов, полученных с сайтов социологических кафедр и факультетов, с его качественным анализом, интерпретацией. В выполнении этих задач нам помогала специализированная компьютерная программа «ВЕГА», которая позволяет получать различные виды словарей — *частотные* (все употребляемые в идентификационном массиве слова ранжируются по частоте их использования в массиве), *алфавитные* (слова из массива выстраиваются в алфавитном порядке) и *пермутационные* (каждое слово массива выстраивается в алфавитном порядке, причем вместе со своим контекстом). Каждый тип словаря добавляет свои возможности по уточнению интерпретации сказанного³.

Характеристика массива: данные 100 социологических факультетов и кафедр, рабочих сайтов 82, релевантных текстов обращений 58, всего слов 33 465, из них уникальных (разных) слов 4 675.

Результаты исследования

1. Социологическое образование на карте России

Как уже отмечалось, анализ основывается на данных, собранных с сайтов социологических факультетов и кафедр российских вузов. Всего база включает в себя 100 государственных вузов, где преподается социология. Надо сказать, что разительных перемен за последние семь лет (со времени предыдущего аналогичного исследования) не произошло. Тогда государственных вузов было 113 (Окольская 2010). Из 100 государственных вузов 81 являются региональными, и, соответственно, 19 — это столичные вузы (Москва и Санкт-Петербург). Больше половины социологических факультетов и кафедр находятся в федеральных или

³ ПО «Вега» разработано социологом, профессором Г. И. Саганенко (СИ РАН) совместно с программистами Е. А. Каневским и К. К. Боярским (СПбЭМИ РАН).

городских государственных вузах (таких, как СПбГУ или МГУ) — 54; кафедр в технических вузах оказалось 18; гуманитарных — 28. Всего социология представлена в вузах 63 городов России (от Мурманска до Магадана). Географию распространения социологического образования можно увидеть на рис. 1.

В ходе анализа данных по распространённости социологического образования не обошлось без курьезов. Так, социологию преподают в ДАЛЬРЫБВТУЗЕ — Дальневосточном государственном техническом рыбохозяйственном университете (специализация — социология рекламы). В Липецком государственном педагогическом университете четко усвоили последние российские тенденции: здесь социология соседствует с теологией на кафедре философии, социологии и теологии.

Определенную пищу для размышлений дает анализ структур социологического образования через принцип организации факультетов и кафедр. Обнаружено три принципа: 1) организация чисто социологических факультетов — всего таковых обнаружено шесть и это в столицах, где вузы могут себе это позволить: обеспечить себя необходимым количеством студентов. 2) объединение дисциплин; 3) принцип специализации.

Основным выступает принцип объединения дисциплин, прослеживается определенный дисциплинарный плюрализм: например, «кафедра связи с общественностью, политологии, психологии и права» — и социология здесь не упоминается вовсе, однако преподается.

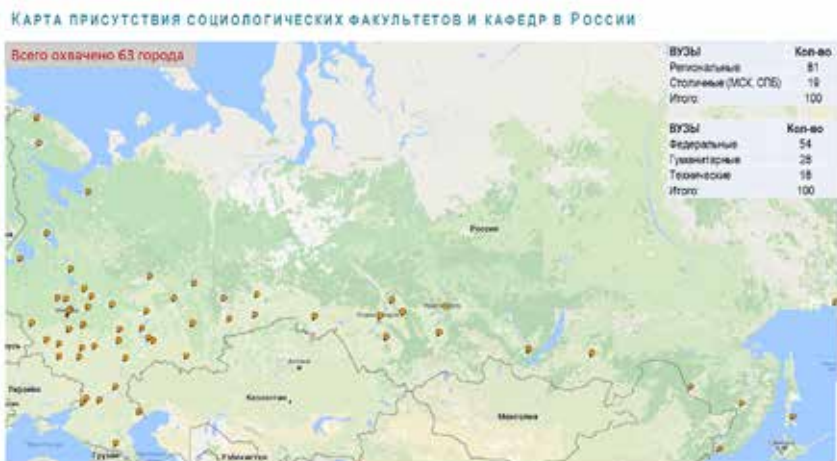

Рис. 1. География социологических факультетов и кафедр в России

II. «И чтец, и жнец, и на дуде игрец»: межпрофессиональный универсализм социологов

Дисциплинарный плюрализм при организации кафедр, на которых преподается социология, как бы подразумевает межпрофессиональный универсализм самих социологов. «Социолог — это, прежде всего, специалист широкого профиля, способный реализовать себя в различных сферах деятельности» — пишут на сайте вуза из Ростовской области. И, действительно, широта возможностей трудоустройства, представленного на сайтах, практически не имеет границ: от ученого до банкира или режиссера телеканала до работника правоохранительных органов. В таблице ниже представлен рейтинг профессий / сфер трудоустройства, на которые может претендовать выпускник социологической кафедры (факультета).

Таблица 1

Рейтинг сфер трудоустройства для социологов

№		Количество упоминаний	
		число	%
1	Научные центры, вузы	34	22
2	Государственное и муниципальное управление	16	10
3	Маркетинг	14	9
4	Социологические/консалтинговые центры	14	9
5	PR-менеджер	11	7
6	СМИ	9	6
7	Менеджер по персоналу / кадровые агентства	8	5
8	Общественные организации	7	5
9	Избирательные компании	5	3
10	Социальная сфера	4	3
11	В судебных и правоохранительных органах	3	2
12	Рекламные службы	2	1
13	Банки	2	1
14	Другое	24	16
	Итого:	153	100

Как видно из таблицы, представленный рейтинг возможных профессий носит дисперсный характер: по сути шансы устроиться в одной из названных сфер: научным сотрудником или госслужащим, маркетоло-

логом или PR-менеджером, кадровиком или даже журналистом — почти одинаковы. При этом в категорию «Другое» отнесены 24 различные специальности, которые упоминаются разово и поэтому не подверглись классификации. Таким образом, обладатели диплома социолога могут устроиться по 37 специальностям (!).

Сайты кафедр пестрят историями успеха: выпускники-социологи трудоустраиваются в «Газпром» и «Сбербанк», а выпускница Ставропольского вуза даже работает в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. Абитуриент просто обязан понять, что профессия социолога настолько универсальна, что открывает буквально все двери. Вместе с тем в обращениях на сайтах наблюдается определенное противоречие: там как бы говорится «работать вы можете кем угодно, но не забывайте, что вы социологи». В ряде случаев делаются попытки внушить гордость за профессию и принадлежность к определенной «профессиональной касте». Прослеживается это через рассказы о «посвящении в социологи» и о масштабных празднованиях «Дня социолога». Что любопытно, сразу несколько вузов конкурируют за авторство самой идеи этого праздника.

В размытости и дисперсности профессии социолога существует несколько проблем: это как проблемы с самоидентификацией самого профессионального сообщества, раскол профессионального сообщества на «истинных социологов» и «полстеров», организаторов опросов общественного мнения / маркетинговых исследований; так и проблемы с мотивацией студентов: стоит ли всерьез относиться к своей профессии, а значит и учебе, если сама профессия настолько размыта и неопределенна, что можно заниматься после ее получения практически любой деятельностью.

III. Ценностный характер профессии — от регионов к столицам

Остановимся более подробно на центральном «конфликте», который был вынесен нами из анализа информации на сайтах социологических факультетов и кафедр российских вузов. Это «конфликт» «прагматизма» и «романтизма». Ниже представлен фрагмент частотного словаря из программы «Вега».

Итак, на первом месте, с большим отрывом разместились «исследования» — о них в среднем говорится 5,5 раз в каждом обращении; на втором месте — «научного» — 3,9 раза. Однако сам по себе частотный словарь дает нам лишь приблизительное представление об основном содержании текстов, помещенных в изучаемую базу. Возможность

Таблица 2

Фрагмент частотного словаря

№	Слово	Частота встречаемости в массиве	Средняя частота встречаемости в отдельном обращении
1	ИССЛЕДОВАНИЯ	318	5,5
2	НАУЧНОГО	229	3,9
3	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	177	3,1
4	ОРГАНИЗАЦИИ	174	3,0
5	ФАКУЛЬТЕТА	167	2,9
6	ОБРАЗОВАНИИ	159	2,7
7	УНИВЕРСИТЕТА	152	2,6
8	ОБЩЕСТВЕ	149	2,6
9	УПРАВЛЕНИЯ	149	2,6
10	НАПРАВЛЕНИЮ	146	2,5
11	РАЗВИТИЯ	146	2,5
12	СОЦИОЛОГИ	146	2,5
13	ЦЕНТРЕ	130	2,2
Всего текстов		58	

продвинуться дальше дает пермутационный вывод, с помощью которого выявляется контекст, в котором упоминается то или иное слово из частотного словаря.

В ходе анализа выявлено, что словосочетание «социологическое исследование», как правило, существует в контексте сугубо практическом. Довольно часто упоминается о связи социологических и маркетинговых исследованиях, часто эти два понятия взаимозаменяются.

Так, Алтайский государственный университет на своем сайте даже рекламирует собственные услуги по проведению маркетинговых исследований. Как конкурентное преимущество практически всегда позиционируется кадровый потенциал кафедры (факультета) — указывается количество кандидатов и докторов наук, часто дается список публикаций и проектов, поддержанных грантами; всячески подчеркивается принадлежность к научному сообществу. Однако здесь происходит то ли смысловой дуализм, то ли вовсе подмена понятий: с одной стороны вас приглашают в науку, а с другой стороны с порога же заявляют, что это не некая «высокая наука», а вполне реальная, практичная

деятельность. Едва ли не у каждой кафедры в региональном вузе есть своя социологическая лаборатория; но эта лаборатория преимущественно выполняет заказы не для удовлетворения собственного научного интереса («высокая наука»), а по заказу государственных структур, органов регионального и муниципального управления. Практически повсеместно абитуриента «успокаивают» в том, что «фундаментальная подготовка сочетается с **практико-ориентированной** учебно-образовательной деятельностью», что «студенты активно участвуют в работе кружка студенческого научного общества, проведении **прикладных** социологических исследований».

Как отмечает социолог Л. Окольская, проводившая аналогичное нашему исследование, «общество должно понимать, чем занимается группа профессионалов; лишь тогда эта группа может рассчитывать на привилегии и вознаграждения» (Окольская 2010: 21). В этом заключается часть прагматизма. Значит, нужно какое-то емкое и привлекательное определение социологии, которое выделяет ее на рынке профессий и рынке труда. И вот возникают определения: «Спектр научных интересов сотрудников Института широк: «...» **конструирование реальности** в средствах массовой информации»; «Проблемное поле социолога включает в себя анализ сфер деятельности людей, где требуется понимание, объяснение **и воздействие на поведение** людей»; «учащиеся вникнуть в суть организационной психологии, а это необходимо знать для **управления массами**» (грамматика сохранена).

Итак, социолог «конструирует реальность», «воздействует на людей» и все это, «чтобы управлять массами». Перспективы довольно радужные. А теперь вернемся к частотному словарю. Идеей управления в явном и неявном виде пронизаны практически все тексты. Слова «общество» и «управление» встречаются в среднем 2,6 раза в каждом тексте. Если рассматривать контекст употребления слова «управление», то таких контекстов несколько — это и собственно название кафедр, это управление на предприятиях и, наконец, это работа в органах государственного управления. Навыки «управления массами» вкупе с возможностью устроиться на работу чиновником открывают свободу, казалось бы, несбыточным ранее мечтам о сытой и богатой жизни; ведь профессия социолога — это пропуск в коридоры власти. И. Денисова и др. описывают отношение жителей России к переходным процессам и их роли для страны. Авторы приходят к выводу, что среднестатистический россиянин подвержен так называемому когнитивному диссонансу — уверенность в необходимости глубокого вмешательства в экономи-

ку со стороны государства сочетается с полным отсутствием доверия к отдельным политическим институтам (Denisova I. et al. 2007). На наш взгляд, это происходит опять же из-за колоссальной дифференциации в уровне жизни управленцев во власти, чиновников и простых россиян. Проще говоря: «мы их ненавидим, потому что мы не они, но нам очень бы хотелось стать ими (потому что «богатая жизнь»)». Дополнительные перспективы открываются при условии сотрудничества региональных и столичных вузов: существует явная возможность «зацепиться» в столицах. Похожая ситуация и у столичных вузов — только они, кроме того, рекламируют свои тесные связи с зарубежными университетами. Идея стремительной социальной мобильности через профессию заложена практически во всех обращениях кафедр. Как региональных, так и столичных; но у столичных явно прослеживается «добавленная стоимость»: «романтизм профессии». Немного слов о нем.

В столичных вузах не все так очевидно и однозначно, как в региональных, где абитуриентов гарантированно обучают навыкам «управления массами». Вот что пишут на сайте социологического факультета СПбГУ:

«возьмем за основу научную точку зрения, что общество представляет собой сложную самоорганизующуюся систему, обладающую огромным количеством свойств и характеристик. Это система более сложная, чем биологический организм или какая-либо техническая система, и управлять ею как машиной не получится. Тем не менее, чем лучше мы знаем эти системные свойства и характеристики общества, социальные связи и взаимодействия, тем эффективнее происходит и развитие самого общества».

Здесь социология предстает не готовой рецептурной книгой, а стремительно развивающейся дисциплиной на пути к далекой, но вполне достижимой и надежной истине. И абитуриента как бы заманивают в это увлекательное путешествие.

Об увлекательных путешествиях по социологической стезе рассказывают и сами студенты на сайте СПбГУ:

«Среди моих исследовательских интересов я бы отметила изучение городских пространств. Будучи социологом и/или антропологом, можно взглянуть на привычные и, казалось бы, ничего не значащие места в городе как на объекты, обладающие внутренним своеобразием, которое мы не обнаружим невооруженным «социоантропологическими очками» глазом. На втором курсе я участвовала в исследовании, организованном командой «ArtsfortheCity» и посвященном изучению пространства бывшего завода

«Красный треугольник», построенного, кстати, еще в 19 веке. Вот там действительно можно было почувствовать себя «антропологом в поле»: приходилось знакомиться с резидентами (разными ремесленниками — работниками мастерских, музыкантами, местными «тусовщиками» и прочими интересными людьми), изведывать полуразрушенные закоулки, наблюдать за потоками людей в разное время суток, изучать предприятия и заведения, расположенные в более-менее пригодных для этого корпусах. Одним из наиболее запомнившихся моментов была прогулка с местным «изобретателем» по заброшенной и полуразрушенной части завода: тогда мне показывали места, где часто бывают «киношники». В итоге, за счет работы команды социологов и антропологов удалось разобраться с тем, что такое «Красный треугольник» сегодня. А через некоторое время туда наведалься команда немецких художников, чтобы устроить перформанс и «городскую игру» для резидентов (собственно, ради этого мероприятия и затевалось исследование). Но это уже другая история».

Это пламенное послание студентки СПбГУ своим будущим коллегам диссонирует со скромной констатацией студентки о ресурсах одного из региональных вузов:

«На сегодня кафедра располагает тремя аудиториями, одна из которых отдана собственно под кафедру (ауд. 221), а две другие — специализированные кабинеты философии. В ауд. 222 проводятся занятия с аспирантами в рамках курса «История и философия науки», а в ауд. 226 — текущие занятия со студентами дневной и заочной форм обучения. Каждая аудитория рассчитана на 60 посадочных мест. Ауд. 226 оборудована мультимедийным оборудованием — имеется интерактивная доска, проектор, ноутбук, авторские мультимедийные презентации к лекциям и семинарским занятиям».

До тех пор пока дифференциация уровня жизни будет оставаться столь значимой и будет нарастать ценностный разрыв в обществе, до тех пор у нас, по сути, будут оставаться две разные социологии — одна ориентирована на общее развитие, другая — на подготовку профессии.

Заключение

Первый вывод нашего исследования — о межпрофессиональном универсализме (широте специальности социолога), который демонстрируется на сайтах. Данный универсализм прослеживается как в дис-

циплинарном плюрализме при организации кафедр, так и при описании будущей трудовой деятельности. Непосредственно факультетов социологии в нашей выборке оказалось всего шесть и все они находятся в столицах. Изучать социологию предлагают на кафедрах, которые в своем названии аккумулируют названия до пяти дисциплин. Безусловно, такая стратегия презентации будущих возможностей трудоустройства направлена на скорейшее привлечение будущих студентов — социологов. Но с другой стороны, такая широта девальвирует саму профессию социолога; плюс к этому у будущих студентов может возникнуть иллюзия несерьезности образовательного процесса в целом, Это некое продолжение школьной учебы (в худшем варианте), некий очередной жизненный мораторий на взросление.

Второй вывод — о ценностной дифференциации между вузами региональными и столичными. Если первые во главу угла ценностного профиля социологической профессии ставят прагматизм, что характерно для носителей материалистических ценностей, то вторые, не забывая представлять социологическую профессию как выигрышную на рынке труда, вместе с тем в качестве «добавочной стоимости» прибавляют «романтизм» как особое качество, воплощающее в себе радость познания и даже достижение некоего познавательного катарсиса. И, конечно, возникает вопрос: какова она в итоге российская социология, если «законодателями мод» являются столицы, тогда как 80 % социологических кафедр находятся в регионах.

Источники

- Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство.
- Окольская Л. А. 2010. Ценности и нормы социологической профессии на сайтах факультетов и кафедр // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 3(105). С. 13–27.
- Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под Ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. 2017. М.: Из-во Весь Мир.
- Россияне не планируют отдых за рубежом. Левада-центр. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2017/05/19/rossiyane-ne-planiruyut-otdyh-za-rubezhom/> (дата обращения 30.01.2018).
- Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации/ Отв. ред. Л. А. Козлова; ред.-сост. Н. Я. Мазлумянова, И. А. Шмерлина. 2010. Учреждение Рос. акад. наук Институт социологии РАН. — М.: Научный мир.

- Creswell J. W. 2013. *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches* SAGE.
- Creswell J. W., Vicki L., Clark P. (2011). *Designing and Conducting Mixed Methods Research*. SAGE.
- Denisova I., Eller M., Zhuravskaya E. 2007. What Russians think about transition: Evidence from RLMS survey // CEFIR / NES Working Paper, № 114.

References

- Creswell J. W. 2013. *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches* SAGE.
- Creswell J. W., Vicki L., Clark P. (2011). *Designing and Conducting Mixed Methods Research*. SAGE.
- Denisova I., Eller M., Zhuravskaya E. (2007) What Russians think about transition: Evidence from RLMS survey // CEFIR / NES Working Paper, № 114.
- Inglehart R., Welzel K. 2011. *Modernizatsiya, kul'turnyye izmeneniya i demokratiya* [Modernization, cultural changes and democracy]. Moscow: New publishing house, 464 p.
- Okolskaya L. A. 2010. *Tsennosti i normy sotsiologicheskoy professii na saytakh fakul'tetov i kafedr* [Values and norms of the sociological profession on the websites of faculties and departments] *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii*. [Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions]. No. № 3(105), pp. 13–27. (In Russ., abstract in Eng.)
- Rossiyanе ne planiruyut otдых za rubezhom. 2017. [Russians do not plan a holiday abroad] Levada-tsentr [Levada Center] Available at: <http://www.levada.ru/2017/05/19/rossiyane-ne-planiruyut-otдых-za-rubezhom/> (In Russ.)
- Rossiyskoye obshchestvo i vyzovy vremeni. *Kniga pyataya / pod Red. M. K. Gorshkovai V. V. Petukhova*. 2017. [Russian society and the challenges of time. Book Fifth / Ed. M. K. Gorshkov and V. V. Petuhova]. Moscow: The whole world Publ., 424 p.
- Teoriya i metodologiya v praktikakh rossiyskikh sotsiologov: postsovetskiye transformatsii. 2010. [Theory and methodology in the practices of Russian sociologists: post-Soviet transformations]. Moscow: The scientific world Publ., 480 p.

В. Б. ГОЛЬБРАЙХ

ЧЛЕНЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ГРУПП В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: ЦИФРОВОЕ УЧАСТИЕ И ИНТЕРЕСЫ

За последнее время социальные медиа стали серьезным фактором общественной жизни российских граждан. В статье проведен анализ членов виртуальных групп, созданных в ходе экологических конфликтов в Санкт-Петербурге; проанализировано как цифровое участие, так и интерес членов экологических групп к экологической и политической проблематике. Сопоставлено поведение членов виртуальных экологических групп были сравнены как с членами иных протестных виртуальных городских групп, так и с членами территориальных виртуальных групп. Выявлено серьезное различие, как в цифровом участии, так и в интересе к экологической и политической проблематике между членами разных протестных групп (как экологических, так и неэкологических) с одной стороны, и членами территориальных групп, — с другой.

Ключевые слова: социальные медиа; виртуальные группы; цифровое участие

С каждым годом возрастает количество людей, для которых участие в тех или иных социальных медиа стало повседневной практикой. Наше исследование посвящено анализу членов виртуальных групп, созданных в ходе экологических конфликтов в Санкт-Петербурге в крупнейшем российском социальном медиа «ВКонтакте».

Теоретический подход

Социальные медиа стали серьезным фактором социальной и политической жизни во многих странах. Наиболее заметные события, заставившие исследователей обратиться к роли социальных медиа в общественной жизни: президентская кампания Б. Обамы (Johnson, Perlmutter 2013), протесты в Иране, названные твиттер-революцией (Faris, Rahimi 2015), «арабская весна» (Howard, Hussain 2013). В России можно говорить о существенной роли социальных медиа в организации акций протеста 2011–2012 годов (Ваньке, Ксенофонтова, Тартаковская 2014; Ксенофонтова 2012; Радченко, Писаревская, Ксенофонтова 2014). С точки зрения некоторых авторов, новые медиа «способствовали изменению самой логики коллективных действий», будучи «источником альтернативных новостей; средой распространения протестной коммуникации и информации», способствуя «рекрутингу

новых участников; координации коллективных действий». (Рыков, Нагорный 2017: 378).

Исследователи выделяют три черты, отличающие социальные медиа: 1) возможность пользователям социальных медиа создавать собственный контент (тексты, изображения, видео); 2) возможность пользователей поддерживать связь друг с другом; 3) возможность пользователей организовывать сотрудничество в рамках социальных медиа (создавать сообщества, распространять информацию и т. п.) (Quan-Haase, Sloan 2017: 5).

Социальные медиа дают возможность пользователям создавать виртуальные сообщества. Г. Рейнольд, определяет виртуальное сообщество как «социальное образование, которое появляется на основе практики компьютерно опосредованной коммуникации в Интернете, когда достаточное количество людей принимает участие в публичной дискуссии достаточно долгое время и с присущими человеческими чувствами, чтобы сформировать ткань личных отношений в виртуальном пространстве» (Рыков, Нагорный 2017: 374). Важно отметить, что как отмечает Ю. Рыков «виртуальные сообщества имеют четкие границы (членство) и характеризуются общностью целей / интересов своих участников» (Рыков 2013: 47).

В связи с появлением и активной ролью социальных медиа в социальных и политических протестах исследователи заговорили о новой форме политического участия — «цифровом сетевом участии». Цифровое сетевое участие — это «действие, основанное на цифровых средствах массовой информации которое осуществляется отдельными гражданами с намерением привести в действие свои социальные сети для повышения осведомленности о социальных или политических проблемах или оказать социальное и политическое давление для их решения» (Theocharis, 2015: 194). Можно выделить следующие формы цифрового участия: 1) присоединение к группам в социальных медиа, созданных в связи с политическими или социальными проблемами; 2) публикация собственных постов или комментариев в социальных медиа по политическим или социальным проблемам; 3) репостинг материалов, посвященных политическим или социальным проблемам; 4) мобилизация в социальных медиа пользователей к участию в акциях в связи с политическими или социальными проблемами (Theocharis, 2015: 8). Говоря о мобилизации, надо отметить, что, если раньше для общественных движений одним из важнейших средств мобилизации являлись СМИ (Цепилова 2002), то теперь все большую роль в этих

процессах играют социальные медиа. Как отмечается в одном из исследований, сегодня становится все более трудным найти протест, который не имел бы хэштега в твиттере (Jost, Barber, Langer 2018: 86).

Считается, что социальные медиа в первую очередь дают возможность установить связь между людьми, разорванными географическим расстоянием. В тоже время исследования показывают, что социальные медиа в значительной степени используются гражданами, проживающими в одном районе, объединяя низовые общественные движения, помогая координировать местные акции протеста (Mosconi, Korn, Reuter, Tolmie, Teli, Pipek 2017: 959).

Если говорить о России, то в ней на сегодняшний день крупнейшим социальным медиа является социальная сеть «В Контакте». На апрель 2018 года количество пользователей «ВКонтакте» составляло более 97 млн человек и каждый сутки пользователи «ВКонтакте» отправляли 5 млрд сообщений¹. На апрель 2018 года «ВКонтакте» было создано более 24 млн групп численностью от несколько миллионов членов до нескольких человек.

Данные и метод

Наше исследование посвящено виртуальным группам, созданным в социальной сети «ВКонтакте» в связи с локальными экологическими конфликтами в Петербурге. Мы намеревались проанализировать цифровое участие членов этих виртуальных групп. В рамках исследования предполагалось также выявить интересы членов экологических виртуальных групп. Было решено ограничиться двумя областями интересов членов групп: экологической проблематикой и политической повесткой. Если говорить об экологической проблематике, нас интересовало, ограничивается ли интерес участников рассматриваемых групп локальными экологическими проблемами, либо участники групп проявляют интерес и к более широкой экологической проблематике (в городе, в стране, мире). Интерес к экологической проблематике мог быть выражен вступлением в виртуальные экологические сообщества. Аналогичным образом интерес к политической повестке мог быть выражен присоединением, как к политическим сообществам, так и к сообществам СМИ. В нашей работе мы сравнили цифровую активность и интересы членов местных экологических виртуальных групп как с членами

¹ https://vk.com/page-47200925_44240810

петербургских виртуальных групп, созданных в связи с другими конфликтами (градоохранительными группами, группами в защиту науки, образования и культуры), так и с членами виртуальных групп, созданных по территориальному принципу. В рамках исследования мы предполагали выявить, в какой мере, как цифровая активность, так и обозначенные интересы отличают членов групп, созданных в связи с экологическими городскими проблемами, как от членов иных городских протестных групп, так и от «среднего» пользователя социальной сети «В Контакте», к коим можно отнести членов виртуальных территориальных групп.

Надо отметить, что если в отношении действий членов виртуальных групп, созданных в связи с той или иной проблемой, мы можем говорить о цифровом участии, то в отношении членов виртуальных групп, созданных для обсуждения новостей в территориальном образовании, термин «цифровое участие» не применим, и надо говорить об их коммуникативной активности. Данные по цифровому участию или коммуникативной активности были получены с помощью программы vk.barkov.net², а по членству в других группах с помощью программы «Сравнение аудитории групп»³. Всего было выбрано по 12 групп в каждой категории (Таблица 1).

Результаты

Большинство из групп, созданных в связи с экологическими конфликтами в городе, посвящены проблемам зеленых насаждений, лишь три группы были созданы в связи с другими экологическими проблемами. Две из этих групп были созданы жителями Приморского района, обеспокоенных загрязнением его промышленными предприятиями, а одна создана жителями Хасанской улицы в связи с планами прокладки трассы Восточный скоростной диаметр вдоль Хасанской улицы. Как уже говорилось ранее, цифровое участие помимо присоединения к группе включает в себя распространение информации, выложенной в группе (репосте), что особенно важно для мобилизации потенциальных сторонников, а также обсуждения проблемы в группе (комментировании постов группы). Если говорить о цифровом участии/коммуникационной активности анализируемых групп, то наш анализ показал следующее (Таблица 2).

² <https://vk.barkov.net>

³ https://vk.com/app3771868_5088528

Таблица 1

Группы «ВКонтакте»

№	Название группы	Цели группы		Кол-во членов
		Экологические группы	Цели группы	
1	За возрождение Полежаевского парка	Благоустройство парка		263
2	ДА БУДЕТ СКВЕР! Квартал «Новый Лиговский»	Сохранение сквера при уплотнительной застройке		300
3	За сохранение сквера на Савушкина 112 #sav112	Сохранение и благоустройство сквера который собирается вырубить		480
4	Серебка ПРОТИВ!!	Остановить застройку, которая приведет к резкому ухудшению экологической ситуации		662
5	Спасем Лопухинский сад!	Сохранение Лопухинского сада		824
6	Сохраним наш парк 300-летия СПб!!!	Сохранение парка от застройки		1045
7	Коломаги против промзоны	Противодействие загрязнению атмосферного воздуха Приморского района промышленными отходами		1046
8	Спасем «Александрино»!	Борьба против уплотнительной застройки, угрожающей парку «Александрино» и природному ландшафту		1373
9	Трасса .. под окнами (Хасанская улица)	Борьба против прокладки трассы Восточный скоростной диаметр вдоль Хасанской улицы		1618
10	Центральный район за комфортную среду обитания	Создать комфортную среду обитания в Центральном районе Санкт-Петербурга, а также запретить уплотнительную застройку в центре города		2332

№	Название группы	Цели группы	Кол-во членов
11	Мы против вонючки в Приморском районе	Борьба против загрязнения окружающей среды в Приморском районе	3058
12	В защиту парка Малиновка	Спасение парка Малиновка от застройки	6595
Градозащитные группы,			
группы в защиту науки, образования и культуры			
1	В поддержку Европейского университета	За возвращение университету права вести образовательную деятельность в стенах Малого мраморного двorca.	149
2	Спасти Публичную библиотеку!	Сохранение независимости Российской национальной библиотеки	214
3	Защитим Чесменский дворец	Защита Чесменского дворца от уплотнительного строительства	278
4	Группа ЭРА	Сохранение и регенерация исторической городской среды	516
5	КОНЮШЕННЫЙ ДВОР	Борьба против превращения Конюшенного Двора в апартаменты	533
6	Градозащитный Петербург	Новости Петербургской градозащиты	1063
7	Комитет защиты Петербурга	Защита Культурной столицы от «провинциализации» и «декультуризации»	1261
8	За сохранение исторического наследия Питера	Сохранение исторического облика города	2826
9	Синяя лента — символ небесной линии Петербурга	Защита небесной линии Санкт-Петербурга.	3203
10	Живой город	Сохранение уникального архитектурного облика города.	5014
11	Скажем нет ГАЗПРОМ—СИТИ / Лахта-центр/	Сохранение городской архитектурной среды	6470
12	Защитим Исаакиевский собор	За сохранение музея-памятника Исаакиевский собор	7094

Городские группы			
1	Центральный район СПб	Информация для жителей и гостей района	258
2	Подслушано метро Московская СПб	Объявления, знакомства, общение жителей ст. метро Московская.	353
3	Для жителей МО Балканский	Информационно-новостной паблик о МО Балканский	601
4	Красносельский район и Ветеранов	Группа посвящена Красносельскому району	786
5	Наша Петроградка	Клуб любителей Петроградского района, или кто в нём живёт	986
6	Подслушано Площадь Восстания	Сообщество Жителей Санкт-Петербурга, проживающих в пешей доступности от метро Площадь Восстания	1387
7	Адмиралтейский Online	Группа, посвящена Адмиралтейскому району	2050
8	Наш Фрунзенский район	Группа, посвящена Фрунзенскому району	2326
9	Наше Кулчино	Эта группа о Кулчино, о нас — его жителей	2350
10	Приморский район и Пионерская-Forever!	Группа о событиях в нашем районе, и в городе в целом.	3960
11	Невский район	Эта группа создана для тех, кто живет работает учится в одном из самых красивых районов Санкт-Петербурга	5605
12	МО Академическое Калининский район СПб	Группа посвящена МО Академическое	6250

Таблица 2

Цифровое участие/коммуникационная активность членов групп

Группы	Члены групп, писавших посты в группе (%)	Члены группы, писавших комментарии в группе (%)	Члены группы, делавших репост в группе (%)
Экологические группы			
За возрождение Полежаевского парка	9	11	16
ДА БУДЕТ СКВЕР! Квартал «Новый Лиговский»	12	19	12
За сохранение сквера на Савушкина 112 #sav112	1	12	16
Серебка ПРОТИВ!!!	1	15	14
Спасем Лопухинский сад!	8	6	14
Сохраним наш парк 300-летия СПб!!!	0,4	9	16
Коломаги против промзоны	10	6	2
Спасем «Александрино»!	8	13	19
Трасса .. под окнами (Хасанская улица)	2	11	7
Центральный район за комфортную среду обитания	1	20	17
Мы против вони в Приморском районе	0,1	9	5
В Защиту парка Малиновка	0,01	16	16
Градозащитные группы, группы в защиту науки, образования и культуры			
В поддержку Европейского университета	1	1	14
Спаси Публичную библиотеку!	3	12	30
Защитим Чесменский дворец	1	6	19
Группа ЭРА	5	4	17
КОНЮШЕННЫЙ ДВОР	4	6	20

Градозащитный Петербург	1	12	20
Комитет защиты Петербурга	4	23	34
За сохранение исторического наследия Питера	5	7	24
Синяя лента — символ небесной линии Петербурга	0,1	10	27
Живой город	7	6	14
Скажем нет ГАЗПРОМ—СИТИ /Лахта-центр/	0,1	7	17
Защитим Исаакиевский собор	6	26	38
Городские группы			
Центральный район СПб	16	0	8
Подслушано метро Московская СПб	36	0	1
Для жителей МО Балканский	0	11	6
Красносельский район и Ветеранов	0	0,1	0,3
Наша Петроградка	19	1	1
Подслушано Площадь Восстания	1	2	3
Адмиралтейский Online	2	0	0
Наш Фрунзенский район	0	3	11
Наше Купчино	11	3	4
Приморский район и Пионерская-Forever!	2	2	6
Невский район	15	3	10
МО Академическое Калининский район СПб	5	3	5

Анализ показал слабое цифровое участие членов экологических групп. Как и можно было ожидать, в наименьшей степени члены экологических групп участвуют в написании постов. Именно авторы постов, как можно полагать, в большей степени вовлечены в деятельность протестной группы. Только в двух группах из рассматриваемых нами доля таковых членов достигала 10 и более процентов от всех членов группы. Если же говорить о членах, писавших комментарии или делавших репосты, то таковых было намного больше. И в том и в другом случае в большинстве групп доля активных членов превышала 10 процентов. В тоже время, как мы видим, большинство членов групп (от 80 % и более) и в этих случаях оставались пассивными.

Если же мы сравним цифровое участие членов групп, созданных в связи с другими проблемами, то увидим, что в отношении таких форм цифрового участия как написание постов и участие в дискуссиях эти группы существенно не отличаются экологических. В тоже время обращает на себя внимание, что доля членов этих групп, участвующих в такой форме цифрового участия, как распространение информации через репосты, несколько выше, чем доля членов экологических групп.

Анализ показал серьезное отличие цифрового участия членов виртуальных групп, созданных в связи с какими-либо городскими проблемами (как экологическими, так и иными) от коммуникативной активности членов городских групп, созданных по территориальному принципу. С одной стороны, в ряде случаев члены этих групп были куда активнее в написании постов, чем члены протестных групп. Это может быть обусловлено самим характером групп. В территориальных группах спектр содержания постов куда более широк (от размещения любых новостей как районных, так и зачастую городских до частого использования подобных групп для рекламы). С другой стороны, мы видим, что члены таких групп намного реже участвуют в дискуссиях в группах или распространяют информацию, выложенную в них, на своих страницах.

В рамках исследования предполагалось выявить, в какой мере участники экологических групп интересуются более широким кругом экологических проблем, за пределами локального экологического конфликта, которому посвящена группа. Одним из признаков этого интереса может явиться членство в виртуальных экологических сообществах, посвященных широкому кругу экологических проблем.

Для анализа были выбраны экологические сообщества «ВКонтакте» трех международных экологических организаций (Гринпис, WWF и Беллона), всероссийской организации «Экологическое движение России», а также одной из самых известных местных экологических организаций — «Экологическая вахта Северного Кавказа». Мы предполагали, что доля членов экологических групп, присоединившихся к этим сообществам, будет серьезно выше не только доли таковых членов территориальных виртуальных групп, но и доли членов групп, посвященных градозащитным проблемам, проблемам защиты науки, образования и культуры. Наш анализ показал следующее (Таблица 3).

Действительно, как мы видим члены локальных экологических групп куда чаще вступали в экологические сообщества, чем члены территориальных групп. Однако если мы сравним их с членами других протестных групп, то мы не увидим разницы в присоединении к «большим» экологическим сообществам. Более того, в ряде случаев члены иных протестных городских групп в большей степени вступали в экологические сообщества (например, в сообщество Гринписа). Кроме того, если судить по доле присоединившихся к экологическим сообществам, анализ показал небольшой интерес членов локальных экологических групп к более широкому кругу экологических проблем. Лишь в четырех случаях эта доля слегка превышала десяти процентов. Как и можно было ожидать, в наибольшей степени члены анализируемых сообществ проявили интерес к наиболее известной в стране экологической организации — Гринпису, а в наименьшей к не очень хорошо известному «Экологическому движению России» и местной организации «Экологическая Вахта Северного Кавказа».

Однако встает вопрос, интересовались ли члены городских виртуальных экологических групп другими экологическими проблемами в своем городе. Понять существовал ли этот интерес, можно из анализа присоединения членов этих групп к схожим сообществам. Присоединение к этим группам могло быть полезным для пользователей для получения полезной информации о деятельности иных городских экологических инициативных групп, что могло помочь как для собственной организации протеста, так и в привлечении потенциальных сторонников к своей проблеме. Наш анализ показал следующее (Таблица 4).

Члены групп, состоящие в экологических сообществах (%)

	Гринпис	Беллон	WWF	Зеленое движение России	Экологическая вахта по Северному Кавказу
Количество членов сообществ (N)	120110	3543	379092	9598	3869
Экологические группы					
За возрождение Полежаевского парка	11	8	4	3	3
ДА БУДЕТ СКВЕР! Квартал «Новый Лиговский»	9	6	3	2	3
За сохранение сквера на Савушкина 112 #sav112	14	5	5	4	3
Серебка ПРОТИВ!!!	7	4	3	2	2
Спасем Лопухинский сад!	13	5	4	2	3
Сохраним наш парк 300-летия СПб!!!	11	6	4	2	2
Коломязги против промзоны	4	2	2	1	0,4
Спасем «Александрино»!	10	4	3	2	2
Трасса ... под окнами (Хасанская улица)	2	1	0,4	0,2	0,2
Центральный район за комфортную среду обитания	6	3	3	1	1
Мы против вонн в Приморском районе	3	1	1	0,1	0,2
В Защите парка Малиновка	4	1	2	1	1
Городские группы в защиту науки, образования и культуры					
В поддержку Европейского университета	9	3	6	1	3
Спасти Публичную библиотеку!	10	5	5	2	4
Защитим Чесменский дворец	13	4	3	3	1
Группа ЭРА	15	9	5	5	2
КОНЮШЕННЫЙ ДВОР	11	5	3	2	3

Городские группы	7	3	4	1	1
Комитет защиты Петербурга	10	3	4	2	2
«За сохранение исторического наследия Питера»	5	2	3	1	1
Синяя лента — символ небесной линии Петербурга	9	3	4	1	1
Живой город	7	3	4	1	1
Скажем нет ГАЗПРОМ—СИТИ /Лахта-центр/	6	2	4	1	1
Защитим Исаакиевский собор	5	2	3	1	1
Городские группы					
Центральный район СПб	0,4	—	0,4	0,4	—
Подслушано метро Московская СПб	—	—	—	—	—
Для жителей МО Балканский	1	1	2	0,3	—
Красносельский район и Ветеранов	2	0,1	1	0,3	0,1
Наша Петроградка	1	1	1	0,2	—
Подслушано Площадь Восстания	0,1	—	1	—	—
Адмиралтейский Online	—	—	0,3	—	—
Наш Фрунзенский район	1	0,1	1	0,2	—
Наше Купчино	1	0,1	1	0,2	—
Приморский район и Пионерская-Forever!	1	0,2	1	0,02	0,1
Невский район	1	0,2	1	0,1	0,01
МО Академическое Калининский район СПб	1	0,3	1	0,1	0,1

Таблица 4

Члены экологических городских групп, состоящие

	За возрождение Полежаевского парка	ДА БУДЕТ СКВЕР! Квартал «Новый Лиговский»	За сохранение сквера на Савушкина 112 #sav112	Серебка ПРОТИВ!!	Лопухинский сад!
За возрождение Полежаевского парка	—	5	5	5	5
ДА БУДЕТ СКВЕР! Квартал «Новый Лиговский»	4	—	7	7	6
За сохранение сквера на Савушкина 112 #sav112	3	4	—	4	5
Серебка ПРОТИВ!!!	2	3	3	—	5
Спасем Лопухинский сад!	2	2	3	4	—
Сохраним наш парк 300-летия СПб!!!	2	3	12	3	3
Коломаги против промзоны	0,2	0,3	1	1	1
Спасем «Александрино»!	3	4	3	3	5
Трасса .. под окнами (Хасанская улица)	0,3	1	1	1	0,4
Центральный район за комфортную среду обитания	1	2	2	2	2
Мы против вони в Приморском районе	0,2	0,3	1	1	1
В Защиту парка Малиновка	0,4	1	1	1	1

в других экологических городских группах (%)

Сохраним наш парк 300-летия СПб!!	Коломаги против промзоны	Спасем «Александрино»!	Трасса .. под окнами (Хасанская улица)	Центральный район за комфортную среду обитания	Мы против вони в Приморском районе	В Защиту парка Малиновка
8	1	15	2	11	3	10
9	1	16	4	15	4	12
25	3	9	3	9	7	9
4	1	7	2	7	4	5
4	1	8	1	7	3	8
—	2	6	2	6	7	8
2	—	1	0,1	1	21	2
5	1	—	2	8	3	9
1	0,1	2	—	2	1	21
3	1	4	1	—	2	4
2	7	1	0,3	2	—	1
1	0,4	2	5	1	0,6	—

Мы видим очень слабое пересечение между членством в двенадцати анализируемых городских экологических сообществах. В абсолютном большинстве случаев оно не превышает десяти процентов членов. Более серьезное пересечение мы видим лишь в нескольких случаях: 1) между членством в группах «За сохранение сквера на Савушкина 112 #sav112» и «Сохраним наш парк 300-летия СПб!!!»; 2) между членством в группах «Коломязи против промзоны» и «Мы против вони в Приморском районе»; 3) между членством в группах «Трасса .. под окнами (Хасанская улица)» и «В Защиту парка Малиновка»; 4) между членством в группах «За возрождение Полежаевского парка» и «Спасем «Александрино!»». Все четыре случая можно объяснить тем, что эти экологические конфликты проходили в одном и том же районе, территориально близко друг от друга. Однако мы нашли случай, который не может быть объяснен территориальной близостью — это относительно высокая доля членов группы «ДА БУДЕТ СКВЕР! Квартал «Новый Лиговский», состоящих в трех группах («Спасем Александрино!»; «Центральный район за комфортную среду обитания» и «В Защиту парка Малиновка»).

Наш анализ показал, что интерес большинства членов групп экологических групп «ВКонтакте» по отношению к экологическим проблемам не выходил за пределы локального экологического конфликта, они мало интересовались как иными экологическими проблемами города, так и более широким кругом экологических проблем, обсуждаемых в соответствующих по тематике сообществах. В тоже время, если говорить об администраторах групп, анализ показал, что большинство из них вступали в иные экологические городские виртуальные группы. Притом, что лишь меньшинство из пятидесяти администраторов состояли в экологических сообществах (16 %), более 60 % их состояло и в других городских экологических группах. При этом два администратора являлись администраторами одновременно двух групп.

Обратимся теперь к политическим интересам и предпочтениям членов экологических групп «ВКонтакте». Для начала мы хотели выявить политические предпочтения членов групп, а именно какие партии они поддерживают или по крайней мере какие партии вызывают у них интерес. Одним из проявлений этого предпочтения или интереса в социальных сетях Интернета является присоединение к тому или иному политическому сообществу в «ВКонтакте». Для этого мы вы-

брали сообщества как парламентских партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия»), так и сообщества партий, относящихся к непарламентской оппозиции («Яблоко» и ПАРНАС). Кроме того, так как в настоящий момент интересы А. Навального не представляет никакая партия, для выявления членов экологических групп, поддерживающих А. Навального, было взято сообщество «Команда Навального». Помимо этого для выявления членов групп, поддерживающих или интересующихся националистическими взглядами, было взято крупнейшее националистическое сообщество «ВКонтакте» — сообщество «ЯРусский» (Таблица 5).

Как мы видим, крайне небольшое число членов экологических групп присоединилось к политическим сообществам «ВКонтакте».

При этом анализ показал, что в большей части групп доля членов экологических групп, состоящих в сообществах «Яблоко» и «Команде Навального», существенно выше, чем состоящих в сообществах «Единой России», ЛДПР и «Справедливой России». В тоже время разница между долей, присоединившихся к этим двум сообществам (партии «Яблока» и «Команде Навального») и к сообществу КПРФ менее заметна. Анализ показал, что группа «За возрождение Полежаевского парка» выделяется повышенной долей членов, состоящих в сообществах партии «Яблоко» и «Команде Навального». Что касается сообщества «Яблока», то одним из объяснения этого может быть, то, что все три администратора группы являются членами «Яблока» и, возможно, они смогли мобилизовать активистов партии в участии в инициативной экологической группе. Если говорить о националистическом сообществе «ЯРусский», мы видим, что она была непопулярной у членов экологических групп. Если говорить об администраторах групп, то лишь меньшинство из них (16 %) являлись членами политических сообществ.

Отношение членов других виртуальных городских протестных групп к политическим сообществам сходно с отношением к этим сообществам членов экологических групп. В этом случае также лишь меньшинство членов присоединилось к ним. И аналогичным образом в большей мере члены групп вступали в сообщества непарламентской оппозиции (сообщества «Яблока» и «Команды Навального») и в меньшей степени в сообщества «Единой России», ЛДПР и «Справедливой России». В сообществе «ЯРусский» также состояло минимальное число членов протестных групп.

Члены групп, состоящие в политических сообществах (%)

	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Справедливая Россия	Яблоко	ПАРНАС	Команда Навального	Я-Русский
Количество членов сообществ (N)	80 088	60 480	110 736	7 822	15 229	16 488	193 485	223 043
Экологические группы								
За возрождение Полежаевского парка	1	5	1	0,4	17	8	12	2
ДА БУДЕТ СКВЕР! Квартал «Новый Литовский»	1	3	1	0,3	4	4	4	1
За сохранение сквера на Савушкина 112 #sav112	1	2	0,4	1	4	2	6	2
Серебка ПРОТИВ!!	1	1	0,2	0,2	4	2	5	1
Спасем Лопухинский сад!	1	2	1	0,1	6	5	5	2
Сохраним наш парк 300-летия СПб!!!	1	2	1	1	5	3	5	1
Коломяти против промзоны	0,3	0,4	0,1	0,1	1	1	1	1
Спасем «Александрино»!	1	3	1	0,4	5	4	5	2
Трасса .. под окнами (Хасанская улица)	0,3	1	0,2	0,2	0,4	0,4	1	2
Центральный район за комфортную среду обитания	1	1	1	1	2	2	4	0,4
Мы против вони в Приморском районе	0,2	0,3	0,2	0,1	1	0,4	2	1
В защиту парка Малиновка	0,4	1	1	0,2	1	1	3	1
Городские группы								
Городские группы, группы в защиту науки, образования и культуры								
В поддержку Европейского университета	—	4	1	—	5	1	7	1
Спасти Публичную библиотеку!	1	5	1	1	8	6	8	1

Защитим Чесменский дворец	1	3	0,4	0,4	4	3	3	2
Группа ЭРА	1	4	3	1	9	5	7	2
КОНЮШЕННЫЙ ДВОР	1	2	1	—	5	5	6	2
Городоохранительный Петербург	1	2	1	1	4	2	5	2
Комитет защиты Петербурга	1	5	2	1	6	4	10	1
За сохранение исторического наследия Питера	1	1	1	0,1	2	2	2	2
Синяя лента — символ небесной линии Петербурга	0,4	2	1	0,2	5	4	4	2
Живой город	1	1	1	0,3	3	2	3	1
СКАЖЕМ НЕТ ГАЗПРОМ—СИТИ / Лахта-центр/	0,4	1	1	0,1	3	2	3	2
Защитим Исаакиевский собор	1	3	1	0,3	5	3	9	1
Городские группы								
Центральный район СПб	1	1	1	—	0,4	—	1	—
Подслушано метро Московская СПб	0,3	—	3	—	—	—	1	1
Для жителей МО Балканский	2	0,3	1	—	0,3	1	1	—
Красносельский район и Ветеранов	0,3	0,4	0,1	—	0,3	0,1	1	1
Наша Петроградка	1	0,3	0,4	0,1	0,2	0,4	0,4	2
Подслушано Площадь Восстания	0,4	0,1	1	—	0,1	0,2	0,2	1
Адмиралтейский Online	0,04	0,04	0,04	—	0,04	0,1	0,04	0,04
Наш Фрунзенский район	1	0,4	0,4	0,1	1	0,2	0,3	1
Наше Кулчино	0,2	0,3	1	—	0,2	0,3	1	3
Приморский район и Пионерская-Forever!	1	0,4	1	0,1	0,3	0,3	1	1
Невский район	1	0,4	1	0,1	0,3	0,1	1	1
МО Академическое Калининский район СПб	1	0,4	1	0,1	0,4	0,3	1	1

В отношении членства в политических сообществах участники территориальных групп серьезно отличаются как от экологических, так и других протестных групп. Во-первых, доля членов территориальных групп, присоединившихся к политическим сообществам, серьезно меньше, чем доля членов протестных групп. И, во-вторых, мы не видим различия между долей членов, присоединившихся к сообществам парламентских партий, и долей членов, вступивших в сообщества непарламентской оппозиции или в националистическое сообщество.

Интерес к политике может также проявляться вступлением в сообщества новостных СМИ как традиционных (телевидения и радио), так и Интернет-СМИ. Таким образом, в своей новостной ленте тот или иной пользователь может видеть новости города, страны, мира. Для анализа интереса членов экологических групп к традиционным СМИ мы выбрали сообщества провластных СМИ («Новости Первого канала», НТВ), сообщества СМИ, имеющих репутацию либеральных (Дождь, «Эхо Москвы»), сообщество местного канала Санкт-Петербург, а также сообщество националистически-православного канала Царьград (Таблица 6).

Как видно, лишь меньшинство членов экологических групп являлись также членами сообществ традиционных СМИ. При этом существует серьезная разница в предпочтениях между различными СМИ. Мы видим, что члены анализируемых групп предпочитают вступать с одной стороны в сообщества «либеральных» СМИ (сообщество телеканала «Дождь» и сообщество радиостанции «Эхо Москвы»), а с другой стороны в сообщество телеканала «Санкт-Петербург», дающего местные новости. При этом крайне незначительная доля членов присоединилась как к сообществам провластных СМИ («Новости Первого канала» и НТВ), так и к сообществу православно-националистического канала «Царьград».

Сходную ситуацию мы и видим и в отношении членов других протестных групп. И в этом случае существенно больше членов групп состоят в сообществах телеканала «Дождь», радиостанции «Эхо Москвы» и телеканала «Санкт-Петербург», чем в сообществах «Новости Первого канала», телеканала НТВ и телеканала «Царьград». В тоже время доля членов иных протестных городских групп, состоящих в сообществах телеканала «Дождь», радиостанции «Эхо Москвы» и телеканала «Санкт-Петербург», несколько выше, чем доля членов экологических групп, состоящих в этих сообществах.

Таблица 6

Члены групп, состоящие в сообществах традиционных СМИ (%)

Количество членов сообществ (N)	Новости Первого канала	НТВ	Санкт-Петербург	Дождь	Эхо Москвы	Царьград
Экологические группы						
За возрождение Полежаевского парка	3	4	11	17	12	1
ДА БУДЕТ СКВЕР! Квартал «Новый Лиговский»	1	3	8	7	5	1
За сохранение сквера на Савушкина 112 #sav112	2	3	10	11	4	0,2
Серебка ПРОТИВ!!	1	1	5	9	4	0,2
Спасем Лопухинский сад!	1	2	7	13	5	0,4
Сохраним наш парк 300-летия СПб!!	3	2	9	10	4	1
Коломяти против промзоны	2	2	5	6	2	0,4
Спасем «Александррино»!	3	3	8	12	6	1
Трасса .. под окнами (Хасанская улица)	1	2	4	4	2	0,1
Центральный район за комфортную среду обитания	2	3	12	10	5	1
Мы против вони в Приморском районе	2	1	4	5	2	0,1
В защиту парка Малиновка	2	2	3	6	2	0,4
Градозащитные группы, группы в защиту науки, образования и культуры						
В поддержку Европейского университета	-	1	5	19	5	-
Спасти Публичную библиотеку!	3	3	10	16	11	1
Защитим Чесменский дворец	2	3	8	8	6	2
Группа ЭРА	2	3	14	16	9	2
КОНЮШЕННЫЙ ДВОР	1	2	11	15	6	2

Окончание табл. 6

	Новости Первого канала	НТВ	Санкт- Петербург	Дождь	Эхо Москвы	Царьград
Градозащитный Петербург	3	3	17	14	8	2
Комитет защиты Петербурга	3	4	14	18	13	3
За сохранение исторического наследия Питера	1	2	6	7	3	1
Синяя лента — символ небесной линии Петербурга	1	2	7	12	5	1
Живой город	1	2	7	9	4	1
СКАЖЕМ НЕТ ГАЗПРОМ—СИТИ /Лахта-центр/	1	1	3	7	3	0,4
Защитим Исаакьевский собор	2	2	6	15	9	1
Городские группы						
Центральный район СПб	2	1	3	1	0,4	-
Подслушано метро Московская СПб	2	2	1	1	1	-
Для жителей МО Балканский	3	2	7	2	1	0,2
Красносельский район и Ветеранов	2	2	4	2	0,4	-
Наша Петроградка	1	2	3	3	1	0,1
Подслушано Площадь Восстания	1	1	0,4	1	1	-
Адмиралтейский Online	0,3	0,1	-	0,2	0,04	-
Наш Фрунзенский район	2	2	6	3	1	0,4
Наше Купчино	1	1	3	2	1	0,2
Приморский район и Пионерская-Forever!	2	2	3	3	1	0,2
Невский район	3	2	6	2	1	0,2
МО Академическое Калининский район СПб	2	2	3	3	1	0,3

Если же говорить о территориальных городских группах, то мы видим, что доля их членов, состоящих в сообществах традиционных СМИ, крайне незначительна. При этом не существует разницы между долей членов, состоящих в провластных СМИ, в либеральных СМИ и в сообществе националистически- православного телеканала.

Наравне с традиционными СМИ в наше время все большее влияние на политическую повестку дня оказывают Интернет-СМИ. Тем более они должны иметь значение для пользователей социальных медиа, которые, как представляется, более чем другие категории населения регулярно пользуются Интернет-ресурсами. Для анализа интереса членов экологических к Интернет-СМИ мы выбрали, как и в случае с традиционными СМИ, Интернет-СМИ различные по политической ориентации: сообщества оппозиционных сайта «Медуза» и youtube-канала «Навальный Live», сообщества провластных сайтов «Лента.ру» и «Газета.ру», наиболее популярный ресурс Санкт-Петербурга — «Фонтанка.ру» (помещающий не только материалы, относящиеся к городу). Кроме того была взята сообщество youtube-канала «ВДУТЬ». Этот канал, хотя и не являющийся политическим, в последнее время получил широкий резонанс не в последнюю очередь благодаря политическим интервью (Таблица 7).

В отношении присоединения к сообществам Интернет — СМИ членов городских экологических групп мы видим картину похожую на интерес последних к сообществам традиционных СМИ. Так же как и в случае традиционных СМИ лишь меньшинство членов групп являлось членами сообществ Интернет-СМИ. И так же анализ показал существенную разницу между долей членов, присоединившихся с одной стороны к сообществу оппозиционного СМИ («Медуза») и петербургского («Фонтанка»), а другой стороны к сообществам провластных СМИ («Лента.ру» и «Газета.ру»). Причем мы видим схожий процент членов экологических групп, интересующихся оппозиционным традиционным СМИ (телеканал «Дождь») и оппозиционным Интернет-СМИ («Медуза»). Схожую долю членов этих групп мы и видим в отношении группы «Новости Первого канала» и НТВ с одной стороны, и групп «Лента.ру» и «Газета.ру» с другой. В тоже время исследование показало, что доля членов групп, присоединившихся к сообществу «Фонтанка», была существенно выше не только доли членов, присоединившихся к другим сообществам Интернет-СМИ, но и к сообществам традиционных СМИ, включая сообщество местного телеканала «Санкт-Петербург». При этом мы видим крайне незначительную долю

Члены групп, состоящие в сообществах Интернет–СМИ (%)

Количество членов сообществ (N)	Фонганка	Медуза	Лента.ру	Газета.ру	Навальный Live	вДудь
	175349	466312	449403	131194	14834	390832
Экологические группы						
За возрождение Полежаевского парка	23	18	3	6	3	5
ДА БУДЕТ СКВЕР! Квартал «Новый Литовский»	16	7	2	3	1	1
За сохранение сквера на Савушкина 112 #sav112	18	10	1	3	0,2	2
Серебка ПРОТИВ!!	17	8	1	1	1	1
Спасем Лопухинский сад!	15	9	2	3	1	2
Сохраним наш парк 300-летия СПб!!	22	11	2	3	1	1
Коломаги против промзоны	15	4	1	2	0,1	1
Спасем «Александрино!»	21	11	3	4	1	2
Трасса ... под окнами (Хасанская улица)	15	4	1	2	0,4	1
Центральный район за комфортную среду обитания	22	12	3	3	1	3
Мы против вони в Приморском районе	12	4	1	1	0,1	1
В Защите парка Малиновка	13	5	2	2	0,3	1
Градозащитные группы, группы в защиту науки, образования и культуры						
В поддержку Европейского университета	16	34	4	2	1	5
Спаси Публичную библиотеку!	24	16	7	8	2	3
Защитим Чесменский дворец	18	10	2	4	1	3
Группа ЭРА	29	17	3	6	0,2	2

КОНЮШЕННЫЙ ДВОР	22	12	2	5	0,2	2
Градозащитный Петербург	30	20	5	5	1	3
Комитет защиты Петербурга	29	20	5	6	3	3
За сохранение исторического наследия Питера	11	4	1	3	0,4	1
Синяя лента — символ небесной линии Петербурга	14	8	2	4	1	1
Живой город	14	8	2	3	0,3	1
СКАЖЕМ НЕТ ГАЗПРОМ—СИТИ / Лахта-центр/	8	5	1	2	0,4	1
Защитим Исаакиевский собор	17	15	3	4	2	2
Городские группы						
Центральный район СПб	5	2	1	1	0,4	0,4
Подслушано метро Московская СПб	3	1	0,3	1	-	-
Для жителей МО Балканский	17	3	1	2	-	1
Красносельский район и Ветеранов	8	1	1	1	0,1	1
Наша Петроградка	10	1	1	1	-	1
Подслушано Площадь Восстания	1	1	2	0,4	-	0,4
Адмиралтейский Online	0,4	0,04	0,3	0,1	-	-
Наш Фрунзенский район	10	2	1	1	-	1
Наше Купчино	8	1	1	1	0,1	0,4
Приморский район и Пионерская-Forever!	10	2	1	1	0,1	1
Невский район	10	1	1	1	0,1	1
МО Академическое Калининский район СПб	8	2	1	1	0,1	1

членов, вступивших в сообщества «Навальный Live» и «ВДудь». Возможно, это объясняется, тем что члены, интересующиеся этими популярными youtube каналами, подписываются прямо на них, минуя группы «ВКонтакте».

Похожую картину мы видим, обратившись к членам других протестных городских групп. Здесь также лишь меньшинство членов вступало в сообщества Интернет СМИ. И также существенно больше членов присоединилось к сообществу оппозиционной «Медузе» по сравнению с провластными «Лента.ру» и «Газета.ру». Надо отметить, что доля членов других протестных групп, присоединившихся к сообществу «Медузы», была несколько выше, чем доля членов экологических групп, присоединившихся к этому сообществу. Говоря о группах «Навальный Live» и «ВДУТЬ», мы видим, как и в случае с членами экологических групп, крайне небольшой процент участников, заинтересовавшихся ими. И так же, как и в случае с членами экологических групп, мы видим существенно выше долю членов протестных групп, присоединившихся к сообществу «Фонтанка», по сравнению с долей членов, присоединившихся к другим сообществами СМИ (как Интернет-СМИ, так и традиционных СМИ).

Если говорить о членах территориальных групп, то анализ не показал существенной разницы между их интересом к оппозиционным и провластным Интернет-СМИ. И в том и в другом случае мы видим крайне незначительный процент членов, вступивших в одно из этих сообществ. Однако мы видим и в случае территориальных групп, что доля членов, присоединившихся к сообществу «Фонтанки», существенно превосходит долю членов, присоединившихся к сообществу какого-либо другого СМИ.

Выводы

В исследовании, посвященном виртуальным группам, созданных в «ВКонтакте» в связи с локальными экологическими конфликтами в Петербурге, мы анализировали цифровое участие их членов, а также пытались выявить их интерес к экологической проблематике и политической повестке. Как цифровое участие, так и интересы членов городских экологических групп сравнивались, с одной стороны, с членами других протестных городских виртуальных групп, а с другой стороны, — с членами виртуальных городских территориальных групп.

Исследование показало слабое цифровое участие членов виртуальных экологических групп. Основная часть членов групп оставалась пассивной. Тоже можно сказать и о большинстве других групп, созданных в связи с иными, не экологическими конфликтами в городе. В то же время мы видим существенное отличие «протестных групп» от территориальных в отношении таких форм участия как дискуссии и распространение информации. Анализ показал, что в этих формах участие членов протестных групп было существенно сильнее, чем коммуникативная активность членов территориальных виртуальных групп.

Наше предположение, что существенная доля членов экологических групп интересовалась экологическими проблемами, выходящими за рамки локального экологического конфликта, не подтвердилось. Более того, мы не нашли различий в отношении интереса к экологическим проблемам между членами экологических и иных протестных виртуальных групп. Не было найдено и существенных отличий между членами двух типов протестных групп и в отношении к политической повестки. В отношении интереса к политической повестке, было установлено, что лишь меньшинство членов «протестных» групп проявляли к ней интерес. При этом во всех случаях мы видим больший интерес к оппозиционным непарламентским политическим сообществам и к оппозиционным СМИ. В то же время исследование показало существенное различие в интересах членов «протестных» и территориальных виртуальных городских групп. В последнем случае обнаружился минимальный интерес как к экологической, так и политической повестке. В случае территориальных групп анализ не выявил различий в интересах к политическим сообществам и сообществам СМИ различной политической направленности.

В целом исследование показало сходство членов различных протестных групп Петербурга как в цифровом участии, так и в интересе к экологической и политической повестке. На этом основании можно предположить сходство их позиций в общественно-политической жизни города и страны.

Источники

Ваньке А. В., Ксенофонтова И. В., Тартаковская И. Н. Интернет-коммуникации как средство и условие политической мобилизации в России (на примере движения «За честные выборы») // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. № 7. С. 44–73.

- Ксенофонтова И. В. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3. С. 114–116.
- Радченко Д. А., Писаревская Д. Б., Ксенофонтова И. В. Логика виртуального протеста: Интернет после выборов // «Мы не немцы!»: Антропология протеста в России 2011–2012 годов / Составители Александра Архипова Михаил Алексеевский. Тарту: Научное издательство ЭЛМ, 2014. С. 17–44.
- Рыков Ю. Г. Виртуальное сообщество как социальное поле: неравенство и коммуникативный капитал // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4. С. 44–60..
- Рыков Ю. Г., Нагорный О. С. Область интернет-исследований в социальных науках // Социологическое обозрение. 2017. № 3. С. 366–394.
- Цепилова О. Д. Общественные движения в районе экологического бедствия: история возникновения, развитие, социальные последствия (на примере г. Кириши) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 1. С. 61–90.
- Faris D. M., Rahimi B. *Social Media in Iran: Politics and Society after 2009*. N.Y.: SUNY Press, 2015.
- Johnson T. J., Perlmutter D. D. *New Media, Campaigning and the 2008 Facebook Election*. L.: Routledge, 2013.
- Jost J. T., Barber P., Melanie L. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks // *Advances in Political Psychology*. 2018. Vol. 39. Suppl. 1, P. 85–118.
- Mosconi G., Korn M., Reuter C., Tolmie P., Teli M., Pipek V. From Facebook to the Neighbourhood: Infrastructuring of Hybrid Community Engagement // *Computer Supported Cooperative Work*. 2017. Vol. 26. Iss. 4–6. P. 959–1003
- Philip N. H., Muzammil M. H. *Democracy's Fourth Wave?: Digital Media and the Arab Spring*. Oxford: University Press, 2013.
- Quan-Haase A., Luke S. Introduction to the Handbook of Social Media Research Methods: Goals, Challenges and Innovations // *The SAGE Handbook of Social Media Research Methods*. L.: SAGE Publications Ltd, 2017. P. 1–10.
- Theocharis Y. Is Digitally Networked Participation a Form of Political Participation? // *Citizenship and Democracy in an Era of Crisis: Essays in honour of Jan W. van Deth* / ed. Thomas Poguntke, Sigrid Rossteutscher, Rudiger Schmitt-Beck, Sonja Zmerli. — N.Y.: Routledge, 2015. P. 189–205.
- Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // *Social Media + Society*. 2015. July-December. P. 1–14.

References

- Faris D. M., Rahimi B. (2015) *Social Media in Iran: Politics and Society after 2009*. N.Y.: SUNY Press.
- Johnson T. J., Perlmutter D. D. (2013) *New Media, Campaigning and the 2008 Facebook Election*. L.: Routledge.

- Jost J. T., Barber P., Melanie L. (2018) How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks // *Advances in Political Psychology*. 2018. Vol. 39. Suppl. 1: 85–118.
- Ksenofontova I. V. (2012) The role of the Internet in the development of protest movement. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i socialnye peremeny [The Monitoring of Public Opinion: economic & social changes]*. No 3: 114–116. (In Russ.)
- Mosconi G., Korn M., Reuter C., Tolmie P., Teli M., Pipek V. (2017) From Facebook to the Neighbourhood: Infrastructuring of Hybrid Community Engagement // *Computer Supported Cooperative Work*. 2017. Vol. 26. Iss. 4–6: 959–1003.
- Philip N. H., Muzammil M. H. (2013) *Democracy's Fourth Wave?: Digital Media and the Arab Spring*. Oxford: University Press.
- Quan-Haase A., Luke S. (2017) Introduction to the Handbook of Social Media Research Methods: Goals, Challenges and Innovations In: *The SAGE Handbook of Social Media Research Methods*. L.: SAGE Publications Ltd: 1–10.
- Radchenko D. A., Pisarevskaya D. B., Ksenofontova I. V. (2014) The Logic of Virtual Protests: The Internet after Elections In: *My ne nemy antropologiya protesta v Rossii 2011–2012 godov [“We are not dumb!” Anthropology of Protest in Russia, 2011–2012. (Comp. of A. Arkhipov M. Alekseevsky)]*. Tartu: Scientific publishing house ELM. 17–44. (In Russ.)
- Rykov Y. G. (2013) Virtual community as a social field: inequality and communicative capital. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*. № 4: 44–60.. (In Russ.)
- Rykov Y. G., Nagornyy O. S. (2017) The field of Internet research in the social sciences. *Sociologicheskoe Obozrenie [Sociological Review]*. № 3: 366–394. (In Russ.)
- Theocharis Y. Is Digitally Networked Participation a Form of Political Participation? (2015) In: *Citizenship and Democracy in an Era of Crisis: Essays in honour of Jan W. van Deth* / ed. Thomas Poguntke, Sigrid Rossteutscher, Rudiger Schmitt-Beck, Sonja Zmerli. — N.Y.: Routledge: 189–205.
- Theocharis Y. (2015) The Conceptualization of Digitally Networked Participation // *Social Media + Society*. July-December: 1–14.
- Tsepilova O. D. (2002) Social movements in the area of ecological disaster: the history of emergence, development, social consequences (based on the example of the city of Kirishi). *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]*. № 1: 61–90. (In Russ.)
- Vanke A. B., Ksenofontova I. B., Tartakovskaya I. N. (2014) Internet communication as a means and a condition of political mobilization in Russia: case of the “For Fair Elections”. *Interakciya. Intervyu. Interpretaciya [Interaction. Interview. Interpretation]*. No7: 44–73. (In Russ.)

И. В. РУСАКОВА

ПОКАЗАТЕЛИ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ПОЗИЦИЙ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

В статье анализируется роль неформальных институтов, к числу которых относится волонтерская и другая добровольческая деятельность, в жизни общества и, в частности, в инновационном развитии. Приводятся результаты исследований, показывающих, что действия людей, вовлеченных как в общественную деятельность, так и в инновационную, часто имеют одинаковую мотивацию. Выявлено сходство динамики ряда инновационных и социальных процессов. Изобретательская активность населения анализируется на основе группировки регионов по уровню социальной активности. Возможность существования взаимосвязи инновационной и социальной активности населения обосновывается с позиций системного подхода. В заключительной части статьи предлагается включать показатели социальной активности населения в региональную и муниципальную статистику.

Ключевые слова: инновационная деятельность, изобретательская активность, социальная активность, волонтерство, мотивация, регионы, солидаризм, общественные организации.

Введение

При исследовании закономерностей развития инновационных процессов плодотворным оказывается системный подход, рассмотрение общества, как социальной системы, исходя из наличия связей между ее элементами (Парсонс, 1993:94). В данной статье предлагается рассмотреть взаимосвязь характеристик социальной активности и инновационной деятельности как элементов социальной системы. Под проявлениями социальной активности населения в данном случае понимается участие в волонтерской деятельности, а также в общественных организациях. Основания для предположения о возможной взаимосвязи социальной активности и инновационных процессов следующие.

Инновационную деятельность во многом зависит от институциональной среды, которая представляет собой, по определению Н. Г. Устиновой «комплекс финансовых, правовых и социальных институтов, дающих толчок инновационным процессам и имеющих национальный характер (традиционные, культурные и политические особенности)» (Устинова 2015: 61). Автор процитированной работы отмечает, что ме-

ханизмы инновационной экономики не могут работать эффективно без определенного набора институтов, как формальных, так и неформальных, то есть традиций, обычаев, правил взаимодействия экономических субъектов и пр. Институты, в свою очередь, формируются через социальные связи, и, если рассматривать проявления социальной активности как неформальный институт, можно предположить и его участие в создании благоприятной инновационной среды.

На роль социального взаимодействия во всех сферах жизни общества все чаще обращают внимание социологи, экономисты, философы (Г. В. Осипов, А. А. Давыдов, Е. А. Шинкаренко и др.). Влияние различных сфер общественной жизни на прогресс подчеркивается в работе Л. Н. Черноусовой: «Взаимно дополняя и черпая импульсы в развитии друг друга, сферы общественной жизни обеспечивают прогресс общества как целостной системы и определяют соответствующий уровень социального взаимодействия» (Черноусова 2012). Поскольку любое действие начинается с мотива, рассмотрим мотивацию общественной и инновационной деятельности.

Мотивация инновационной деятельности и социальной активности

В работах, посвященных формированию гражданского общества (Мерсиянова 2011; Мерсиянова 2013) и изучению факторов инновационной деятельности (Семенов 2012; Первакова 2014; Коваленко 2014; Коротаев 2015), отмечается сходство мотивов общественной и инновационной деятельности. А. В. Семенов среди свойств инновационной среды, определяющих уровень ее развития, называет открытость; самосозидание, самодотраивание; синергизм, признанные общесистемными. (Семенов 2012).

Исследование инновационного поведения, проведенное Е. Е. Перваковой на базе опроса слушателей программ МВА РАНХиГС, выявило в качестве одного из его главных факторов понимание смысла деятельности компании с точки зрения общественной пользы. В числе других факторов отмечены оптимизм, общность ценностей, взаимопомощь (Первакова 2014:49).

Обобщая выводы упомянутых авторов, можно сказать, что в исследованиях мотивов инновационной деятельности, как правило, подчеркивается, что материальные стимулы стоят не на первом месте. Человек, занимающийся изобретательством или другой инновационной деятельностью, может вообще не задумываться о мотивации.

В спектре социальной активности в последние годы все заметнее становится роль волонтерства. Благодаря возможностям социальных сетей волонтерские сообщества и отдельные добровольцы находят друг друга и дело по душе и по силам. О масштабах добровольной работы говорит ее признание на государственном уровне — нынешний, 2018 год, объявлен Годом волонтера¹. Стоит, однако, заметить, что есть опасность превращения хорошего начинания в его противоположность: например, может исказить саму идею волонтерства включение сведений об общественной работе в портфолио студентов и абитуриентов, предоставление преимуществ и дополнительных баллов при зачислении в учебное заведение на бюджетное место (Лепина 2015). Мотивация к общественной деятельности в этом случае будет совсем иной.

Для исследования мотивов общественной деятельности обратимся к исследованию НИУ ВШЭ, проведенному в регионах Российской Федерации в 2011 г., материалы которого позволяют проследить взаимосвязь мотивации с характером занятия и уровнем образования людей, занимающихся общественной деятельностью (Мерсиянова 2011; Мерсиянова, 2013). В исследовании выявлено повышение социальной активности, а также повышение чувства ответственности с ростом уровня образования. (Мерсиянова 2011: 69), (Мерсиянова 2013: 75). В различных социально-демографических группах чаще остальных чувствуют ответственность за происходящее в доме, во дворе россияне, работающие в сфере образования, науки (Мерсиянова 2013: 86). Выявлено также, что волонтерской деятельностью чаще всего занимаются люди с высшим образованием, а также предприниматели, бизнесмены и лица, занятые индивидуальной трудовой деятельностью (Мерсиянова 2011: 22). Поскольку род занятий предполагает наличие определенных личностных качеств и склонностей, которые, в свою очередь, играют роль в мотивации к той или иной деятельности, имеет смысл сопоставить результаты исследований, посвященных свойствам личности предпринимателей и инноваторов.

При сравнении выявленных личностных качеств предпринимателей (Сурикова 2011; Солдатов 2007) и лиц, склонных к инновационной деятельности (Никитин 2016; Магомедова 2014), обнаруживается ряд качеств, присущих и той и другой категории — активность, гибкость мышления и креативность. Не имея в виду, что инноваторы

¹ Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2017 г. № 583 «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера)» <http://kremlin.ru/acts/bank/42573>

и предприниматели — это одни и те же люди, заметим, что высокий процент в регионе лиц с выявленными личностными характеристиками, характерными для той и другой категории, дает основание полагать наличие в портрете среднего жителя региона склонность и к инновационной, и к предпринимательской, а значит, косвенно, и волонтерской деятельности.

В шкале жизненных ценностей лиц, участвующих в добровольческой работе, лидируют свобода, независимость, занятие любимым делом (Мерсиянова 2013: 89). Вовлеченность населения в добровольческую деятельность является, по мнению авторов исследования, одним из важных показателей уровня самоорганизации общества (Мерсиянова 2013: 64) Среди причин, мотивирующих занятие общественной работой, первые места по итогам опроса занимают возможность принести пользу людям и моральное удовлетворение. (Мерсиянова 2007: 27) Приведенные результаты подводят к заключению о сходстве мотиваций к инновационной и общественной деятельности.

Динамика социальной и инновационной активности

Основываясь на приведенных предпосылках возможной сопряженности инновационной и социальной активности, проведем сравнительный графический анализ динамики показателей изучаемых процессов. В качестве индикаторов социальной активности взяты данные Росстата о числе зарегистрированных общественных организаций на 1 тыс. чел. населения. Однако участие в общественных организациях нельзя считать вполне корректным показателем социальной активности. Принимая во внимание сходство мотиваций, здесь были бы полезны цифры, отражающие участие в добровольческой, волонтерской деятельности. К сожалению, в официальной статистике лишь в 2016 году появился раздел «Участие населения в деятельности общественных, добровольных и благотворительных организаций (движений)», содержащий процент населения РФ, участвующего в деятельности общественных, добровольных и благотворительных организаций, с распределением по виду деятельности организации (общественные организации, движения, советы и пр.) возрасту (трудоспособное население, в том числе молодежь до 29 лет, и население старше трудоспособного возраста) и типу местности проживания (городское и сельское население). Количественных показателей в абсолютном выражении найти не удалось.

Наиболее объективным показателем инновационной деятельности является число разработанных передовых технологий и патентов, выданных российским заявителям. Эти данные публикуются Росстатом (Федеральная... 2017) и имеют сравнительно небольшое количественное выражение — примерно нескольких десятков за год на регион/ субъект РФ. Сведения о патентах поступают из Роспатента, так что представленным цифрам можно доверять. Используя нормировку абсолютных показателей на численность населения, построим графики (рис.1–2). Как видим, показатели зарегистрированных в течение года общественных организаций и выданных патентов имеют сходную динамику.

Параллельные ряды данных Росстата о числе патентов, выданных российским заявителям, и зарегистрированных в течение года общественных организаций, свидетельствуют в пользу гипотезы о сопряженности процессов общественной и инновационной деятельности (рис.3).

Относительное число разработанных принципиально новых передовых технологий имеет устойчивый восходящий тренд (рис.4).

Если же обратиться к динамике общего числа зарегистрированных общественных организаций на 1 тыс. чел. населения Российской Федерации (рис.5), то выделяются два периода с различными трендами: убывающим — до 2010 г., и растущим — с 2010 г. по настоящее время (рис.5). Действительно ли снижение социальной активности сменилось ростом, или дело в изменении методологии — вопрос, требующий дополнительного исследования.

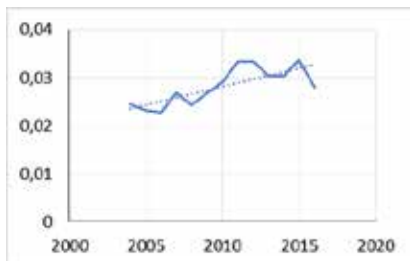

Рис. 1. Динамика числа зарегистрированных в течение года общественных организаций, на 1 тыс. чел. населения
Источник данных: Росстат (Федеральная... 2018)

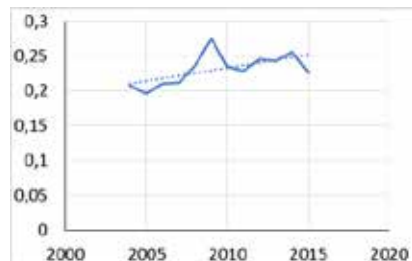

Рис. 2. Динамика числа патентов, выданных российским заявителям, на 1 тыс. чел. населения
Источник данных: Росстат (Федеральная... 2018)

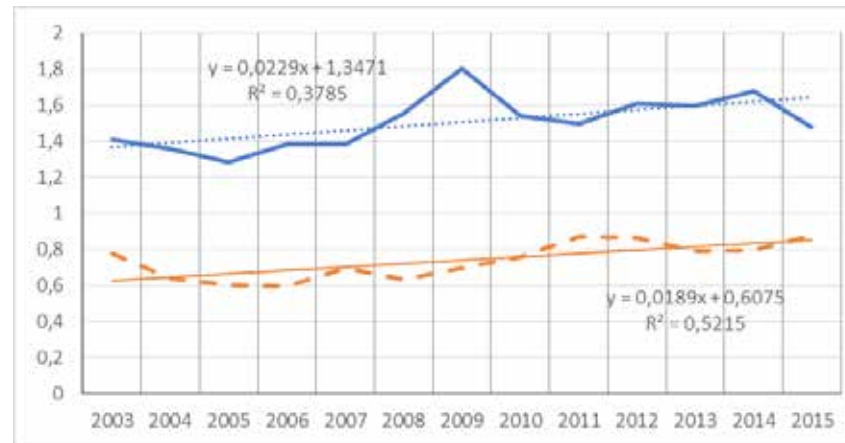

Рис. 3. Динамика темпов роста числа патентов, выданных российским заявителям, и числа зарегистрированных в течение года общественных организаций, на 1 тыс. чел. населения
Рассчитано по данным Росстата (Федеральная... 2018)

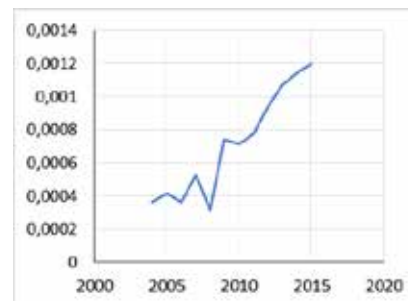

Рис. 4. Динамика числа разработанных принципиально новых технологий, на 1 тыс. чел. населения Российской Федерации
Источник данных: Росстат (Федеральная... 2018)

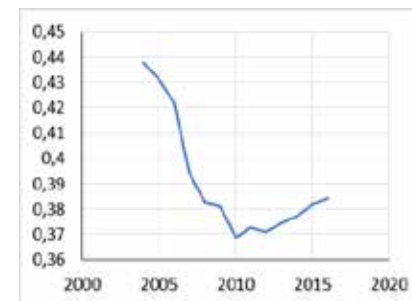

Рис. 5. Динамика общего числа зарегистрированных общественных организаций, на 1 тыс. чел. населения
Источник данных: Росстат (Федеральная... 2018)

В качестве характеристики инновационной деятельности особый интерес представляет коэффициент изобретательской активности, динамика которого за период 2010–2016 гг. по регионам России представлена на сайте Росстата (Федеральная служба... 2018). Этот коэффициент рассчитывается как число заявок на получение патентов российскими заявителями на 10 тыс. чел. населения. Несмотря на то, что динамика этого показателя в масштабах страны за указанный период не имеет явно выраженной направленности (рис. 6), в ряде регионов формирование тенденций весьма заметно (табл. 1).

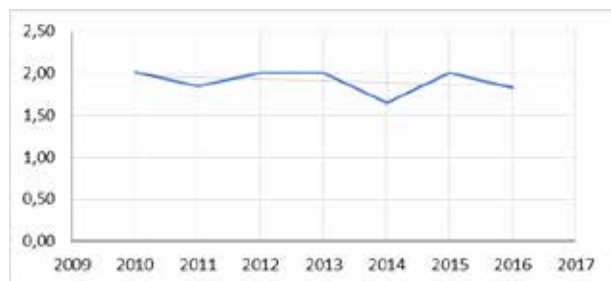

Рис. 6. Динамика числа заявок на изобретения, на 10 тыс. чел. населения РФ
Источник данных: Росстат (Коэффициент..2018)

Таблица 1

**Динамика коэффициента изобретательской активности населения
в ряде регионов Российской Федерации в период 2010–2016 г.**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация	2,01	1,85	2,00	2,00	1,65	2,00	1,83
Курская область	1,92	1,88	1,80	2,36	2,18	2,08	3,04
Московская область	1,87	1,90	3,45	2,76	2,18	2,05	3,09
Орловская область	2,04	2,05	1,30	1,68	1,15	0,66	0,86
Смоленская область	0,83	0,68	0,70	0,60	0,61	0,61	0,40
Ленинградская область	1,37	1,31	1,07	0,58	0,54	0,43	0,49
Республика Дагестан	4,87	2,40	3,72	4,01	0,95	0,34	0,63
Ульяновская область	2,63	2,48	2,36	2,00	1,54	2,00	1,61
Республика Алтай	–	0,05	0,05	0,05	0,33	–	0,41
Еврейская АО	0,11	–	0,06	0,35	0,77	1,20	1,64

Источник: (Коэффициент..2018)

В таблицу 1 включены регионы с наиболее выраженной направленностью динамики изобретательской активности. В Ленинградской области, например, этот показатель за шесть лет снизился с 1,37 до 0,49; в Республике Дагестан — с 4,87 до 0,63, то есть в 8 раз. В Еврейской АО показатель имеет выраженный рост (с 0,11 до 1,64), но процесс происходит неравномерно, а данные за 2011 г. и вовсе отсутствуют. Если обратиться к источнику данных (Коэффициент.. 2018), можно увидеть, что неравномерность характерна для большинства регионов — рост и снижение показателя чередуются, определяя картину в целом по стране (см. рис.6). Однако этот показатель хорош тем, что, во-первых, он объективен, так как получен по данным Роспатента, и, во-вторых, тем, что он отражает именно инновационную активность, а не только успешность, как рассмотренное ранее число выданных патентов. По этим причинам, наряду с числом выданных патентов в качестве показателя инновационной активности будем рассматривать также число поданных заявок на 10 тыс чел. населения..

Анализ социальной и инновационной активности регионов РФ

Рассмотрим взаимосвязь показателей социальной и инновационной активности на материалах вышеупомянутого исследования НИУ ВШЭ 2011 года по регионам России (Мерсиянова 2013). В этом исследовании по результатам опросов были выделены четыре группы регионов в соответствии с процентом жителей, которым приходилось заниматься в последние 2–3 года добровольческой деятельностью. Обозначим их условно как группа 1 — с низкой общественной активностью, группа 2 — средне-низкой, группа 3 — средне-высокой и группа 4- с высокой общественной активностью. Взяв за основу данную группировку, попробуем измерить в выделенных группах изобретательскую активность, рассчитав средневзвешенные по численности населения показатели: коэффициент изобретательской активности (КИА) и коэффициент, характеризующий успешность изобретательской деятельности, представляющий собой число патентов, выданных российским заявителям, на 1 тыс. чел населения (КВП).

Результаты расчетов, представленные в таблицах 2 и 3, показывают, что среднее значение КИА в 2010 г. росло по группам регионов — с первой по четвертую группу, то есть с возрастанием социальной активности росла и изобретательская активность. При этом в четвертой группе среднее значение КИА лишь незначительно выше среднего

Таблица 2

Динамика среднего значения КИА, 2010–2016 гг.

Группа	Процент жителей, занимавшихся в последние 2–3 года добровольческой деятельностью	Число субъектов РФ	Средневзвешенное значение КИА			Максимальное значение КИА		
			2010	2011	2016	2010	2011	2016
1	19 и менее	20	1,10	1,07	1,10	3,53	4,09	3,25
2	20–23	20	1,24	1,28	1,06	2,36	3,17	2,44
3	24–32	22	1,54	1,60	1,64	6,21	6,85	4,48
4	33 и более	16	1,55	1,13	0,87	4,87	2,40	3,04

Составлено по: (Козэффициент... 2018); (Мерсиянова 2013).

Таблица 3

Динамика среднего значения КВП, 2010–2016 гг.

Группа	Процент жителей, занимавшихся в последние 2–3 года добровольческой деятельностью	Число субъектов РФ	Средневзвешенное значение КВП			Средневзвешенное значение КВП		
			2010	2011	2016	2010	2011	2016
1	19 и менее	20	0,89	0,76	0,78	1,89	2,84	2,65
2	20–23	20	0,98	0,95	0,84	1,63	2,11	2,36
3	24–32	22	1,20	1,07	1,03	4,29	4,77	2,32
4	33 и более	16	0,68	0,51	0,55	2,23	1,53	1,72

Составлено по: (Федеральная служба... 2018); (Мерсиянова 2013).

значения КИА в третьей группе; в 2011 г. в четвертой группе среднее значение КИА падает; к 2016 г. тенденция роста среднего значения КИА от первой группы к четвертой не сохраняется, к тому же неизвестно, каким образом были бы сгруппированы регионы по уровню общественной активности в 2016 г. Показатели КИА 2010–2011 гг. в третьей и четвертой группах в целом выше. Что касается показателя

КВП, характеризующего результативность поданных заявок, то тенденция роста его среднего значения от первой группы к третьей и падение в четвертой сохраняется и в 2011, и в 2016 году.

Принадлежность региона к одной из групп выбранной классификации, если даже и имеет значение для изобретательской активности его населения, не является определяющим ее фактором. Осуществление инновационной деятельности предполагает наличие благоприятной среды, и поэтому имеет смысл дополнить проводимый анализ изобретательской активности регионов данными об условиях инновационной деятельности в выбранных группах.

Обратимся снова к исследованиям НИУ ВШЭ, теперь уже в области инновационной деятельности. Для комплексной оценки факторов инновационной деятельности регионов исследователями НИУ ВШЭ был разработан индекс социально-экономических условий инновационной деятельности, включающий такие показатели как, например, уровень образования населения, публикационную активность, интенсивность затрат на технологические инновации и др. (Рейтинг инновационного развития... 2012: 25). В соответствии со значением этого индекса регионы также были разделены на четыре группы (обозначенные римскими цифрами I–IV). В упомянутом исследовании агрегированы данные за 2010 год, что позволяет оценить качество социально-экономических условий инновационной деятельности в группах регионов из табл. 2 и 3, то есть ранее образованных по проценту участия в добровольческой деятельности. В качестве критерия качества условий возьмем процент регионов из групп 1–4, имеющих самые высокие (вошедшие в группу II) и самые низкие (вошедшие в группу IV) значения индекса социально-экономических условий инновационной деятельности (ИСЭУ). Средние результаты (группа III) в таблице не учитываем. Не учитываем также группу I, в которую вошли только Москва и Санкт-Петербург. Результаты, представленные в таблице 4, показывают, что наилучшие условия инновационной деятельности в третьей группе, наихудшие — в четвертой. Это может служить вероятным объяснением падения изобретательской активности в четвертой, наиболее общественно активной группе, однако не объясняет низкое значение среднего КИА в первой группе, где весьма высокий процент регионов с хорошими условиями для инновационной деятельности.

Сопоставляя результаты, представленные в таблице 4, с результатами, представленными в таблицах 2 и 3, можно допустить, что при равных социально-экономических условиях инновационной деятельности

Таблица 4

Процент регионов Российской Федерации с наиболее высокими и низкими значениями индекса социально-экономических условий инновационной деятельности (ИСЭУ), 2010 г.

Группа	Процент жителей, занимавшихся в последние 2–3 года добровольческой деятельностью	Число субъектов РФ	Процент регионов с наиболее высокими значениями ИСЭУ	Процент регионов с наиболее низкими значениями ИСЭУ
1	19 и менее	20	45	25
2	20–23	20	25	5
3	24–32	22	64	18
4	33 и более	16	13	19

Составлено по (Рейтинг инновационного развития... 2012: 25); (Мерсиянова 2013).

в регионах показатели изобретательской активности росли бы с ростом социальной активности. Вторая гипотеза — наибольшая социальная активность проявляется в регионах с низким значением ИСЭУ, то есть с плохими условиями для инновационной деятельности.

Графический анализ показателей социальной и изобретательской активности за 2017 г. по данным субъектов РФ

Интересно проследить возможную взаимосвязь социальной и изобретательской активности за 2010–2011 гг. по данным субъектов РФ. Однако на сайте Росстата сведения о числе общественных объединений и организаций в регионах за этот период отсутствуют. На сайте Министерства юстиции РФ (О деятельности.. 2018) сведения о зарегистрированных в регионах общественных организациях регулярно обновляются, и, таким образом, имеется возможность проанализировать актуальные данные. Приняв допущение, что число общественных организаций в регионах не имело резких изменений в течение года, получим следующее поле корреляции КИА и числа общественных организаций на 10 тыс. чел., как показателя социальной активности (рис. 6).

Расположение точек показывает наличие двух групп субъектов — с восходящей и нисходящей направленностью. Наблюдается картина, похожая на ту, что мы получили, анализируя средние значения КИА

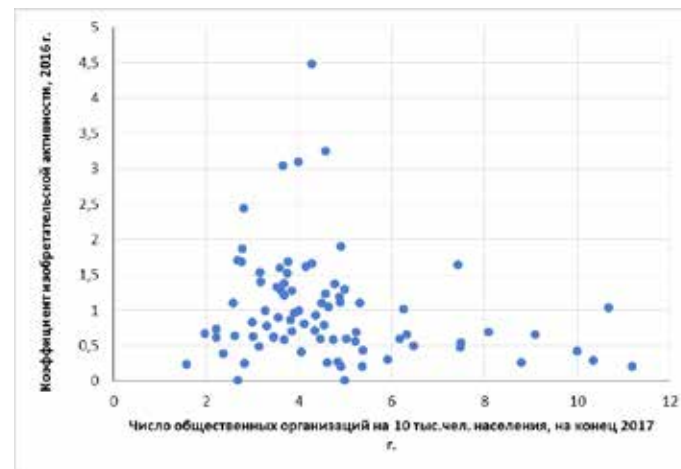

Рис. 6. Поле корреляции числа общественных организаций на 10 тыс. чел. населения и коэффициента изобретательской активности.

Источники данных: (О деятельности.. 2018; Коэффициент.. 2018)

в 2010–2011 гг.: до определенного значения показателя социальной активности с его ростом растет и изобретательская активность, а затем, при высокой социальной активности изобретательская активность снижается (см. табл.2, 3).

Визуально приняв критическое значение показателя социальной активности «число общественных организаций на 10 тыс. чел.» равным 4, выделим группы регионов, в которых наблюдаются отмеченные явления. (Приложение, табл.1). Как видно из рис. 7,8,9, восходящая часть распределения имеет слабо выраженную корреляцию, в то время как в нисходящей части значение R^2 свидетельствует о наличии средней интенсивности корреляции.

Поскольку регионы были сгруппированы лишь на основе визуальной оценки поля корреляции, определение их особенностей и причин, по которым они попали в данные группы, требует дополнительного исследования. Пока можно лишь сказать, что последняя группа регионов (с нисходящим трендом) — в основном аграрно-ориентированные.

Данные сайта Министерства юстиции (О деятельности.. 2018) позволяют также построить поля корреляции по видам общественных объединений: религиозным организациям (рис. 10), национально-культурным автономиям (рис. 11), казачьим сообществам (рис. 12),

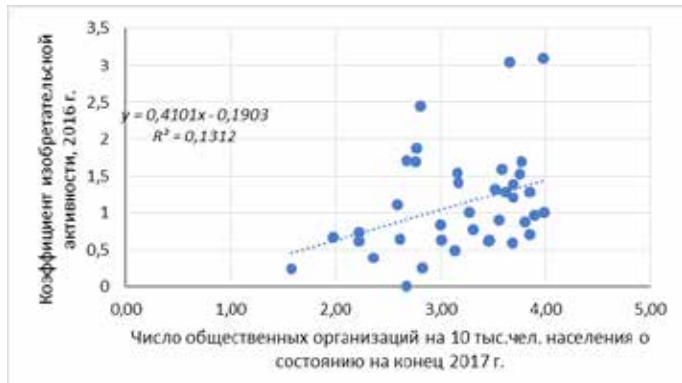

Рис. 7. Фрагмент поля корреляции числа общественных организаций на 10 тыс. чел. населения и коэффициента изобретательской активности.
Источники данных: (О деятельности.. 2018; Коэффициент.. 2018)

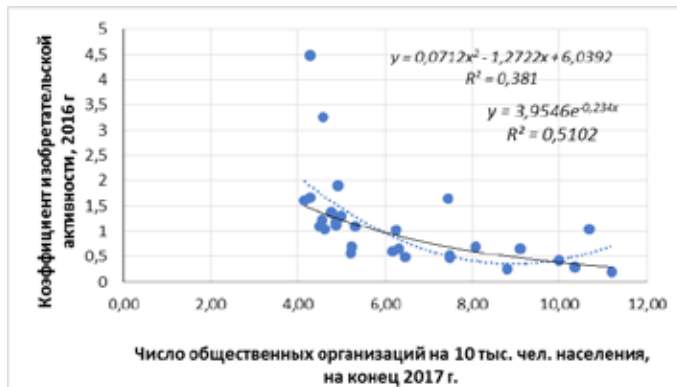

Рис. 8. Гиперболический и экспоненциальный тренды на поле корреляции числа общественных организаций на 10 тыс. чел. населения и коэффициента изобретательской активности.
Источники данных: (О деятельности.. 2018; Коэффициент.. 2018)

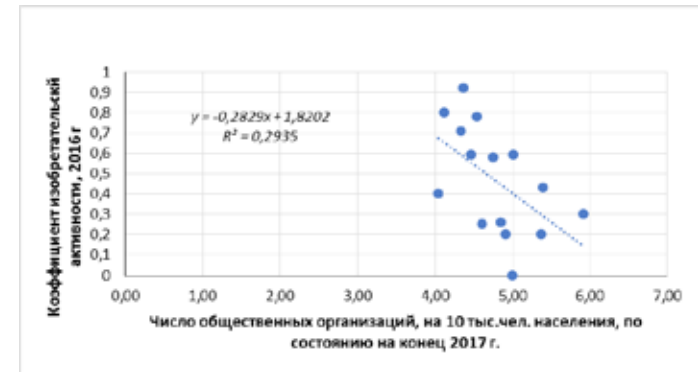

Рис. 9. Линейный тренд на поле корреляции числа общественных организаций на 10 тыс. чел. населения и коэффициента изобретательской активности.
Источники данных: (О деятельности.. 2018; Коэффициент.. 2018)

Рис. 10. Поле корреляции числа религиозных организаций на 10 тыс. чел. населения и коэффициента изобретательской активности.
Источники данных: (О деятельности.. 2018; Коэффициент.. 2018)

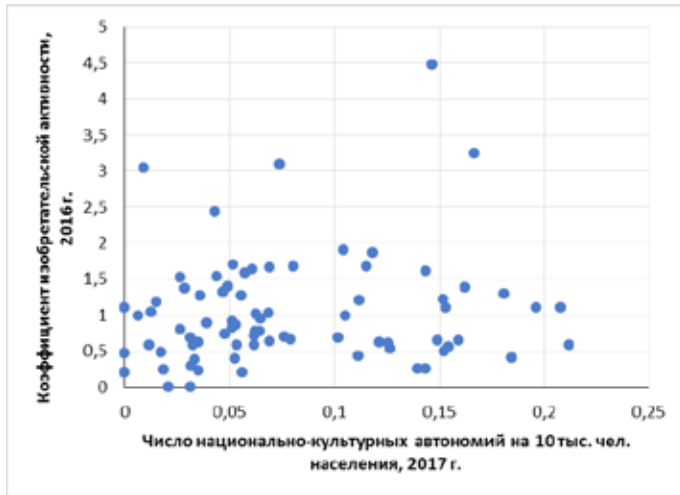

Рис. 11. Поле корреляции числа национально-культурных автономий на 10 тыс. чел. населения и коэффициента изобретательской активности.
Источники данных: (О деятельности.. 2018; Коэффициент.. 2018)

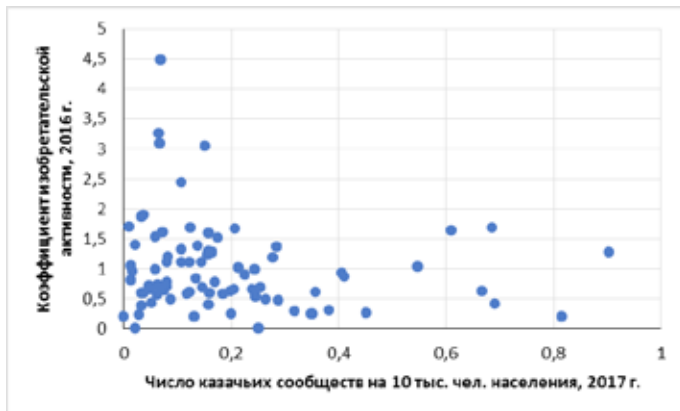

Рис. 12. Поле корреляции числа казачьих сообществ на 10 тыс. чел. населения и коэффициента изобретательской активности.
Источники данных: (О деятельности.. 2018; Коэффициент.. 2018)

профсоюзам (рис. 13), общественным движениям (рис. 14). Названные объединения характеризуются тем, что участие в них, как правило, безвозмездное.

Ни одно из построенных корреляционных полей не имеет определенной направленности, однако, при их сопоставлении фрагмент

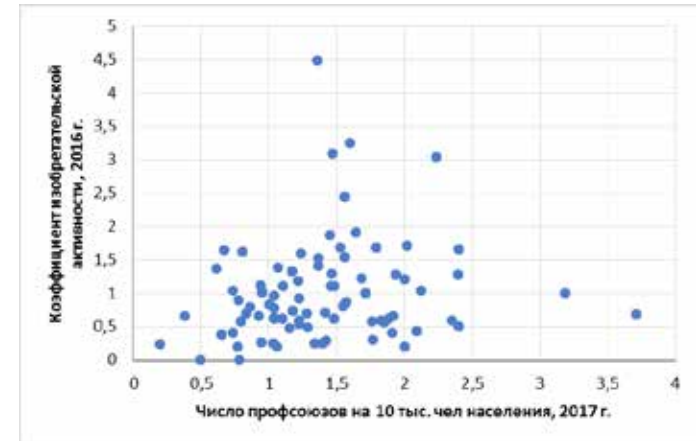

Рис. 13. Поле корреляции числа профсоюзов на 10 тыс. чел. населения и коэффициента изобретательской активности.
Источники данных: (О деятельности.. 2018; Коэффициент.. 2018)

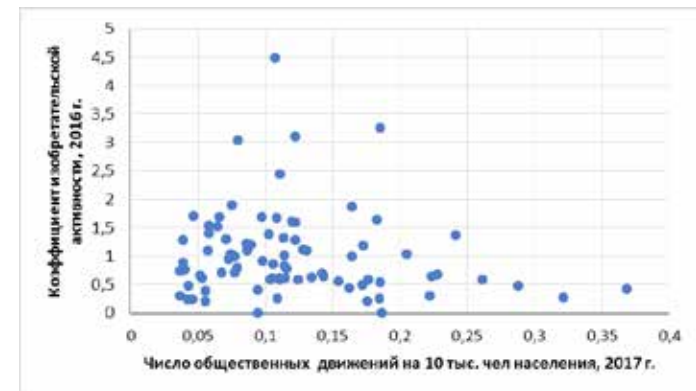

Рис. 14. Поле корреляции числа общественных движений на 10 тыс. чел. населения и коэффициента изобретательской активности, 2016 г.
Источники данных: (О деятельности. 2018; Коэффициент.. 2018)

восходящей и нисходящей направленности обнаруживается в той или иной степени почти в каждом поле. Особенно выразительно это явление наблюдается в распределении регионов по числу национально-культурных автономий. Поскольку, этот вид общественных объединений — фактически единственный из рассмотренных, которые создаются на одном лишь энтузиазме, с целью сохранения этнических традиций, количественные показатели национально-культурных автономий могут оказаться полезными в качестве характеристик социальной активности региона.

Наличие в полях корреляции фрагментов восходящей и нисходящей направленности в комплексе с анализом средних значений КИА и КВП за 2010–2011 гг. позволяет предположить, что некоторого уровня социальной активности регион как система имеет положительную связь социальной активности с изобретательской. По достижении определенного уровня изобретательской активности связь меняется на отрицательную. При этом чем выше уровень изобретательской активности, тем больше крутизна нисходящего тренда. Отметим, что сказанное — лишь предположение, доказательство, либо опровержение которого требуют дополнительных данных и отдельного исследования.

Заключение

В последние годы в научных работах все чаще встречается понятие солидаризма как «системы идей, взглядов и технологий, актуальных при моделировании стратегий социального развития» (Тулузакова 2014: 30). В работе М. В. Тулузаковой, посвященной стратегии формирования солидарного общества, говорится о том, что «..солидаризм способен стать эффективной идеологией инновационной модернизации в современной России. Но это возможно только в том случае, если истинная солидарность будет базироваться не на отдельно взятой способности к сопереживанию, а на потребностях целостной коллективной человеческой деятельности, определенным образом организованной и мотивированной. В частности — из потребности в совместном сотрудничестве, организационно требующем взаимопомощи» (Тулузакова 2014: 30).

Солидарность, таким образом, рассматривается как фактор развития общества, в том числе, инновационного. Если солидарное общество активно как система, то активность проявляется во всех сферах, и это относится и к обществу в целом, и к отдельным его частям — подсистемам. Рассмотренные в статье проявления солидарности в виде

показателей социальной активности регионов и попытка проследить их взаимосвязь с активностью инновационной могут послужить материалом для дальнейших исследований.

Хотелось бы заметить, что такой показатель, как число участников добровольных объединений, а в особенности волонтерских сообществ, имеет право на место в паспорте муниципального образования, формируемом Росстатом, и в системе показателей региональной статистики — для административных районов, субъектов и федеральных округов РФ.

Полученные результаты и выводы о роли солидаризма в жизни общества, основанные на системном подходе, дают основания для введения характеристик социальной активности населения в круг показателей, сопрягающихся с инновационным развитием.

Источники

- Коваленко А. А. Исследование мотивации инновационной деятельности // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 47. Декабрь 2014 г. С. 54–79 <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-motivatsii-innovatsionnoy-deyatelnosti> (дата обращения 15.05.2018)
- Кортаев С. А. Креативность и ее факторы: проблемы концептуализации в исследованиях // Социологический журнал. 2015. 8 Том. 21. № 2. С. 6–30
- Коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России, в расчете на 10 тыс. чел. населения) // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. 2018. gks.ru/free_doc/new_site/effect/patent_14.xls (Дата обращения 12.04.2018)
- Лепина М. Волонтерство как социальный лифт // Милосердие.ru. 07.12.2015 <https://www.miloserdie.ru/article/volonterstvo-kak-sotsialnyj-lift> (Дата обращения 23.07.2018)
- Магомедова Х. Н. Личностные качества предпринимателя // Научный потенциал. — 2014. — № 3–4. — С. 36–39.
- Мерсиянова, И. В. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение / И. В. Мерсиянова, И. Е. Корнеева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2013. — 204 с.
- Мерсиянова И. В. Вовлеченность населения в неформальные практики гражданского общества и деятельность НКО: региональное измерение / И. В. Мерсиянова, И. Е. Корнеева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2011. — 196 с.
- Мерсиянова И. В. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества / И. В. Мерсиянова, Л. И. Яковсон; предисл. Я. И. Кузьмина. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 220 с.

- Никитин С. И. Личностные качества бизнесмена в культуре и психологии предпринимательства // Приволжский научный вестник. — 2016. — № 12–1 (64) — С. 113–115.
- О деятельности некоммерческих организаций. Информационный портал министерства юстиции Российской Федерации. <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (Дата обращения 27.03.2018)
- Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Thesis, 1993, вып. 2 (Перевод Н. Л. Поляковой.) — С. 94–122
- Первакова Е. Е. Пирамида полезности: способы нематериальной мотивации инновационной деятельности // Креативная экономика, 2014, № 4(88) — с. 42–51
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Стат. сб. / Росстат. — М., 2017. — 1402 с.
- Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналитический доклад / под ред. Л. М. Гохберга. — М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. — 104 с.
- Семенов А. В. Основные факторы и свойства инновационной среды // Российское предпринимательство, № 18 (216) / сентябрь 2012. — С. 54–59
- Солдатов А. В., Репин И. Д. Подбирая краски.. портрет современного инноватора // Креативная экономика. — 2007. — № 11. — С. 31–40.
- Сурикова Т. В. Качества личности специалиста — ключ к успеху в инновационной деятельности в сфере туризма // Гуманитарный вектор. — 2011. — № 2 (26). — С. 161–165.
- Тулзакова М. В. Стратегия формирования солидарного общества: практика, социальные риски и перспективы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. — С. 26–30
- Устинова Н. Г. Влияние институциональных факторов на инновационную составляющую экономики // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 5 (59). С. 59–61
- Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. 2018. <http://www.gks.ru> (Дата обращения 22.03.2018)
- Черноусова Л. Н. Социальное взаимодействие: понятие, уровни, методологические традиции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. I. С. 214–216. <http://www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/53.html> (Дата обращения 12.04.2018)

References

- Kovalenko A. A. Issledovanie motivacii innovacionnoj deyatel'nosti // Gosudarstvennoe upravlenie. E'lektronny'j vestnik Vy'pusk № 47. Dekabr' 2014 g. S.54–79 (Data obrashheniya 20.05.2018)
- Korotaev S. A. Kreativnost' i ee faktory': problemy' konceptualizacii v issledovaniyax // Sociologicheskij zhurnal. 2015. 8 Tom. 21. № 2. S. 6–30

- Koefficient izobretatel'skoj aktivnosti (chislo otechestvenny'x patentny'x zayavok na izobreteniya, podanny'x v Rossii, v raschete na 10 ty's. chel. naseleniya) // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Oficial'ny'j sajt. 2018. gks.ru/free_doc/new_site/effect/patent_14.xls (Data obrashheniya 12.04.2018)
- Lepina M. Volonterstvo kak social'ny'j lift // Miloserdie.ru. 07.12.2015 <https://www.miloserdie.ru/article/volonterstvo-kak-sotsialnyj-lift> (Data obrashheniya 23.07.2018)
- Magomedova X. N. Lichnostny'e kachestva predprinimatel'ya // Nauchny'j potencial. — 2014. — № 3–4. — С.36–39.
- Mersiyanova, I. V. Blagotvoritel'nost' i uchastie rossiyan v praktikax grazhdanskogo obshhestva: regional'noe izmerenie / I. V. Mersiyanova, I. E. Korneeva; Nac. issled. un-t «Vy'sshaya shkola e'konomiki». — М.: NIU VShE', 2013. — 204 s.
- Mersiyanova I. V. Vovlechenost' naseleniya v neformal'ny'e praktiki grazhdanskogo obshhestva i deyatel'nost' NKO: regional'noe izmerenie / I. V. Mersiyanova, I. E. Korneeva; Nac. issled. un-t «Vy'sshaya shkola e'konomiki». — М.: NIU VShE', 2011. — 196 s.
- Mersiyanova I. V. Obshhestvennaya aktivnost' naseleniya i vospriyatие grazhdanami uslovij razvitiya grazhdanskogo obshhestva / I. V. Mersiyanova, L. I. Yakobson; predisl. Ya. I. Kuz'minova. — М.: Izd. dom GU VShE', 2007. — 220 s.
- Nikitin S. I. Lichnostny'e kachestva biznesmena v kul'ture i psixologii predprinimatel'stva // Privolzhskij nauchny'j vestnik. — 2016. — № 12–1 (64) — С.113–115.
- O deyatel'nosti nekommercheskix organizacij. Informacionny'j portal ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii. <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (Data obrashheniya 27.03.2018)
- Parsons T. Ponyatie obshhestva: komponenty' i ix vzaimootnosheniya // Thesis, 1993, vy'p. 2 (Perevod N. L. Polyakovoij.) — S. 94–122
- Pervakova E. E. piramida poleznosti: sposoby' nematerial'noj motivacii innovacionnoj deyatel'nosti // Kreativnaya e'konomika, 2014, № 4(88) — s.42–51
- Regiony' Rossii. Social'no-e'konomicheskie pokazateli. 2017. Stat. sb. / Rosstat. — М., 2017. — 1402 s.
- Rejting innovacionnog razvitiya sub'ektov Rossijskoj Federacii: analiticheskij doklad / pod red. L. M. Goxberga. — М.: Nacional'ny'j issledovatel'skij universitet «Vy'sshaya shkola e'konomiki», 2012. — 104 s.
- Semenov A. V. Osnovny'e faktory' i svojstva innovacionnoj sredy' // Rossijskoe predprinimatel'stvo, № 18 (216) / sentyabr' 2012. — S.54–59
- Soldatov A. V., Repin I. D. Podbiraya kraski.. portret sovremennogo innovatorov // Kreativnaya e'konomika. — 2007. — № 11. — С.31–40.
- Surikova T. V. Kachestva lichnosti specialista — klyuch k uspehu v innovacionnoj deyatel'nosti v sfere turizma // Gumanitarny'j vektor. — 2011. — № 2 (26). — С.161–165.
- Tuluzakova M. V. Strategiya formirovaniya solidarnogo obshhestva: praktika, social'ny'e riski i perspektivy' // Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sociologiya. Politologiya. 2014. Т. 14, vy'p. 2. — С.26–30

Ustinova N. G. Vliyaniye institucional'ny'x faktorov na innovacionnuyu sostavlyayushuyu e'konomiki // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-e'konomicheskogo universiteta. 2015. № 5 (59). S. 59–61

Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. Oficial'ny'j sajt. 2018. <http://www.gks.ru> (Data obrashheniya 22.03.2018)

Chernousova L. N. Social'noe vzaimodejstvie: ponyatie, urovni, metodologicheskie tradicii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy' teorii i praktiki. — Tambov: Gramota, 2012. № 12 (26): v 3-x ch. Ch. I. С. 214–216. <http://www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/53.html> (Data obrashheniya 12.04.2018)

Приложение

Таблица 1

Данные о числе общественных организаций на 10 тыс. человек и изобретательской активности в регионах Российской Федерации, 2016–2017 гг.

Регионы РФ	Число общественных организаций на 10 тыс. человек, на конец 2017 г.	Коэффициент изобретательской активности, 2016 г.
Регионы в части поля корреляции, имеющей восходящую направленность		
Белгородская область	3,28	0,99
Брянская область	2,23	0,61
Владимирская область	3,58	1,59
Воронежская область	2,82	2,44
Курская область	3,66	3,04
Липецкая область	3,14	0,48
Московская область	3,98	3,09
Орловская область	3,81	0,86
Рязанская область	3,77	1,68
Тамбовская область	2,59	1,1
Тульская область	3,52	1,32
Мурманская область	2,37	0,38
Краснодарский край	3,62	1,27
Астраханская область	3,56	0,89
Ростовская область	2,77	1,68
Республика Дагестан	2,62	0,63
Республика Ингушетия	2,68	0

Продолжение табл. 1

Регионы РФ	Число общественных организаций на 10 тыс. человек, на конец 2017 г.	Коэффициент изобретательской активности, 2016 г.
Кабардино-Балкарская Республика	3,69	0,58
Чеченская Республика	1,58	0,23
Ставропольский край	3,01	0,62
Республика Башкортостан	2,68	1,7
Республика Марий Эл	3,17	1,53
Республика Татарстан	2,77	1,86
Удмуртская Республика	3,99	0,99
Чувашская Республика	3,90	0,95
Пермский край	3,75	1,52
Нижегородская область	3,17	1,4
Оренбургская область	3,46	0,61
Пензенская область	3,70	1,2
Самарская область	3,70	1,38
Саратовская область	3,32	0,77
Курганская область	3,47	0,62
Свердловская область	3,86	1,27
Тюменская область	1,98	0,66
Челябинская область	3,00	0,83
Алтайский край	3,86	0,7
Забайкальский край	2,84	0,24
Кемеровская область	2,23	0,73
Регионы в части поля корреляции с гиперболическим трендом		
Ивановская область	4,28	4,48
Костромская область	5,22	0,56
Ярославская область	5,00	1,29
Республика Карелия	9,11	0,65
Калининградская область	7,49	0,53
Ленинградская область	6,47	0,49
Псковская область	6,18	0,59
Республика Калмыкия	7,48	0,47
Республика Северная Осетия — Алания	4,78	1,37
Ульяновская область	4,16	1,61
Ямало-Ненецкий АО	6,32	0,65
Тюменская область без АО	4,89	1,11

Окончание табл. 1

Регионы РФ	Число общественных организаций на 10 тыс. человек, на конец 2017 г.	Коэффициент изобретательской активности, 2016 г.
Республика Алтай	10,00	0,41
Республика Бурятия	5,24	0,69
Красноярский край	4,50	1,1
Новосибирская область	4,92	1,9
Омская область	4,57	1,22
Томская область	4,58	3,25
Республика Саха (Якутия)	8,09	0,68
Камчатский край	10,35	0,29
Приморский край	6,26	1,01
Хабаровский край	4,88	1,18
Амурская область	4,64	1,04
Магаданская область	10,68	1,03
Сахалинская область	8,81	0,25
Еврейская автономная область	7,44	1,64
Чукотский автономный округ	11,20	0,2
Калужская область	4,28	1,66
Тверская область	5,33	1,1
Регионы в части поля корреляции, имеющей нисходящий тренд		
Смоленская область	4,05	0,4
Республика Коми	4,75	0,58
Архангельская область	5,39	0,43
Вологодская область	5,02	0,59
Новгородская область	4,12	0,8
Республика Адыгея	5,37	0,2
Республика Крым	5,92	0,3
Волгоградская область	4,37	0,92
Карачаево-Черкесская Республика	4,85	0,26
Республика Мордовия	4,47	0,59
Кировская область	4,34	0,71
Ханты — Мансийский АО-Югра	4,61	0,25
Республика Тыва	5,00	0
Республика Хакасия	4,92	0,2
Иркутская область	4,54	0,78

Составлено по (О деятельности... 2018; Федеральная.. 2018)

СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ ГОРОДА В ЛЕНИНГРАДЕ/ПЕТЕРБУРГЕ

Статья посвящена становлению этнографии города в Ленинграде/Петербурге. Первая статья по этнографии города в Ленинграде была опубликована в 1926 г. Однако резолюция Этнографического совещания 1929 года рекомендовала советским этнографам изучать преимущественно доиндустриальные группы населения. Тем не менее было по крайней мере одно заметное исключение из этого правила: в 1939 г. в Государственном музее этнографии открылась выставка, посвященная еврейскому населению дореволюционной России и СССР. Война прервала эту линию развития. Вновь интерес к городским группам населения возникает у московских этнографов в начале 1950-х, когда они предприняли исследования уральских рабочих, а затем перешли к изучению городов Центральной России. Участница этой исследовательской группы, ленинградка Юхнева начала изучать этническую статистику и этнографию дореволюционного населения Петербурга. Благодаря политическим и экономическим изменениям рубежа 1980-х — 1990-х гг. сложились благоприятные условия для изучения этнографии города, которые стимулировали формирование нескольких группирований городских этнографов в Петербурге. Первое из них появилось в Центре независимых социологических исследований и состоит главным образом из тех, кто получил социологическое образование. Второе группирование объединяет большинство исследователей из Межфакультетского центра «Петербургская иудаика» в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Третье группирование образуют ученики Байбурина, которые в своем подходе к материалу опираются на этнографическую семиотику. Наконец, несколько исследователей из Музея антропологии и этнографии РАН и Российского этнографического музея объединились в проводимом Мазаловой семинаре, посвященном специально изучению антропологии Петербурга.

Ключевые слова: этнография города, социология социальных наук, этнография Петербурга

Тема этнографии города (или, как теперь предпочитают говорить некоторые из исследователей, антропологии города) в Петербурге требует специального углубленного изучения как в историческом аспекте, так и в плане того, что делается исследователями в наши дни. Именно в Ленинграде/Петербурге происходили важнейшие события и работали и продолжают работать ученые, чья деятельность в данной области во многом определяет ее развитие, как и воздействие на смежные

исследовательские области и дисциплины. В данной статье мы лишь пунктирно прорисовываем историю этнографии города в Петербурге в ее взаимодействии с развитием данного направления в России в целом. Сначала мы рассказываем о предыстории данной исследовательской области от еще не полностью профессиональных описаний до появления первой достаточно серьезной, хотя и написанной студентом, статьи. Во втором параграфе показываем как теоретические дебаты в условиях монополии «единственно верной» идеологии приводят к пресечению развития перспективного научного направления. Третий параграф демонстрирует, что прагматические интересы власти в советский период могли брать верх над идеологическими предписаниями и способствовать прогрессивными начинаниями в науке. В четвертом параграфе статьи показано, что изменения в послесталинском Советском Союзе потребовали от этнографов распространить свои интересы не только на традиционную культуру и воспроизводящие ее слои населения, но и на промышленных рабочих и городское население в целом. Наконец, в пятом параграфе показано, каким образом этнография города вернулась в Ленинград/Петербург и какие группы исследователей, изучающих город, здесь сформировались и продолжают формироваться.

1. Предыстория этнографии города в Петербурге/Ленинграде.

По-видимому, первым петербургским исследователем, давшим подробное описание этнического и религиозного состава Петербурга, занятий его жителей, их культурных особенностей, можно считать Иоганна Готлиба Георги¹ (Георги 1794). Однако в его время этнография/этнология/социокультурная антропология еще не выделилась в самостоятельную дисциплину. Решаемая Георги задача не требовала от автора иметь специальную подготовку в области знаний об описываемых народах, вероисповеданиях и городской среде. Поэтому написать такую книгу мог и военный, и священнослужитель, и медик вроде доктора медицины Георги. Описание городской среды и людей населяющих эту среду еще долгое время было делом любителей, а не профессионалов. Автором следующей этапной, по нашему мнению, в описании этнографии Петербурга книги был журналист Анато-

¹ Георги пишет, что в качестве образца для своей книги использовал описание Берлина, сделанное Николаи (Георги, 1794: II).

лий Александрович Бахтиаров (Бахтиаров 1888). Книга составлена из отдельных очерков, которые Бахтиаров публиковал в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Здесь даны очень подробные описания отраслей экономики и отдельных предприятий (доставка скота из районов выпаса на скотобойни, забой и переработка туш, оптовая и розничная торговля продовольствием, мукомольни, рыболовство на Неве и в Финском заливе, грузовое судоходство по Неве и заливу, морской порт, городские рынки...), разнообразных типажей горожан (крестьяне-отходники, лавочники, евреи-резники, татары-старьевщики и разносчики, финны-молочники, сданные в приют маленькие дети, букинисты, уличные мальчишки, нищие...). И всё же эта книга остается, хотя и очень хорошей, но журналистской, поскольку никак не соотносится с существовавшей в то время научной традицией, с теоретическими построениями ученых.

Первые попытки российских исследователей заняться городом с позиций этнографической науки относятся к 1920-м гг. В 1926 г. в сборнике, составленном из работ ленинградских студентов, которые собирали полевой материал летом 1924 г., появилась статья студента Института высших еврейских знаний и этнографического отделения географического факультета ЛГУ Исая Пульнера² о гомельских евреях (Пульнер 1926). Очерк начинается с описания общественных движений накануне революции у евреев Гомеля, которые тогда составляли большинство населения этого города. Затем следует описание основных предприятий города и социально-профессиональной структуры еврейского населения. Особое внимание уделено рассказу о бытовых условиях ремесленников-кустарей. Завершается статья демонстрацией преимуществ кооперативных объединений ремесленников над кустарями-одиночками. К статье прилагаются 23 статистические таблицы. Статья написана довольно живо и насыщена политизированной лексикой того времени. Стиль ее довольно близок к журналистскому, но в тексте также много отсылок к статистическим данным. Ссылки на научную литературу отсутствуют. Однако надо принять во внимание, что это работа начинающего исследователя в исследовательской области, которая еще находилась в зародышевом состоянии.

Важно отметить, что интерес к городской проблематике зарождается у ленинградских ученых с некоторым запозданием по сравнению

² Информацию об Исае Менделевиче Пульнере см. на сайте «Отечественные этнографы и антропологи. XX век» [http://ethnographica.kunstkamera.ru/Пульнер_Исай_Менделевич]

с американскими коллегами³. В 1908 г. профессор Уильям Томас получил грант в 50 тысяч долларов на изучение проблем иммиграции (Козер 2006: 475). «... интересы Томаса принадлежали главным образом к этнографическим и сравнительным исследованиям. В это время факультет Чикагского университета представлял собой объединенный факультет социологии и антропологии, и Томасу были предложены курсы лекций в области, которую сегодня можно было бы назвать культурной и физической антропологией» (Козер 2006: 474–475). В ходе исследования он сосредоточился на изучении поляков, самой большой иммигрантской группы в Чикаго, а в 1913 г. начал сотрудничать с руководителем Общества защиты польских эмигрантов, философом Флорианом Знанецким (Козер 2006: 475–477). В 1918 г. из печати выходит первый том их работы, которую можно считать первой монографией и в социологии расовых и этнических отношений⁴, и в антропологии города (Thomas, Znaniecki 1918).

Отставание советских ученых от американцев вызвано и военными событиями, в которые была вовлечена Россия в 1914–1920 гг., и проблемами организации и финансирования науки в России и в последующем в СССР. Как видим, позиция ленинградцев в будущем вполне могла способствовать быстрому прогрессу в изучении этнографии города. Вероятно, сначала это были бы сравнительно небольшие населенные пункты с населением в несколько тысяч человек, затем города с населением в десятки тысяч человек, как Гомель, описанный Пульнером. Соединение собственного опыта с информацией из литературы о работе представителей Чикагской школы гипотетически могло побудить ленинградских этнографов также к изучению более крупных городских поселений.

2. Теоретические дебаты о специфике этнографии/этнологии и их практические следствия

У читателя может возникнуть правомерный вопрос, почему же в советской этнографии интерес к этнографии города не получил в то время дальнейшего развития? Ответ дают материалы Этнографи-

³ История городской антропологии на Западе, прежде всего, в англоязычных странах, хорошо описана в сравнительно недавнем очерке (Prato, Pardo, 2013).

⁴ Социологию расовых и этнических отношений (sociology of race and ethnic relations) в русскоязычной традиции принято называть этносоциологией. Перевод последнего термина на западноевропейские языки вызывает определенные проблемы из-за несовпадения значения форманта «этно» в русском языке с его значением в английском и французском.

ческого совещания 1929 г. Приведем выдержки из «Резолюции по докладам П. Ф. Преображенского и В. Б. Аптекаря»:

«4) *Отрицая всякие попытки построения «этнологии» — как теоретической науки, что фатально ведет к противопоставлению ее марксистской социологии историческому материализму, советские этнографы считают, что не существуют и не могут существовать такие области общественных явлений, в частности, такие культурные факты, которые не могли и не должны были бы стать объектом для изучения историка и социолога.*

5) Многочисленные построения «этнологии» как науки о явлениях культуры, в частности, попытки пресловутой «культурно-исторической» школы (Г р е б н е р, патер В. Ш м и д т, пат. К о п е р с и др.) должны были быть поэтому квалифицированы как стремление к созданию буржуазной методологии общества, *этнологического понимания истории, которое является совершенно неприемлемым для советских обществоведов*, в рядах которых стоят и этнографы СССР, опирающиеся в своей работе на *материалистическое понимание истории* М а р к с а, Э н г е л ь с а, Л е н и н а [...]

7) Отмежевываясь от всяческих буржуазных суррогатов обществоведения, советская этнография должна строиться, как исследование *конкретных обществ, главным образом, тех из них, которые и ныне находятся на ранних стадиях развития*, вследствие чего основным понятием и объектом исследования этнографии должны стать социально-экономические формации в их конкретных вариантах [...]» (Совещание... 1929: 117–118) [разрядка источника, курсив наш — Б.В., К.Д.].

Чтение этих пунктов самих по себе может запутать читателя, не посвященного в нюансы дискуссий на этом совещании. Поэтому попытаемся понять, что имели в виду участники этого форума, обратившись к стенограмме их выступлений. При этом в фокусе нашего рассмотрения окажутся такие обсуждаемые выступающими понятия как исторические науки», «социология», «социологизирование». Следует также оговориться, что здесь мы оставляем в стороне дискуссию о том, следует науке о народах называться этнографией или этнологией, и используем тот термин, который употреблял каждый из цитируемых нами участников совещания.

Сначала приведем высказывания участников совещания о характере этнографической/этнологической науки. Московские исследователи рассматривали ее как составную часть исторической науки. Чистый теоретик, профессор этнологического факультета МГУ Петр

Федорович Преображенский, считал что от истории этнография отличается только тем, что оперирует «над материалом быта» (От классиков к марксизму 2014: 105). В заключительном слове он снова повторяет: «Я целью своего доклада ставил следующее: доказать, что этнология или этнография есть та же история. Это буквальная формулировка, и я бы просил моих оппонентов ее придерживаться. Разница только в том, что этнолог работает с другим материалом. Есть целые периоды истории, которые могут быть построены только на основании этого материала» (От классиков к марксизму 2014: 130). Преображенского поддержал историк из МГУ Владимир Капитонович Никольский (От классиков к марксизму 2014: 118). Еще резче высказывался Сергей Павлович Толстов, в то время еще студент МГУ, а в будущем директор Института этнографии АН СССР: «Мы сами говорим, что этнология как отдельная наука не может существовать. Мы рассматриваем ее как историческую дисциплину, обладающую своей технической методологией, некоторой своей методикой, некоторыми частными методами анализа своего материала» (От классиков к марксизму 2014: 225).

Археолог и этнограф Борис Алексеевич Куфтин, который до того как подвергся репрессиям преподавал в МГУ, занимал более нюансированную позицию. Согласно авторам журнального отчета⁵, он утверждал: «Этнология является наукой исторической [...] Этнология преимущественно сосредоточивает свое внимание на этногенезе, изучая историю общественных форм и культуру в процессе племенных формообразований и, следовательно, в разрезе формаций этнических, возникающих, бытующих и исчезающих на основе более общих законов исторического развития» (Совещание... 1929: 126).

Но стенограмма доклада Куфтина несколько иначе передает его мысль: «Конечно, этнология является наукой исторической. Изучая отдельные проявления общественного развития и общественно исторического процесса, она строит свои понятия на основе тех категорий, которые вытекают из самого существа самого исторического развития. В этом смысле этнология и ее методы тесно связаны с историей. Изучая различные стороны, вернее различные проявления общественного развития, этнология восстанавливает историю человечества как бы ретроспективно, исходя из тех проявлений исторического процесса, который мы, этнологи, наблюдаем в настоящий момент. Этнология

⁵ Судя по инициалам Я. К. и Н. М. (Совещание этнографов..., 1929: 114) авторами отчета были Кошкин и Маторин.

в этом смысле формально отличается от социологии, так как она изучает конкретные формы проявления более общих законов общественного развития. Это необходимо комментировать, чтобы не было недоразумения, так как очень часто этнологию сравнивают с социологией (на этнологическом факультете Московского университета было такое деление этнологии и этнографии, при котором под этнологией понимали социологическую дисциплину)» (От классиков к марксизму 2014: 282).

В выступлениях ленинградских этнографов мы не обнаруживаем безоговорочного принятия тезиса о рассмотрении этнографии исключительно как какой-то разновидности исторической науки. Во время совещания сотрудник Государственной академии истории материальной культуры, а в недалеком будущем организатор и директор Института антропологии и этнографии (в последующем ИЭ АН СССР) Николай Михайлович Маторин определил этнографию, как науку исследующую «быт культурно-отсталых народов и культурные пережитки в быту народов, уже захваченных капиталистическим развитием» (Совещание... 1929: 118–119). Аспирант кафедры этнографии географического факультета ЛГУ Ерухим Абрамович Крейнович⁶ развивает эту мысль: «этнография есть наука о культуре тех народов земного шара, которые в процессе культурно-исторического развития не достигли капиталистической формы хозяйства и общества [...] Я подчеркнул, что этнография изучает пережитки, бытующие среди народов современных капиталистических государств. Возьмем СССР: до Октяб[рской] революции проживала огромная масса народов, тех самых крестьян, которые в процессе своего экономического развития достигли капиталистических форм хозяйства, — будут ли они подлежать нашему изучению? Конечно, это будет относиться к народам, пребывающим в состоянии торгового капитала»⁷ (От классиков к марксизму 2014: 214).

В прениях по докладу Преображенского профессор нескольких ленинградских вузов Владимир-Германович Богораз-Тан заявляет: «Этнография этим и отличается от истории и других общественных наук, отличается тем, что она составляет стык между науками общественными и естественными» (От классиков к марксизму 2014: 113).

В своем докладе Богораз-Тан опирается на программу полевой работы, разработанную участниками семинара ленинградских студентов-этнографов под руководством самого Богораз-Тана и представленной

⁶ О нем см., например: Решетов, 2010.

⁷ То есть, если следовать рассуждениям Крейновича, городское население при капитализме в сферу интересов этнографии уже не попадает.

в брошюре Степана Андреевича Макарьева⁸: «Этнография — это наука об этнических группах, а не о записях, к ним относящихся. Полевая работа в особенности необходима для исследования народов полуизученных или совсем неизученных. Также *среди культурных народов имеются группы, подлежащие полевому изучению этнографа* (курсив наш — Б.В., К.Д.). Таковы земледельцы глухих районов, пастухи, лесные кустари, сплащики леса. Такой же характер имеют и городские элементы: сезонные рабочие, беспризорные, преступники, нищие. К той же категории малообследованных групп надо причислить городские обособленные группы, национальные и социальные. Таковы айсоры, цыгане, различные сектанты и т. д.»⁹ (От классиков к марксизму 2014: 259).

Остро критически о позиции Преображенского отозвался ленинградский этнограф Исаак Натанович Винников, который в 1938 г. воссоздаст ликвидированную кафедру этнографии в ЛГУ и будет возглавлять ее в ходе поочередного пребывания на разных факультетах (филологическом, восточном и историческом) вплоть до ликвидации в 1949 г.: «Мне кажется, что было бы удобнее этот доклад назвать не «Методология этнологии», а «Проект новой всемирной науки и роль этнологии для всемирной истории» и прочесть этот доклад на съезде историков, потому что фактически докладчик пришел к тому заключению, что этнологии нет, а есть история, что мы изучаем одинаково и огнеземельцев, и Чемберлена. Не чувствую тут никакой разницы между историей и этнологией. Если вы ставите проблему методологии этнологии, вы должны были на специфическом этнологическом материале доказать особенность этой методологии. Вы этого не сделали. Какое же имеет отношение ваш доклад к методологии этнологии как таковой? Это методология общей всемирной истории» (От классиков к марксизму 2014: 126).

⁸ О Макарьеве известно, что он был студентом и аспирантом этнографического отделения ЛГУ (Свободная энциклопедия Википедия, 1928).

⁹ Такое, по-видимому, неожиданное для многих участников совещания определение вызвало протест сотрудника этнологического факультета МГУ Михаила Яковлевича Феноменова: «Я настаиваю на том, чтобы развитое капиталистическое общество не подлежало исследованию этнографическому (курсив наш — Б.В., К.Д.), а социологическому» (От классиков к марксизму, 2014: 300).

¹⁰ Хотя в стенограмме совещания данное высказывание Богораза-Тана заключено в кавычки и выглядит как цитата, на самом деле оно представляет собой вытяжку с разных страниц в брошюре Макарьева (Макарьев 1928).

Позиция Арбузова¹¹ относительно специфики этнографии ближе к ленинградской, чем к московской: «Я стою на той точке зрения, что *этнология есть наука со своим материалом, своей рабочей методикой и своими методами, присущими социологии*, это значит, *социологическими методами, методами исторического материализма*. Но, конечно, *эта наука является частью истории*» (курсив наш — Б.В., К.В.) (От классиков к марксизму 2014: 238).

Наиболее радикальную позицию против отнесения этнографии/этнологии к историческим наукам занимал директор Института антропологии МГУ и заведующий кафедрой антропологии МГУ Виктор Валерианович Бунак: «[...] теоретически правильное определение этнологии как части исторической науки практически ничего не дает, ибо оно не учитывает ряда других (географических и пр.) элементов. Оставаясь наукой об обществе, этнология должна встать близко к антропологии, которая в свою очередь, работая биологическими методами, имеет дело с социальными формациями, заменяющими «естественную среду» биологов, и в этом смысле сближается с этнологией» (От классиков к марксизму 2014: 122).

Таким образом, в ходе дискуссии выявились две противоположные позиции. Первая, которую разделяло большинство московских участников дискуссии, заключалась в том, что этнография/этнология входит в разряд исторических дисциплин¹², от которых отличается только спецификой своих методов, и должна заниматься исследованием обществ на ранних этапах их развития, т. е. в докапиталистическую эпоху, а также изучением сохранившихся до сих пор пережитков ранних эпох. Вторая точка зрения, разделяемая ленинградцами и примыкающими к ним Арбузовым/Абузовым и Бунаком, заключалась в том, что

¹¹ Арбузов в выступлении называет себя москвичом. Издатели сборника идентифицировали его как Степана Семеновича Арбузова (1898–1938). После учебы в Москве в Институте народов советского Востока он работал в Саранске, где занимался этнографией мордвы (От классиков к марксизму, 2014: 238, примеч. 3). Однако поиск в Интернете не обнаружил указанную персону. Зато был обнаружен мордовский этнограф Степан Семенович Абузов с теми же датами жизни (АБУЗОВ Степан Семенович (1898–1938) // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб: Петербургское востоковедение, 2003 [http://memory.pvost.org/pages/abuzov.html]). В стенограмме Совещания на с. 456 упоминается без инициалов Абузов, который не включен авторами публикации в Именной указатель.

¹² Московская точка зрения подчеркивается Толстовым: «Я думаю, что из предыдущих прений достаточно выяснилось, что московские делегаты, даже стоящие на разных точках зрения, все подчеркивают непрерывную связь истории с этнологией и рассматривают этнологию, по существу, как часть истории» (От классиков к марксизму, 2014: 447).

этнография изучает не только явления прошлого, но и их пережитки в современных обществах. Мы возьмем на себя смелость развить эту мысль ленинградцев: чтобы понять, что в современном обществе является пережитком, а что нет, надо это общество изучить в поле.

После приведенных выше рассуждений парадоксом кажется ряд суждений уже упоминавшихся московских участников дискуссии на связь этнографии с социологией и необходимостью социологизации этнографии. Вот фрагмент доклада Куфтина: «Принимая во внимание, что этнология формально отличается от социологии, все-таки необходимо подчеркнуть *специфические особенности этнологии, материально выделяющие ее среди других социологических дисциплин*, хотя бы политической экономии, во всяком случае тех, которые...» (курсив наш — Б.В., К.Д.) (От классиков к марксизму 2014: 267). А отвечая на вопросы после доклада, он повторяет ту же мысль: «Социологическая наука — это наука об обществе и о развитии человеческого общества. *Этнология и антропология — тоже социологические науки*» (От классиков к марксизму 2014: 282) (курсив наш — Б.В., К.Д.). Толстов призывает к социологизации этнографии: «Безусловно, этнография как наука, как определенная историческая дисциплина имеет не только все шансы на свое дальнейшее развитие, но является чрезвычайно необходимой и чрезвычайно важной в той конкретной работе по строительству, которое у нас в настоящее время существует, и что *только тогда этнология и этнография будут насквозь социологизированы*, когда каждое явление культуры мы будем рассматривать с точки зрения наших марксистских методов; другими словами, когда этнография не будет принципиально ничем отличаться от истории как таковой, а будет отличаться только, как правильно сказал П[етр] Ф[едорович], только характером своих источников» (курсив наш — Б.В., К.Д.) (От классиков к марксизму 2014: 124).

Очевидно, что говоря о том, что этнография является социологической наукой, и что необходимо ее «насквозь социологизировать», выступающие имеют в виду не то, что мы понимаем под социологией сегодня, точно так же под социологическими методами (см. высказывание Арбузова/Абузова выше) понимаются не те методы эмпирического исследования, которые применяют сегодняшние социологи. И Арбузов/Абузов, и составители процитированного выше четвертого пункта резолюции по докладам Преображенского и Аптекаря социологию понимают как исторический материализм, т. е. как чисто теоретическое учение, не занимающееся эмпирическим сбором материала.

С работами американских социологов, использующих метод этнографии¹³ они судя по всему, не были знакомы, а все социальные теории, кроме марксизма, отвергали¹⁴. Интересно, что в ходе дебатов никто из участников так и не сказал, какая же именно дисциплина должна изучать современное городское население.

Результатом дискуссии развернувшейся на совещании этнографов Москвы и Ленинграда стал отказ от изучения этнографии городского населения промышленно развитых обществ. Как показывают материалы совещания, пробудившийся интерес к городской проблематике был пресечен с помощью идеологических инструментов.

3. Еврейская этнография как исключение из правила

Говоря об итогах Этнографического совещания, следует отметить, что его решения все-таки были скорее пожеланиями, чем директивами, которые должны были неукоснительно исполняться. Среди современных этнографов распространено мнение, что после совещания слово «этнос» было исключено из научного лексикона вплоть до появления работ во второй половине 1960-х гг. теоретических работ директора ИЭ Юлиана Владимировича Бромлея, а советская этнография примерно до того же времени оставалась сугубо эмпирической дисциплиной. Однако спорадически термины «этнос», «этнический» появлялись в литературе¹⁵, точно так же как из беглого просмотра журнала «Советская этнография» за вторую половину 1930-х — 1950-е гг. видно, что продолжали обсуждаться различные этнографические термины, хотя бы применительно к марксизму, дискутировались проблемы этногенеза, глоттогенеза, культурогенеза и т. д., публиковались рецензии

¹³ Здесь мы имеем в виду этнографию (ethnography) в том значении, которое существует в английском языке, т. е. как название метода полевой работы, а не научной дисциплины, которую именно из-за этой двойственности термина академик Валерий Александрович Тишков, занимавший пост директор ИЭА в 1989–2015 гг.), официально переименовал в русском языке в этнологию.

¹⁴ Любопытно, что Рудольф Фердинандович Итс, заведующий кафедрой этнографии и антропологии ЛГУ в 1968–1990 гг. и директор Ленинградской части ИЭ в 1982–1990 гг., во время занятий со студентами высказывался в том плане, что нам не нужна никакая социология, поскольку есть исторический материализм. Правда, он не выступал против сбора эмпирического социологического материала, и во время его руководства ЛЧ ИЭ там вполне успешно занимались научной работой этносоциологи Старовойтова, Коган и Валентина Георгиевна Узунова.

¹⁵ Здесь уместно назвать хотя бы монографию Кушнера (Кушнер, 1951. С. 7).

на монографии западных авторов^{16, 17}. Однако возвращения к изучению этнографии города не происходило вплоть до 1950-х — 1960-х гг.

И все же нам известно, по крайней мере, одно учреждение проигнорировавшее резолюцию Этнографического совещания о том, что этнографы должны изучать главным образом общества, находящиеся на ранних стадиях развития. Этим учреждением был Государственный этнографический музей народов СССР¹⁸. В период существования СССР помимо того, чтобы знакомить посетителей с традиционными культурами народов, населяющих страну, музей должен был демонстрировать их успехи в строительстве социализма. Музей не мог обойти такую выигрышную в пропагандистском отношении тему, как создание в 1934 г. Еврейской автономной области для народа, который в досоветский период открыто подвергался дискриминации со стороны государства. Но невозможно было показывать достижения евреев в социалистическом строительстве только на примере ЕАО¹⁹.

В экспозициях музея приходилось также демонстрировать ситуацию в прошлом и настоящем для еврейских групп вне пределов этого административного образования. С этой целью в 1936 г. в ГМЭ была создана еврейская секция, а в 1937 г. в нее был приглашен уже знакомый нам Пульнер, которого Евгений Георгиевич Кагаров, сотрудник ИЭ и профессор нескольких ленинградских университетов, считал лучшим специалистом по еврейской этнографии в СССР. К сожалению, его деятельность в ГМЭ, как и вся работа евсекции в литературе пока освещены слабо. Главной задачей секции была организация и проведение экспедиции в ЕАО. Было очевидно, что помимо изучения еврейского населения занятого там в сельском хозяйстве, придется собирать данные и о горожанах. Экспедиция состоялась в 1937 г. в самый

¹⁶ См., например: Кушнер, 1951, с. 7;

¹⁷ Следует также обратить внимание на то, что нарушение рекомендаций совещания не вело к политическим репрессиям по отношению к их нарушителям. Изучение биографий репрессированных этнографов, показывает, что они преследовались за участие в партийной оппозиции, симпатии к большевистским партиям, социальное происхождение и подобные «преступления», но не собственно за их научные взгляды (Тумаркин, 2002; Тумаркин, 2003).

¹⁸ С 1992 г. называется Российским этнографическим музеем (РЭМ).

¹⁹ Дальнейшую информацию в данном параграфе я привожу по лекции администратора Межфакультетского центра «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге Александра Игоревича Иванова «Еврейские этнографы в годы «Большого террора»: еврейская секция Музея этнографии», с которой он выступил 10 мая 2018 г. в Еврейском общинном центре Санкт-Петербурга, и его же статье (Иванов, 2010).

разгар репрессий в ЕАО. Участникам удалось сделать много фотографий, но часть из них невозможно было показывать посетителям по политическим причинам. В 1939 г. в под руководством Пульнера и Михаила Иосифовича Шахновича, этнографа, фольклориста и сотрудника Музея истории религии, в ГМЭ была организована выставка «Евреи в царской России и СССР», куда вошли материалы собранные экспедицией музея в ЕАО, а также материалы из других мест страны. Среди прочих экспонатов были размещены стенд с фотографиями «Юный город Биробиджан (столица ЕАО)», действующий макет фанерного комбината в Биробиджане.

Сложно сказать, насколько удалось бы Пульнеру продвинуться в изучении городской этнографии при благоприятных условиях. Но приближающаяся война опрокинула не только его научные планы. В 1942 г. ученый умер в блокадном Ленинграде.

4. Возобновление интереса этнографов к современности

В 1920-е — 1930-е гг. предполагалось, что в течение нескольких десятилетий все народы СССР достигнут культурного уровня, присущего современным нациям, и потребность в этнографии как отдельной дисциплине вообще исчезнет, поскольку культурные различия между народами в значительной степени нивелируются²⁰. К рубежу 1940—1950-х гг. и ученым, и политикам уже было понятно, что до исчезновения этнических различий еще очень далеко, и поэтому необходимо

²⁰ См., например, высказывание Кошкина на Этнографическом совещании: «Далее тов. Аптекарь установил 4 стадии развития хозяйственного коллектива-этноса: доэтническая стадия, этническая, национальная и вненациональная. Скажите, пожалуйста, у нас в СССР есть сейчас нация или нет? Вы подумали, о чем вы говорите, или нет? Нация есть явление капиталистического общества. В нашем социалистическом государстве мы ни русской, ни других наций не назовем, потому что у нас государство ставится на изживании национальностей. Следовательно, надо все-таки в этом отношении разбираться, когда определять те или другие стадии развития человеческого общества. Это не свидетельствует о том, что нации нет вообще или что у нас в СССР нет национального вопроса. Он есть. И именно потому, что есть национальный вопрос, и нужна этнография. Если бы у нас национального вопроса не было, не нужна была бы этнография. Она должна изучать те этнические особенности, которыми обладают хозяйственные коллективы, для того чтобы легче привести к единому знаменателю, к изживанию этих отдельных этнических единиц и, с другой стороны, для того чтобы ускорить рост социалистических элементов» (От классиков к марксизму, 2014: 243). Хотя отдельные детали в данном фрагменте выражают личную позицию Кошкина, но в целом это высказывание передает общие настроения политиков и исследователей того времени.

изучать не только группы, находящиеся на доиндустриальной стадии развития, но и те, которые уже прошли эту стадию, а следовательно вернулся интерес к городским жителям и к самому городу. Учитывая отсутствие в СССР того времени социологии как научной дисциплины, проводить полевые исследования городских жителей могли только этнографы. Им же предстояло не только описать эти различия, но и объяснить, почему они сохраняются.

Исходя из идеологических установок того времени, первоочередное внимание этнографы, изучающие индустриальные народы, должны были обратить на рабочих. Именно так поступил будущий теоретик советской этнографии Николай Николаевич Чебоксаров, вместе с четырьмя коллегами приступивший к описанию культуры и быта рабочих Завода им. Сталина (впоследствии Завод им. Лихачева) и Трехгорного текстильного комбината им. Ф. Дзержинского: «Главной целью предпринятой работы было выявление новых культурно-бытовых особенностей русского рабочего класса, сложившихся в советскую эпоху на базе строительства социализма и закладки основ коммунистического общества. В связи с этим перед работниками Института этнографии встала задача изучения такого характерного явления нашей эпохи как выработка творческого, социалистического отношения к труду на основе животворящего советского патриотизма» (Чебоксаров 1950: 107). Необходимо было также показать отличия советского образа жизни от «буржуазного образа жизни в странах загнивающего капитализма» (Чебоксаров, 1950: 108). К сожалению, этот первый блин вышел комом: по нашему мнению, статья Чебоксарова получилась больше пропагандистской, чем научной.

Вслед за этой работой появился сборник статей сотрудников Государственного исторического музея, которые в ходе своих поездок, наряду со сбором предметов для музея брали интервью о дореволюционном быте у ветеранов производства (Историко-бытовые экспедиции 1949–1950 1953). Однако как музейщики их в основном интересовали материальные аспекты быта, и статьи не поднимаются выше уровня простых описаний.

Одновременно несколько сотрудников отдела восточнославянской этнографии²¹ ИЭ под руководством Веры Юрьевны Крупянской при-

²¹ В разные периоды времени подразделение ИЭ, занимающиеся восточнославянской проблематикой имело разные статусы и соответствующие им наименования. История организационных пертурбаций этого подразделения описана в статье (Полищук 2005).

ступила к изучению этнографии уральских рабочих (Крупянская 1953). Исследователи исходили из того факта, что эта группа начала формироваться еще в первой половине XVIII в. и, следовательно, должна была сохранить какие-то уникальные характеристики, которые отличали бы ее от других групп рабочих (Крупянская 1953: 66). Видимо, на осознание того, что полноценное изучение рабочих возможно лишь при включении их в более широкий городской контекст, потребовалось время. Переход от первого сборника под редакцией Крупянской по этнографии рабочих к первым полноценным статьям по городской этнографии (Крупянская, Рабинович 1964; Анохина, Шмелева 1964) занял примерно 10 лет²².

5. Возвращение этнографии города в Ленинград/Петербург

Н. В. Юхнева и начало этнографического петербурговедения

В экспедиционных поездках Крупянской на Урал участвовала сотрудник Ленинградской части ИЭ Наталия Васильевна Юхнева. Ее интерес к этнографии рабочих не был случайным. Свой диплом на историческом факультете Ленинградского университета о российских сельскохозяйственных рабочих в 1860-е гг., а позже и кандидатскую диссертацию «Рабочее движение в Петербурге в 1901 г.» она писала под руководством ученика Лаппо-Данилевского, крупнейшего советского историографа и источниковеда Сигизмунда Натанович Валка (Юхнева 2005: 5). Вкус к работе с источниками, привитый Валком,

²² Следует упомянуть также об еще одном центре изучения этнографии города в СССР. Ольга Александровна Сухарева, работавшая в Институте истории и археологии АН Узбекской ССР, а после выхода на пенсию в ИЭ в Москве, занималась исследовала Бухару, Шахрисябз, Карши. В основном ее интересовал дореволюционный период (Сухарева, 1958, Сухарева, 1962, Сухарева, 1976). Соколовский видит в ее исследованиях некоторое сходство с западной эволюционистской и ориенталистской ориентацией на изучение «неевропейских городов» (Соколовский, 2014: 131). Среди учеников Сухаревой, защитивших диссертации по городской тематике можно назвать лишь таджикистанца Назиржона Очилович Турсунова (Турсунов, 1969). Его кандидатская диссертация посвящена ткачеству в Ходженте. Но наряду с ткачеством в ней есть общий очерк о Ходженте, описание населяющих его этнических общностей, описание ремесленников как социальной группы с ее внутренней дифференциацией и развитыми корпорациями. В докторской диссертации Турсунов описывает города Северного Таджикистана с округой — Ходжент, Ура-Тюбе и др. (Турсунов, 1979) то есть продолжает изучение проблематики, интересовавшей Сухареву, но уже применительно к Северному Таджикистану, который она не смогла охватить в ходе своих экспедиционных поездок

способствовал тому, что со временем она переключилась на изучение Петербурга/Ленинграда и стала основоположником исторической этнодемографии города в СССР. Данное исследовательское направление опирается в основном на архивные материалы и статистические источники. Помимо рассмотрения этнического состава города в разные периоды Юхнева дала подробные описания этнических групп Петербурга (Юхнева, 1982; Юхнева, 1984 и др.). Ее влияние чувствуется также в работах ее коллег по отделу восточнославянской этнографии петербургских этносоциологов Галины Васильевны Старовойтовой и Марины Эдуардовны Коган. Американский политолог, специалист по России и вопросам урбанистики Блэр А. Рубл указывает, что монографии Юхневой (Юхнева, 1984) и Старовойтовой (Старовойтова, 1987) «являются и работами примечательной искусности [subtlety] и совершенства [sophistication]. Благодаря мастерскому сочетанию исторических и современных, качественных и количественных исследовательских методов, обе книги демонстрируют желание, к сожалению отсутствующее в западной социальной науке, рассматривать разнообразные исследовательские стратегии как взаимодополняющие, скорее чем взаимоисключающие» (Ruble, 1989).

Последние годы жизни Юхнева была сотрудником отдела европеистики Музея антропологии и этнографии РАН, образованного на основе ЛЧ ИЭ. Здесь ее коллегами стали в частности Юлия Валерьевна Бучатская, которая опубликовала ряд работ по городам современной Германии, и Денис Сергеевич Ермолин, изучающий городскую проблематику на балканском материале. Но они не являются прямыми учениками Юхневой, поскольку занимаются главным образом полевой работой, а не архивными изысканиями и работой со статистическими материалами.

Кластеры этнографов/антропологов города в современном Петербурге

Информационная открытость российского общества с рубежа 1980-х — 1990-х гг., доступ к информационным технологиям, зарубежные стажировки позволили российским исследователям более полно ознакомиться с достижениями зарубежной науки, в том числе городской антропологии. Изменившаяся ситуация с финансированием, которая выразилась, с одной стороны, в сокращении денег, выделяемых государством на экспедиционную деятельность, а с другой стороны, в доступе к зарубежным грантообразующим фондам, привела к переключению

внимание многих этнографов на городскую проблематику. В результате в современной России возникло около двадцати исследовательских группирований, исследующих город (Винер, Дивисенко, 2018).

В Петербурге сегодня можно выделить несколько группирований (или кластеров) этнографов города/городских антропологов²³ (см. рисунок 1). Первым из этих группирований стал созданный бывшим сотрудником ленинградской части Института социологии АН СССР Виктором Михайловичем Воронковым на рубеже 1980-х — 1990-х гг. **Центр независимых социологических исследований**. Сотрудники ЦНСИ обычно называют себя социологами. Многие из них имеют социологическое образование. При этом некоторые из бывших сотрудников, например, Ирина Владимировна Ивлева, окончили факультет социологии СПбГУ по кафедре культурной антропологии и этносоциологии. Особенностью центра является использование исключительно качественных методов исследований. Одно из направлений деятельности ЦНСИ — исследование этничности в городской среде (Бредникова, Паченков, 2002; Воронков, Паченков, Чикадзе, 2001; Ivleva, Patchenkov, 2003).

Межфакультетский центр Европейского университета в Санкт-Петербурге «**Петербургская иудаика**» был создан как некоммерческое партнерство в 1999 г. Занимающийся еврейской этнологией и фольклором химик Валерий Аронович Дымшиц и историк Виктор Ефимович Кельнер, опираясь на поддержку ряда грантообразующих фондов, смогли привлечь единомышленников, интересующихся еврейской культурой, и договорились с Европейским университетом в Петербурге (ЕУ) о создании Межфакультетского центра «Петербургская иудаика», ассоциированного с ЕУ. До лишения университета лицензии на преподавательскую деятельность «Петербургская иудаика» предлагала студентам ЕУ, а также других университетов годичную программу по иудаике. Полевыми этнографическими исследованиями

²³ В части, посвященной современному Петербургу мы описываем лишь тех исследователей города, которые входят в выделенные нами группирования. Методика определения таких группирований описана в нашей предыдущей публикации (Винер, Дивисенко, 2018). Здесь скажем лишь, что при выделении исследовательских группирований мы учитывали четыре вида связей между учеными: 1) соавторство; 2) отношения учитель-ученик; 3) совместная работа в одном подразделении или в небольшом учреждении, совместное участие в экспедициях, грантовых проектах и т. п.; 4) участие в одном и том же сборнике по этнографии города.

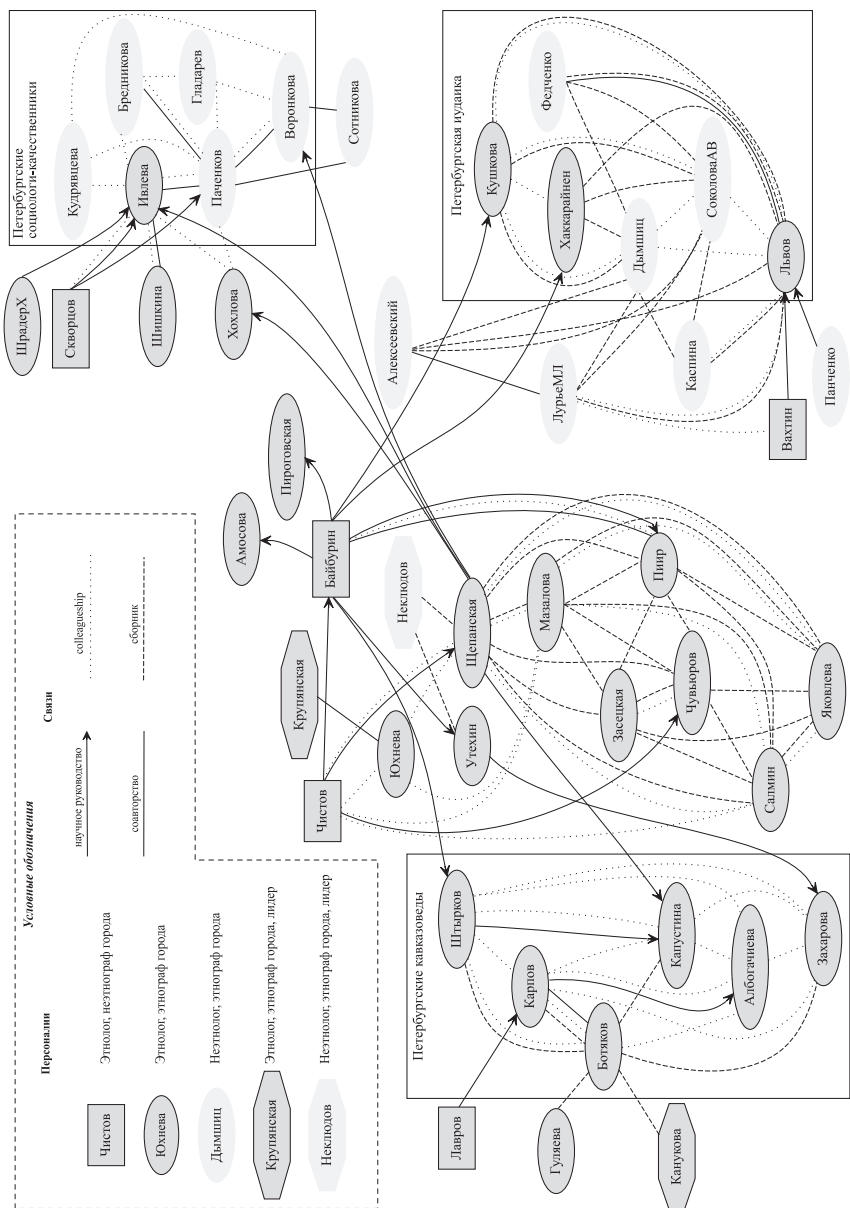

Рис. 1

в этом центре занимаются прежде всего Дымшиц, этнолог Александр Леонидович Львов и архитектор Алла Викторовна Соколова. В ряде экспедиций к ним присоединились бывшие студенты «Петербургской иудаики», этнологи Анна Николаевна Кушкова и Марина Валентиновна Хаскеррайнен, а также филолог-преподаватель СПбГУ Валентина Владимировна Федченко и фольклорист-преподаватель ЕУ Михаил Лазаревич Лурье. Однако для Лурье еврейская тематика не входит в число приоритетов. Он в большей мере занимается городскими сюжетами в русском фольклоре и участвует в полевых проектах нескольких организаций. Кроме того, в экспедициях «Петербургской иудаики» принимали участие сотрудники других научных учреждений Петербурга и Москвы. По материалам экспедиций центра в бывшие местечки Правобережной Украины был издан сборник статей (Дымшиц, 2008).

Городская проблематика смогла привлечь внимание многочисленных учеников сотрудника МАЭ РАН и профессора ЕУ Альберта Кашфуллович Байбурина. Это **группирование учеников Байбурина** является достаточно пестрым по объектам их диссертационных исследований: Илья Владимирович Утехин изучал петербургские коммуналки, Мария Михайловна Пироговская — русскую городскую культуру 1860-х — 1910-х гг., Александра Михайловна Пиир — советскую городскую повседневность. Этих исследователей, а также других учеников Байбурина объединяет интерпретация материала с помощью приемов этнографической семиотики. Интересно, что сам Байбурина собственно городской этнографией не занимается. Представители данного группирования являются сотрудниками в основном петербургских организаций (ЕУ в СПб, МАЭ РАН, РЭМ). Поскольку объекты интереса перечисленных исследователей имеют мало общего между собой, вряд ли их можно группированием однопорядковым большинству кластеров, которые мы выявили в ходе исследования российских этнографов/антропологов города (Винер, Дивисенко, 2018). Эту ситуацию мы акцентируем тем, что на рисунке не обозначаем границы данного группирования.

Кластер **МАЭ-РЭМ** появился позже всех остальных, весьма аморфен, и его название является достаточно условным. Центральной фигурой здесь является сотрудник МАЭ Наталья Евгеньевна Мазалова, которая ведет с 2014 г. ведет в музее семинар «Этнография Санкт-Петербурга и Северо-Запада России: механизмы регулирования традиции». Тематика докладов на семинаре довольно пестрая. Кроме ученых, здесь с сообщениями выступают общественные активисты,

защищающие городскую среду, священнослужители, представители муниципальных образований, студенты и др. По материалам семинара был издан сборник статей (Мазалова, 2017). Лишь около трети из них можно отнести к области антропологии города. Остальные посвящены исследованиям сельской местности, истории, географии, социологии Петербурга или содержат воспоминания участников семинара. Ядро сборника образуют статьи сотрудников МАЭ РАН — уже упоминавшихся Мазаловой, Щепанской, Пиир, а также Антона Кирилловича Салмина, Татьяны Михайловны Яковлевой, а также присоединившихся к ним сотрудников Российского этнографического музея Александра Алексеевича Чувьюрова и Марины Львовны Засецкой. Участников семинара объединяет общий объект исследования — этнография/антропология Петербурга, а также влияние на многих из них со стороны Юхневой во время совместной работы в восточнославянском отделе под руководством Кирилла Васильевича Чистова, собирателя севернорусского фольклора, теоретика фольклористики и этнографии. Поскольку данное группирование находится в стадии формирования, мы пока не обозначаем на рисунке его границы.

Заключение

Как мы и отмечали во Введении, пока история изучаемой нами исследовательской области далека от полной ясности. Тем не менее нам удалось показать, что в середине 1920-х гг. в Ленинграде наметилась тенденция к проведению этнографических исследований в городской среде, что получило отражение в статье Пульнера о Гомеле. Мы полагаем, что при благоприятных обстоятельствах эта тенденция могла бы развиваться благодаря сочетанию интереса советских этнографов к городу и их возможному знакомству с работами представителей Чикагской школы. Однако существовавшая в стране политическая система препятствовала научной свободе, насильно навязывая исследователям идеологические представления, которые разрабатывались привилегированными научными функционерами, ассоциировавшимися с партийной верхушкой. Инструментом для навязывания идеологически выверенных формул стали Этнографическое совещание 1929 г. и другие подобные форумы. Однако в прагматических целях партия и государство допускали отступления от пропагандируемых ими же принципов. Подобная ситуация возникла во второй половине 1930-х гг., когда понадобилось показать успехи еврейского населения в советском стро-

ительстве. За неимением в еврейской среде традиционного крестьянства, которое, согласно решениям Этнографического совещания должно было находиться в центре внимания этнографов, пришлось позволить специалистам по еврейской этнографии включить в сферу их изучения и некрестьянские группы среди негородского еврейского населения, и евреев-горожан, что получило свое отражение в организации выставки «Евреи в царской России и СССР». К 1950-м гг. стало очевидно, что этнические различия в СССР будут существовать еще очень долго, причем, какие-то этнические особенности сохраняются не только в сельской, но и в городской среде. Это подвигло московских этнографов заинтересоваться сначала горнодобывающими и промышленными рабочими, а затем и этнографией города. В Ленинград этнография города пришла благодаря усилиям Юхневой, которая положила начало этнографическому петербурговедению и исторической этнодемографии города в СССР, а также оказала существенное влияние на петербургских этносоциологов. После распада Советского Союза информационная открытость и особенности финансирования науки создали благоприятные возможности для городской этнографии. В результате в современной России возникло примерно два десятка группирований исследующих городскую этнографию/антропологию, из них четыре в Петербурге: Центр независимых социологических исследований, Межфакультетский центр «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге, группа учеников Байбурина и кластер исследователей из МАЭ и РЭМ, группирующихся вокруг семинара Мазаловой.

Мы полагаем, что в будущем было бы целесообразным дополнительно изучить условия, которые в 1950-е — первую половину 1960-х гг. позволили советским этнографам непосредственно сформулировать задачу изучения этнографии города. По-видимому, здесь сказалась общая демократизация политической жизни в стране в послесталинский период, появление возможностей, хотя и в очень ограниченной форме, для политических дискуссий, а следовательно и для более свободного обсуждения социально-научной проблематики.

Источники

Абузов Степан Семенович (1898–1938) // Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб: Петербургское востоковедение, 2003 [http://memory.pvost.org/pages/abuzov.html] (дата обращения 5.05.2018).

- Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Некоторые проблемы этнографического изучения современного русского города // Советская этнография. 1964. № 5. С. 8–16.
- Бахтияров А. А. Брюхо Петербурга: Обществ.-физиол. очерки А. Бахтиярова. СПб.: Ф. Павленков, 1888. (Бахтияров А. А. Брюхо Петербурга: Очерки столичной жизни. СПб.: Ферт, 1994. 2-е изд.).
- Бредникова О. Е., Паченков О. В. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2000. № 2. С. 74–81.
- Винер Б. Е., Дивисенко К. С. Социальная структура исследовательской области этнография/антропология города в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018 (в печати).
- Воронков В., Паченков В., Чикадзе Е. (ред.). Невидимые грани социальной реальности. К 60-летию Эдуарда Фомина: Сборник статей по материалам полевых исследований. (Центр независимых социологических исследований. Труды. Вып. 9). СПб.: Б.и., 2001.
- Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб.: Б.и., 1794.
- Дымшиц В. А., Львов А. Л., Соколова А. В. (составит.). Штетл, XXI век: полевые исследования. (Studia Ethnologica; вып. 5). СПб: Изд-во Европейского университета, 2008.
- Иванов А. И. «Евреи в царской России и в СССР» — выставка достижений хозяйственного и культурного строительства в стране советов // Новое литературное обозрение, 2010, № 102. С. 158–182.
- Козер Л. А. Уильям Айзек Томас и Флориан Знанецкий // Козер Л. А. Мастера социологической мысли: идеи в историческом и социальном контексте. М.: Издательство НОРМА, 2006. С. 441–513.
- Крупянская В. Ю. Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX века // Советская этнография. 1953. № 1. С. 64–87.
- Крупянская В. Ю., Рабинович М. Г. Этнография города и промышленного поселка. Советская этнография. 1964. № 4. С. 118–125.
- Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951.
- Мазалова Н. Е. (отв. ред.). Антропология Петербурга: сборник статей к 85-летию со дня рождения Н. В. Юхнёвой. Ч. 1. СПб.: МАЭ РАН, 2017.
- Макарьев С. А. Полевая этнография. Краткое руководство и программа для сбора этнографических материалов в СССР / Под ред. проф. В. Г. Богораза-Тана. Л.: Этногр. экскурсионная комиссия Этноотд-ния Геофака Л. Г.У., 1928.
- Наумова О. Б. Портрет ученого. Ольга Александровна Сухарева. К 100-летию со дня рождения // Этнографическое обозрение. 2003. № 6. С. 94–114.
- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. — СПб.: МАЭ РАН, 2014. — 511 с. (Серия «Кунсткамера — Архив». Т. VII).

- Полищук Н. З історії відділу етнології російського народу Інституту етнології та антропології РАН // Народна творчість та етнграфія. 2005. № 4. С. 23–30.
- Пульнер И. Из жизни евреев Гомеля // Еврейское местечко в революции: Очерки / Под ред. проф. В. Г. Тана-Богораза. М.; Л.: Гос. изд., 1926. С. 157–196.
- Пульнер Исая Менделевич. Сайт *Отечественные этнографы и антропологи. XX век* [http://ethnographica.kunstkamera.ru/Пульнер_Исая_Менделевич] (дата обращения 28.03.2018).
- Решетов А. М. Крейнович // Большая Российская энциклопедия. Том 15. М.: 2010. С. 675. [<https://bigenc.ru/ethnology/text/2108877#>] (дата обращения 4.05.2018).
- Свободная энциклопедия Википедия. Макарьев Степан Андреевич. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Макарьев,_Степан_Андреевич] (дата обращения 6.05.2017).
- Совещание этнографов Ленинграда и Москвы (5/IV-11/IV 1929 г.) // Этнография. 1929. № 2. С. 111–144.
- Соколовский С. В. Городская повседневность, субкультуры и городская этнография. Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 18. Москва: Наследие ММКМ, 2014. С. 122–143.
- Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе. Л.: Наука, 1987.
- Сухарева О. А. К истории городов Бухарского ханства. Историко-этнографические очерки. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958.
- Сухарева О. А. Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент: Издательство АН УзССР, 1962.
- Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: Наука, 1976.
- Тумаркин Д. Д. (сост. и отв. ред.). Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Восточная литература, 2002.
- Тумаркин Д. Д. (сост. и отв. ред.). Репрессированные этнографы. Вып. 2. М.: Восточная литература, 2003.
- Турсунов Н. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX — начале XX в.): Автореф. дисс. на соиск. ученой степени канд. историч. наук. Л., 1969.
- Турсунов, Н. О. Развитие городской и сельской жизни Северного Таджикистана в XVIII — начале XX в.: Историко-этнографическое исследование: Автореф. дисс. на соиск. ученой степени докт. историч. наук. М., 1979.
- Чебоксаров Н. Н. Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих // Советская этнография. 1950. № 3. С. 107–122.
- Юхнева Н. В. Словацкие жестики в Петербурге // Юхнева Н. В. (отв. ред.). Старый Петербург: историко-этнографические исследования. Ленинград: Наука, 1982. С. 114–128.

- Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX — начало XX века: Статистический анализ. Л.: Наука, 1984.
- Юхнева Н. В. О себе // Юхнева Н. В. Статьи разных лет. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 5–17.
- Ivleva I., Patchenkov O. Street Traders in St Petersburg. Arnsberg, Boren (eds.) *Everyday Economy in Russia, Poland and Latvia. Soedertoern Academic Studies 16*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International: 129–145.
- Prato G. B., Pardo I. Urban Anthropology // *Urbanities*. 2013. Vol. 3. No 2. P. 80–110.
- Ruble B. A. St. Petersburg-Leningrad as a Multicultural City // *Slavic Review*. 1989. Vol. 48. No 4. P. 641–646.
- Thomas W., Znaniecki F. Polish Peasant in Europe and America: monograph of an immigrant group. Vol. 1. Boston, MA: Richard G. Badger, The Gorham Press, 1918.

References

- Abuzov Stepan Semenovich (1898–1938) // *Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskiy slovar' vostokovedov — zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991)*. SPb.: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2003 [http://memory.pvost.org/pages/abuzov.html] (access 5.05.2018).
- Anokhina L. A., Shmeleva M. N. Nekotoryye problemy etnograficheskogo izucheniya sovremennoy russkogo goroda // *Sovetskaya etnografiya*. 1964. No 5. P. 8–16.
- Bakhtiarov A. A. Bryukho Peterburga: Obschestv.-fiziol. ocherki A. Bakhtiarova. SPb.: F. Pavlenkov, 1888. (Bakhtiarov A. A. Bryukho Peterburga: Ocherki stolichnoy zhizni. 2nd ed. SPb.: Fert, 1994).
- Brednikova O. Ye., Pachonkov O. V. Etnichnost' "etnicheskoy ekonomiki" i sotsial'nyye seti migrantov // *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2000. No 2. P. 74–81.
- Cheboksarov N. N. Etnograficheskoye izucheniye kul'tury i byta moskovskikh rabochikh // *Sovetskaya etnografiya*. 1950. № 3. P. 107–122.
- Dymshits V. A., Lvov A. L., Sokolova A. V. (comp.). Shtetl, XXI vek: polevyye issledovaniya. (*Studia Ethnologica*; vyp. 5). SPb.: Izd-vo Yevropeyskogo universiteta, 2008.
- Georgi I. G. Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey. SPb.: B.i., 1794.
- Ivanov A. I. "Yevrei v tsarskoy Rossii i v SSSR" — vystavka dostizheniy khozyaystvennogo i kul'turnogo stroitel'stva v strane sovetov // *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2010, No 102. P. 158–182.
- Ivleva I., Patchenkov O. Street Traders in St Petersburg. Arnsberg, Boren (eds.) *Everyday Economy in Russia, Poland and Latvia. Soedertoern Academic Studies 16*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International: 129–145.
- Koser L. A. Uil'yam Ayzek Tomas i Florian Znanetskiy // Koser L. A. *Mastera sotsiologicheskoy mysli: idei v istoricheskom i sotsial'nom kontekste*. M.: Izdatel'stvo NORMA, 2006. P. 441–513.
- Krupyanskaya V. Yu. Opyt etnograficheskogo izucheniya ural'skikh rabochikh vtoroy poloviny XIX veka // *Sovetskaya etnografiya*. 1953. No 1. P. 64–87.
- Krupyanskaya V.YU., Rabinovich M. G. Etnografiya goroda i promyshlennogo poselka. *Sovetskaya etnografiya*. 1964. No 4. P. 118–125.
- Kushner P. I. Etnicheskiye territorii i etnicheskoye granitsy. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951.
- Mazalova N. Ye. (ed.). *Antropologiya Peterburga: sbornik statey k 85-letiyu so dnya rozhdeniya N. V. Yukhnovoy. Part 1*. SPb.: MAE RAN, 2017.
- Makar'yev S. A. Polevaya etnografiya. Kratkoye rukovodstvo i programma dlya sbora etnograficheskikh materialov v SSSR / Ed. by V. G. Bogoraz-Tan. L.: Etnogr. ekskursionnaya komissiya Etnootd-niya Geofaka L. G.U., 1928
- Naumova O. B. Portret uchenogo. Ol'ga Aleksandrovna Sukhareva. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya // *Etnograficheskoye obozreniye*. 2003. No 6. P. 94–114.
- Ot klassikov k marksizmu: soveshchaniye etnografov Moskvyy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.) / Ed. by D. V. Arzyutov, S. S. Alymov, D. J. Anderson. SPb.: MAE RAN, 2014. — 511 s. (Seria «Kunstkamera-Arhiv», T.VII).
- Polishchuk N. Z istoriyi viddilu etnologiyi rosiyskogo narodu Institutu Etnologiyi ta Antropologiyi RAN // *Narodna tvorchist' ta etnografiya*. 2005. No 4. P. 23–30.
- Prato G. B., Pardo I. Urban Anthropology // *Urbanities*. 2013. Vol. 3. No 2. P. 80–110.
- Pul'ner I. Iz zhizni yevreyev Gomelya // *Yevreyskoye mestechko v revolyutsii: Ocherki* / Ed. by V. G. Tan-Bogoraz. M.; L.: Gos. izd., 1926. P. 157–196.
- Pul'ner Isay Mendelevich. Sight *Otechestvennyye etnografy i antropologii. 20 vek* [http://ethnographica.kunstkamera.ru/Pul'ner_Isay_Mendelevich] (access 3.28.2018).
- Reshetov A. M. Kreynovich // *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya*. Tom 15. M.: 2010. P. 675. [https://bigenc.ru/ethnology/text/2108877#] (access 5.04.2018).
- Ruble B. A. St. Petersburg-Leningrad as a Multicultural City // *Slavic Review*. 1989. Vol. 48. No 4. P. 641–646.
- Svobodnaya entsiklopediya Vikipediya. Makar'yev Stepan Andreyevich. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Makar'yev,_Stepan_Andreyevich] (access 5.06.2017).
- Soveshchaniye etnografov Leningrada i Moskvyy (5/IV-11/IV 1929 g.) // *Etnografiya*. 1929. No 2. P. 111–144.
- Sokolovskiy S. V. Gorodskaya povsednevnost', subkul'tury i gorodskaya etnografiya. *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii*. Vyp. 18. Moskva: Naslediye MMKM, 2014. P. 122–143.
- Starovoytova G. V. Etnicheskaya gruppa v sovremennoy sovetskom gorode. L.: Nauka, 1987.
- Sukhareva O. A. K istorii gorodov Bukharskogo khanstva. *Istoriko-etnograficheskoye ocherki*. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, 1958.

- Sukhareva O. A.* Pozdnefeodal'nyy gorod Bukhara kontsa XIX — nachala XX veka. Remeslennaya promyshlennost'. Tashkent: Izdatel'stvo AN UzSSR, 1962.
- Sukhareva O. A.* Kvartal'naya obshchina pozdnefeodal'nogo goroda Bukhary (v svyazi s istoriyey kvartalov). M.: Nauka, 1976.
- Thomas W., Znaniecki F.* Polish Peasant in Europe and America: monograph of an immigrant group. Vol. 1. Boston, MA: Richard G. Badger, The Gorham Press, 1918.
- Tumarkin D. D.* (comp. & ed.). Repressirovannyye etnografy. Vyp. 1. M.: Vostochnaya literatura, 2002.
- Tumarkin D. D.* (comp. & ed.). Repressirovannyye etnografy. Vyp. 2. M.: Vostochnaya literatura, 2003
- Tursunov N.* Iz istorii gorodskogo remesla Severnogo Tadzhikistana (tkatskiye promysly Khodzhenata i yego prigorodov v kontse XIX — nachale XX v.): Avtoref. diss. na soisk. uchenoy stepeni kand. istorich. nauk. L., 1969.
- Tursunov, N. O.* Razvitiye gorodskoy i sel'skoy zhizni Severnogo Tadzhikistana v XVIII — nachale XX v.: Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye: Avtoref. diss. na soisk. uchenoy stepeni dokt. istorich. nauk. M., 1979.
- Voronkov V., Pachenkov V., Chikadze Ye.* (eds.). Nevidimyye grani sotsial'noy real'nosti. K 60-letiyu Eduarda Fomina: Sbornik statey po materialam polevykh issledovaniy. (Tsentr nezavisimyykh sotsiologicheskikh issledovaniy. Trudy. Vyp. 9). SPb.: B.i., 2001.
- Wiener B. E., Divisenko K. S.* Sotsial'naya struktura issledovatel'skoy oblasti etnografiya/antropologiya goroda v rossiyskoy etnologii // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 2018 (in print).
- Yukhneva N. V.* Slovatskiye zhestyanshchiki v Peterburge // Yukhneva N. V. (ed.). Staryi Peterburg: istoriko-etnograficheskiye issledovaniya. Leningrad: Nauka, 1982. S. 114–128.
- Yukhneva N. V.* Etnicheskiy sostav i etnosotsial'naya struktura naseleniya Peterburga. Vtoraya polovina 19 — nachalo 20 veka: Statisticheskyy analiz. L.: Nauka, 1984.
- Yukhneva N. V.* O sebe // Yukhneva N. V. Stat'i raznykh let. SPb.: MAE RAN, 2005. P. 5–17.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

М. В. Масловский

РЕЛЯЦИОННАЯ ВЕРСИЯ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО АНАЛИЗА И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ РОССИЙСКИМИ СОЦИОЛОГАМИ

В последние два десятилетия происходило становление цивилизационного анализа как новой парадигмы мировой исторической социологии. В рамках данного подхода выделяется «реляционное» направление, ведущим представителем которого выступает Й. Арнасон. В работах этого социолога подчеркивается значение межцивилизационного взаимодействия для динамики традиционных цивилизаций и различных форм модерности. Арнасон характеризует взаимоотношения Запада с другими цивилизациями как взаимодействие местных традиций, западных традиций и различных интерпретаций модерности. Особое внимание этот исследователь уделяет анализу динамики советской модели модерности. Советская система определяла себя как альтернативу западной либеральной модерности и стремилась превзойти западные общества в экономической, политической и культурной сферах. В целом Арнасон считает возможным говорить не о советской цивилизации, но о советской модели модерности, обладавшей лишь некоторыми цивилизационными характеристиками. Тем не менее, во взаимодействии СССР со странами Запада могут быть выделены цивилизационные аспекты. Концепция Арнасона выступает как альтернативная по отношению к анализу «сталинизма как цивилизации» С. Коткина и концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. Опираясь на веберовскую традицию в исторической социологии, Арнасон предложил оригинальный взгляд на межцивилизационные взаимодействия периода модерности. Интерес к цивилизационному анализу в версии Арнасона проявился в работах отечественных исследователей с начала 2010-х гг. Важным шагом к более широкой рецепции данного подхода стали конференция «Цивилизационная динамика современных обществ», проходившая в СИ РАН в 2011 г., и последующие публикации ряда российских социологов. В настоящее время идеи Арнасона используются в сравнительно-исторических исследованиях, в частности, цивилизационной динамики России и стран Латинской Америки.

Ключевые слова: историческая социология, цивилизационный анализ, множественные модерности, межцивилизационное взаимодействие

Цивилизационный подход получил широкое распространение в отечественной литературе в 1990-е гг. В этот период значительное внимание уделялось идеям А. Тойнби, П. А. Сорокина, представителей евразийства, а затем вырос интерес к концепции столкновения цивилизаций американского политолога С. Хантингтона. Следует отметить, что подход Хантингтона обсуждался не только в научной литературе, но и в еще большей степени в политической публицистике. При этом восприятие концепции американского политолога во многом определялось идеологическими установками российских авторов, обращавшихся к данной концепции. Так, сторонники либеральных идей, как правило, негативно оценивали тезис о столкновении цивилизаций. В то же время представители «государственнических» идеологических течений в основном соглашались с указанным тезисом, но в отличие от Хантингтона, они чаще подчеркивали «евразийский», а не православный характер российской цивилизации (Tsygankov 2003: 63–65).

В 1990-е годы российские социологи в основном не участвовали в дискуссиях вокруг концепции столкновения цивилизаций. С одной стороны, среди них была распространена точка зрения, что концепция Хантингтона являлась релевантной скорее для политологии и исследований международных отношений, чем для социологии. С другой стороны, идеологический аспект дискуссий о столкновении цивилизаций также не способствовал включению в них отечественных социологов. В конечном итоге тезис Хантингтона в значительной мере послужил препятствием для рецепции социологами цивилизационного подхода. Волна политической публицистики вокруг концепции Хантингтона если и не полностью дискредитировала данный подход, то породила серьезные сомнения в его адекватности. Тем не менее ни сторонники, ни критики концепции Хантингтона практически не упоминали цивилизационный анализ в исторической социологии.

Становление цивилизационного анализа как новой парадигмы мировой исторической социологии происходило в последние два десятилетия (Arnason 2001; Knöbl 2011; Spohn 2011; Арнасон 2014). Как подчеркивает Джереми Смит, необходимо проводить разграничение между прежними цивилизационными подходами, которые, как правило, не являлись социологическими, и «современным цивилизационным анализом» как социологической парадигмой (Smith 2017: 5). В целом Смит выделяет в рамках данной парадигмы три основных направления, которые он характеризует как «процессуальное», «интегративное» и «реляционное». Ведущими представителями указанных на-

правлений выступают, соответственно, Н. Элиас, Ш. Эйзенштадт и Й. Арнасон (Smith 2017: 28–29). Прежде чем рассмотреть реляционную версию современного цивилизационного анализа, кратко охарактеризуем два других направления.

Немецкий ученый Норберт Элиас считается сегодня одним из классиков исторической социологии. Созданная им еще в 1930-е годы концепция процесса цивилизации оказала существенное влияние на развитие исторической социологии в странах Запада в последние десятилетия. С точки зрения Элиаса, важнейшей характеристикой процесса цивилизации является постепенное усиление самоконтроля индивидов, в структуре личности которых все большее значение приобретает тот уровень, который Фрейд обозначил как Сверх-Я. Согласно Элиасу, хотя в современных западных обществах могут наблюдаться различия в уровне самоконтроля поведения индивидов, эти различия оказываются не столь существенными при сопоставлении с формами поведения, характерными для менее дифференцированных обществ.

Как утверждает Элиас, изменения в психической структуре личности могут быть поняты лишь на основе анализа изменений в общественных отношениях. В этой связи он подробно рассматривает процесс усиления государственной власти в странах Западной Европы при переходе к абсолютной монархии. Кроме того, Элиас выделяет более широкий процесс усиления социальной дифференциации, сопровождающийся расширением взаимодействия индивидов и социальных групп. Согласно Элиасу, «вместе с дифференциацией социальной сети более дифференцированным, всесторонним и стабильным становится и социогенный аппарат психического самоконтроля» (Элиас 2001: 242). Усложнение социальной структуры способствует развитию самоконтроля и саморегуляции индивидуального поведения.

В 1990-е годы в мировой социологии продолжается обсуждение различных сторон научного творчества Элиаса. В то же время представления о месте его идей в современной социальной теории постепенно изменяются. При жизни этого социолога его сравнительно немногочисленные последователи «создали миф об “одиноким мыслителе”, который обратился к исследованию ранее неведомой области» (Руткевич 2001: 367). Но в дальнейшем все большее внимание начинает уделяться преемственности между идеями ведущих немецких социологов классического периода и концепцией Элиаса. Кроме того, эта концепция нередко рассматривается в контексте развития социологии

с 1930-х годов прошлого столетия до начала XXI века (Smith 2001). Однако отмечалось, что Элиас, сосредоточив внимание на динамике формирования государства, не учитывал процессы взаимодействия между цивилизациями (Smith 2017: 37–38).

Вклад Ш. Эйзенштадта в историческую социологию заключался, прежде всего, в разработке теоретических основ сравнительного исследования традиционных цивилизаций «осевого времени». Понятие «осевого времени» представлено в философии истории К. Ясперса, который рассматривал исторический период с VIII по III века до н. э. как эпоху интеллектуальной и духовной трансформации, наложившей отпечаток на дальнейшее цивилизационное развитие Европы, Ближнего Востока, Индии и Китая. Эйзенштадт заменил эту абстрактную модель социологическим анализом взаимодействия сферы культуры и различных социальных сил. Согласно Эйзенштадту, в эпоху «осевого времени» сформировалось новое видение мира, подчеркивавшее различие между сферой повседневной жизни и трансцендентной реальностью. Это привело к двойственным последствиям, поскольку ссылки на трансцендентную реальность могли использоваться как для легитимации власти правящей элиты, так и оправдания протеста и оспаривания этой власти (Arnason 2015: 149).

Вместе с тем особый интерес для современной социологии представляет осуществленный Эйзенштадтом анализ цивилизационной динамики модерности и роли революций в этом процессе (Эйзенштадт 1999). С точки зрения Эйзенштадта, возникновение цивилизаций «осевого времени» и переход к модерности представляли собой два наиболее значительных процесса социокультурных изменений в мировой истории (Eisenstadt 2000: 19). Однако следует отметить, что анализ различных версий современного общества в его работах носит не столь завершённый и систематический характер, как его исследования цивилизаций «осевого времени».

В ходе дискуссии о современном значении идей Эйзенштадта всестороннюю оценку его вклада в социологическую теорию представил немецкий социолог В. Шпон. Как отмечает этот исследователь, в отличие от ранних версий теории модернизации концепция Эйзенштадта подчеркивает контингентный, противоречивый и даже антиномичный характер этого процесса. Эйзенштадт рассматривал цивилизации не как замкнутые целостности, но как «цивилизационные комплексы со своим центром и периферией, доминирующими и подчиненными уровнями, напряжением и противоречиями, межцивилизационными

и трансцивилизационными взаимосвязями и взаимодействиями» (Spohn 2011: 286).

Характеризуя особенности цивилизационного анализа в версии Эйзенштадта, В. Шпон указывает, что данный подход подчеркивает роль конфликтов в процессе политических изменений, но обращает внимание не на конфликт материальных интересов, а прежде всего, на культурные противоречия. При этом первостепенное значение придается влиянию традиций, сложившихся в различных религиях, империях, цивилизациях. В целом «различные цивилизационные основания и рамки порождают разнообразные программы политической модерности и процессы политической модернизации» (Spohn 2010: 60). Вместе с тем подход Эйзенштадта подвергался критике за то, что он сосредоточен преимущественно на культурных факторах и их влиянии на политическую сферу, но игнорирует другие сферы общественной жизни. Логика концепции Эйзенштадта, проявившаяся в его исследованиях цивилизаций «осевого времени», приводит к выделению «зависимости от колеи» как фактора преемственности в развитии цивилизаций (Knöbl 2011).

Один из наиболее влиятельных теоретических подходов в рамках цивилизационного анализа был разработан Йоханом Арнасоном. Этот социолог, родившийся в Исландии, большую часть профессиональной карьеры провел в Австралии, где он, в частности, редактировал журнал “Thesis Eleven”. Социологическая концепция Арнасона основывается на различных направлениях европейской философии и социологии: от феноменологического марксизма до веберовской социологической теории. Ранние работы Арнасона, опубликованные в 1970-е годы, посвящены проблематике неомарксистской критической теории. Опираясь на антропологические основания марксизма, он критиковал ряд теоретических положений представителей Франкфуртской школы, прежде всего Г. Маркузе. С точки зрения Арнасона, сторонники Франкфуртской школы сосредоточили внимание на развитии инструментальной рациональности, не учитывая в должной мере социокультурную динамику капитализма. Чтобы преодолеть односторонность такого подхода, Арнасон обращается к французской социальной мысли, в особенности к идеям К. Кастириадиса.

В 1980-е гг. теоретические интересы Арнасона смещаются в направлении исторической макросоциологии. В этот период он разрабатывает собственную версию сравнительного анализа цивилизаций. На формирование его концепции, несомненно, повлияла веберовская

традиция в исторической социологии. Вместе с тем Арнасон принимал веберовский подход в социологии культуры, но не предложенную Вебером формулировку теории рационализации. Собственная теоретическая позиция Арнасона нередко характеризовалась как «поствеберовская». Как отмечает немецкий социолог В. Кнебль, работы Арнасона по проблемам цивилизационного анализа могут быть интерпретированы как непрерывный диалог с Эйзенштадтом, причем в ходе этого диалога сам Эйзенштадт был вынужден изменить свою точку зрения по ряду вопросов (Knöbl 2011: 15). В целом Арнасон не возражает против выделения «осевого времени» в качестве ключевого момента в формировании ряда цивилизаций. Вместе с тем он не считает, что дальнейшая эволюция цивилизаций полностью определялась в эпоху «осевого времени». Арнасон понимает культуру как «констелляцию», в рамках которой креативность социального действия и влияние случайных событий могут существенно изменить траекторию цивилизационной динамики (Knöbl 2011: 18).

По сравнению с Эйзенштадтом Арнасон в большей степени подчеркивает значение межцивилизационного взаимодействия (*intercivilizational encounters*). О такого рода взаимодействиях писал уже А. Тойнби. Британский историк различал взаимодействия, протекавшие в пространстве и во времени (ренессансы). При этом он особо выделял те процессы взаимодействия, которые привели к возникновению мировых религий, выходящих за рамки отдельной цивилизации. В дальнейшем были выдвинуты два варианта концепции межцивилизационного взаимодействия. У. Макнил сводил эти процессы, прежде всего, к передаче навыков и технологий от одной цивилизации к другой (McNeill 1998). В отличие от этого, Б. Нельсон делал акцент на взаимодействии «структур сознания» (Nelson 1981). В то же время Нельсон сосредоточил внимание на межцивилизационных взаимодействиях домодерных эпох и раннего современного периода. Так, он подробно рассматривал взаимоотношения средневекового Запада с Византией и исламским миром, а затем взаимодействие Запада и Китая. Арнасон развивает этот подход в своей статье «Понимание межцивилизационного взаимодействия» и других работах (Арнасон 2015).

По мнению Арнасона, понятие межцивилизационного взаимодействия вполне применимо и для изучения социальных процессов периода современности. Этот социолог характеризует взаимоотношения Запада с другими цивилизациями как взаимодействие местных традиций, западных традиций и различных интерпретаций современности, а также

альтернативных версий современности. Согласно Арнасону, на эволюцию российского общества повлияло сочетание всех перечисленных факторов. Он отмечает, что особенности российской традиции, которая «сочетала периферийное положение в западном мире с некоторыми чертами особой цивилизации» способствовали формированию установок, соединившей «отрицание западного модерна с претензиями на то, чтобы превзойти его» (Arnason 1993: 18).

Для российских исследователей особый интерес представляет то, что Арнасон осуществил анализ советской версии современности. В 1993 г. вышла книга Арнасона «Несбывшееся будущее. Происхождение и судьбы советской модели» (Arnason 1993). На сегодняшний день данная работа остается примером глубокого и всестороннего анализа обществ советского типа с позиций социологической теории. Впоследствии Арнасон неоднократно возвращался к проблематике коммунистической современности. В частности, он рассмотрел распространение советской модели как форму глобализации (Арнасон 2013). Статья «Коммунизм и модерн» содержит всесторонний теоретический анализ феномена коммунизма (Арнасон 2011). Кроме того, этот социолог осуществил сравнительный анализ динамики коммунистической версии современности в СССР и Китае (Arnason 2003).

Как подчеркивает Арнасон, советская система определяла себя как альтернативу западной либеральной современности и стремилась превзойти западные общества в экономической, политической и культурной сферах. При этом «экономический и технологический динамизм капиталистической системы должен был быть превзойден с помощью рационального планирования. Что касается демократии, советская модель отвергала институциональные рамки, созданные на Западе, но делалось это во имя якобы подлинного единства воли народа и государственной власти, что стало возможным благодаря отмене классовых привилегий... Наконец, амбиции превзойти Запад были наиболее выражены в науке: официальная доктрина представляла себя как всеобъемлющее научное мировоззрение, которое обеспечит подлинный прогресс науки, затрудненный в буржуазном мире классовыми интересами и реакционными идеологиями» (Арнасон 2011: 20).

Но, как показывает Арнасон, противостояние СССР со странами Запада приводило к различным последствиям в разных сферах. С его точки зрения, создание альтернативной мировой экономики оставалось «утопической фикцией». «На стадии формирования сталинского режима совпадение кризиса на Западе с началом советской

индустриализации способствовало сохранению иллюзии экономической независимости. Послевоенная экспансия расширила экономическую базу советского государства, но сталинистские интерпретации этих изменений — в особенности понятие “социалистического мирового рынка” — относились скорее к идеологии, чем к экономической политике» (Арнасон 2013: 74). Арнасон подчеркивает, что в особенности в последние два десятилетия перед крушением советской системы экономики стран реального социализма становились все более зависимыми от «капиталистического окружения».

В то же время экспансия советской модели до определенного момента являлась более успешной в политической сфере: «политическое наступление с целью глобального присутствия и доминирования было более эффективным, а его всемирные последствия — более значительными» (Арнасон 2013: 75). Арнасон выделяет две стадии глобального политического соперничества между советской моделью и западной либеральной модерностью. Он указывает, что имперская экспансия и мобилизация международного движения в сталинский период были достигнуты «средствами сверхтоталитарного режима». Дальнейшее развитие происходило в «более неопределенном контексте», когда глобальные позиции советского государства временно укрепились, но «политический союз режимов советского типа (несмотря на их сохраняющееся структурное сходство) был разрушен и не мог быть восстановлен» (Арнасон 2013: 75). В данном случае Арнасон обращает внимание на внутренний раскол в социалистическом лагере, связанный с советско-китайским конфликтом.

Согласно Арнасону, идеологический аспект «советского способа глобализации» следовал образцу, отличавшемуся от экономических и политических тенденций. С точки зрения его концепции, цивилизационную идентичность советской модели формировала «политическая религия» марксизма-ленинизма. В целом этот социолог считает возможным говорить не о советской цивилизации, но о советской модели модерности, обладавшей лишь некоторыми цивилизационными характеристиками. Тем не менее, во взаимодействии СССР со странами Запада могут быть выделены цивилизационные аспекты. Арнасон рассматривает такие аспекты, характеризуя восприятие советской модели на Западе. «Коммунистическая альтернатива возникла в условиях катастрофического крушения западного модерна (Первой мировой войны); она оформилась, когда западный мир испытал глобальный кризис, высвободивший разрушительные силы в развитых обществах;

в течение некоторого времени она представляла собой серьезный вызов западному блоку. Все эти причины привели к тому, что западные наблюдатели преувеличивали масштабы и потенциал альтернативной версии модерна. Иными словами, советская модель представляла собой цивилизационный мираж» (Арнасон 2011: 30).

Наряду с противостоянием советской системы и Запада, Арнасон рассматривает цивилизационные аспекты советско-китайского раскола. Он отмечает, что СССР и Китай представляли собой два основных центра коммунистической модерности, поэтому конфликт между ними во многом способствовал ее последующему кризису и упадку. Советская гегемония была поставлена под сомнение, когда «самый серьезный вызов был брошен единственной страной, которая могла стремиться стать альтернативным идеологическим и геополитическим центром» (Арнасон 2011: 29). Советско-китайский конфликт, который может быть охарактеризован как «вторая холодная война» (Арнасон 2003: 315), подорвал глобальные позиции коммунистической модели. При этом Арнасон указывает на цивилизационную составляющую советско-китайского противостояния, поскольку обе стороны «не просто придерживались различных стратегических целей, но были также разделены культурными барьерами коммуникации» (Арнасон 2013: 70).

Концепция Арнасона может рассматриваться как альтернативная по отношению к двум влиятельным подходам к изучению, с одной стороны, советской истории, а с другой стороны — системы международных отношений в период после окончания «холодной войны». Речь идет об исследовании «сталинизма как цивилизации» С. Коткина и концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. По сравнению с этими подходами концепцию Арнасона отличает более основательная проработка теоретических проблем. Опираясь на веберовскую традицию в исторической социологии, идеи Ш. Эйзенштадта и Б. Нельсона, этот социолог предложил оригинальный взгляд на междоцивилизационные взаимодействия периода модерности.

В отечественной социологии значение цивилизационного подхода для исследований социальных трансформаций, происходивших в российском обществе, подчеркивал, прежде всего, О. И. Шкаратан. В ряде его работ рассматривается проблематика «этакратизма» как особого социального строя и прослеживается «зависимость от колеи», проявившаяся в разные периоды российской истории (Шкаратан 2004; Шкаратан 2007; Шкаратан 2010). С точки зрения этого исследователя, многообразие траекторий общественного развития в конечном итоге

сводится к различию между двумя типами цивилизации: европейским и азиатским. Если для европейского типа характерно существование частной собственности, баланса интересов между гражданским обществом и государством и приоритета индивидуалистических ценностей, то азиатский тип отличает преобладание государственной собственности, всемогущество институтов государственной власти при фактическом отсутствии гражданского общества, а также преобладание общинных ценностей (Шкаратан 2010: 26).

В целом Шкаратан следует концепции «зависимости от колеи» предшествующего развития, которая прилагается в первую очередь к экономической и политической сферам, тогда как Эйзенштадт выделял главным образом роль культурного наследия определенной цивилизации. Вместе с тем, Шкаратан в определенной степени учитывает новые подходы к «многолинейности» социальной динамики, получившие отражение в различных версиях концепции множественных модерностей (Mouzelis 1999; Виттрок 2002). Шкаратан делает вывод о том, что в современном мире различные типы социальной и политической организации во многом зависят от цивилизационного фактора.

С таких позиций он сравнивает сегодняшнюю Россию с посткоммунистическими странами Центрально-Восточной Европы. С его точки зрения, Россия образовывала ядро системы «этакратизма», тогда как западная периферия советского блока отчасти сохраняла европейские институты и ценности и в коммунистический период (Шкаратан 2010: 31). В обоих случаях цивилизационное наследие сыграло значимую роль в ходе посткоммунистических трансформаций. Как указывает Шкаратан, если страны Центрально-Восточной Европы в основном смогли преодолеть наследие этакратизма, то в России этот социальный строй был трансформирован лишь частично, причем не произошло решительного поворота к частной собственности, гражданскому обществу и демократическим политическим институтам.

Следует отметить, что некоторые положения предложенного Шкаратаном подхода подверглись критике со стороны российских исследователей. В частности, указывалось, что данный подход нацелен на поиск наследия прежних исторических периодов в радикально изменившемся социально-экономическом, политическом и культурном контексте современного российского общества. При этом теория этакратизма не учитывает в полной мере культурный потенциал различных социальных групп и их способность создавать новые институты

(Козловский 2017: 11). Кроме того, подчеркивалось, что исторические аналогии, которые использует Шкаратан, не объясняют того, каким образом этакратические структуры могли сохраняться в течение столетий в разнообразных социальных условиях (Ильин 2017: 42). По мнению В. И. Ильина, наследие советских экономических структур в большей степени повлияло на ход постсоветских трансформаций в России, чем более древние формы исторического наследия, связанные с социальной структурой и православной религией.

Интерес к концепции цивилизационного анализа в версии Арнасона проявился в работах отечественных исследователей с начала 2010-х гг. Важным шагом к более широкой рецепции данного подхода стала конференция «Цивилизационная динамика современных обществ», проходившая в СИ РАН в сентябре 2011 г. В данной конференции приняли участие ведущие представители цивилизационного анализа в мировой социологии Й. Арнасон и Б. Виттрок. Материалы конференции, в том числе пленарный доклад Арнасона (Арнасон 2012), были опубликованы в специальном выпуске «Журнала социологии и социальной антропологии». Различные аспекты концепции Арнасона рассматривались в ряде работ российских и белорусских социологов (Браславский 2012; Масловский 2012; Прозорова 2014; Титаренко 2016).

Обсуждение отечественными исследователями места цивилизационного анализа в сегодняшней социологии в значительной мере опирается на концепцию Арнасона. Как отмечают, в частности, Р. Г. Браславский и М. В. Масловский, в соответствии с цивилизационной перспективой в социологическом анализе социальные изменения не могут рассматриваться ни как реализация присущих отдельным цивилизациям неизменных культурных программ, ни как выражение универсальной логики структурно-институциональной эволюции (Браславский, Масловский 2014: 47). Современная социологическая парадигма цивилизационного анализа порывает с распространенными представлениями о цивилизациях как замкнутых, гомогенных социокультурных целостностях. В социологическом цивилизационном анализе подчеркивается «гетерогенность, амбивалентность и антиномичность культурных предпосылок цивилизационных формаций» (Браславский, Масловский 2014: 49). Кроме того, особенностью социологической цивилизационной парадигмы является «акцент на цивилизационных трансформациях, “прорывах”, инновациях и роли межцивилизационных взаимодействий» (Браславский, Масловский 2014: 49).

Ю. А. Прозорова также обращается к понятию межкультурного взаимодействия, разработанному Б. Нельсоном и Й. Арнасоном. Она отмечает, что ориентация на западные институциональные и культурные паттерны играло значительную роль в трансформационных процессах в России. Накануне распада СССР и в первые постсоветские годы получила преобладание идея универсальности западного проекта модерности. В особенности это было характерно для первой половины 1990-х гг., когда российское общество демонстрировало высокую степень открытости по отношению к западному влиянию (Прозорова 2014: 59–60). Вместе с тем политический дискурс последнего десятилетия отличает «консервативный поворот», связанный с антизападной риторикой и акцентом на уникальной цивилизационной идентичности России. В результате взаимодействие с Западом приобретает «более ограниченный, “селективный” и ревизионистский характер» (Прозорова 2014: 66). Очевидно, социологический цивилизационный анализ может внести существенный вклад в изучение «консервативного поворота» в российской политике, выделяющего роль России как европейской цивилизации, не следующей западным путем развития (Laguelle 2016).

Следует отметить, что с позиций концепции Арнасона рассматривался также пример современной Беларуси. Как указывает Л. Г. Титаренко, данная концепция содержит глубокий теоретический анализ советской модели модерности. С ее точки зрения, сегодняшняя Беларусь представляет собой вариант советской модели, сохранившийся после распада СССР. Титаренко подчеркивает высокую степень преемственности между советской системой и современной Беларусью в экономической и политической сферах. В то же время идеология марксизма-ленинизма утратила свое значение. На смену ей пришел транслируемый официальными средствами массовой информации образ «свободного от конфликтов государства благосостояния» (Титаренко 2012: 211). Однако в данном случае Титаренко опирается на предложенный Арнасоном анализ структурных характеристик советской модели, но не на его концепцию межкультурного взаимодействия.

Социологический цивилизационный анализ получил признание также в сравнительных исследованиях социальных процессов в России и странах Латинской Америки. К сравнительному анализу этих обществ обращались главным образом представители географических наук, экономисты, политологи и в значительно меньшей степени —

социологи. Основное внимание исследователей, как правило, было сосредоточено на изучении социально-экономических и политических изменений. Наряду с этим предпринимались попытки сравнительного цивилизационного анализа России и Латинской Америки, которые рассматривались как особые «пограничные» цивилизации, в частности, в работах Я. Г. Шемякина. Опираясь на труды Эйзенштадта, Арнасона и других представителей цивилизационного анализа, этот исследователь рассматривает модернизацию в контексте межкультурного взаимодействия. По его мнению, данный подход является наиболее плодотворным для сравнительного изучения модернизационных траекторий незападных обществ (Шемякин 2015).

Как подчеркивает Шемякин, для пограничных цивилизационных образований влияние внешних факторов оказывается более значимым, чем для «классических» цивилизаций. С его точки зрения, пограничные цивилизации в большей степени ориентированы на то, чтобы трансформировать и заново интерпретировать результаты внешнего воздействия. Акцент на способности незападных обществ к новой интерпретации проблематики модерности присутствует в работах ряда ведущих зарубежных исследователей модернизационной динамики (Wagner 2015). При этом, согласно Шемякину, в развитии пограничных цивилизаций могут быть выделены две противоположные тенденции: открытость к окружающему миру и защита собственной идентичности (Шемякин 2016: 171).

Вместе с тем следует учитывать, что на протяжении их истории российское и латиноамериканские общества различались степенью открытости по отношению к западной модерности. Как подчеркивал Эйзенштадт: «Столкновение с “Западом” не означало для американских поселенцев, в отличие от азиатских, африканских и даже восточноевропейских обществ, конфронтации с чуждой культурой, насаждаемой извне, но предполагало скорее рефлексивное приобщение к собственным истокам» (Eisenstadt 2002: 44). В то же время, как показал П. Блоккер, для восточноевропейских обществ было характерно чередование периодов «открытости» и «закрытости» по отношению к западной модерности (Блоккер 2009). В российской истории такое чередование, очевидно, присутствовало не в меньшей степени, чем в Восточной Европе.

Как указывал Арнасон вскоре после распада СССР, постсоветскую трансформацию российского общества следует рассматривать как «новую стадию взаимодействия между российской и западной траекториями

развития, а не как становление эндогенного общества либо перенесение импортированной модели» (Arnason 1993: 211). Произошедшие за четверть века изменения во взаимоотношениях России со странами Запада, по-видимому, подтверждают данный тезис. Есть основания полагать, что реляционная версия современного цивилизационного анализа может внести значительный вклад в изучение причин такого рода изменений.

Источники

- Арнасон Й. Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.
- Арнасон Й. Понимание цивилизационной динамики: вводные замечания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Том XIV. № 6. С. 20–31.
- Арнасон Й. Советская модель как форма глобализации // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2013. № 4. С. 36–44.
- Арнасон Й. Определение цивилизаций: предварительная модель // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2014. № 6. С. 53–76.
- Арнасон Й. Понимание межцивилизационного взаимодействия // Метод. Вып. 5. 2015. С. 109–123.
- Блоккер П. Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы // Новое литературное обозрение. 2009. № 6. С. 18–34.
- Браславский Р. Г. Цивилизационная перспектива в социологическом анализе современных обществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 6. С. 30–49.
- Браславский Р., Масловский М. Цивилизационный анализ и советский модерн // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2014. № 6. С. 45–55.
- Виттрок Б. Современность: одна, ни одной или множество? Европейские истоки и современность как всеобщее состояние // Полис. 2002. № 1. С. 141–159.
- Ильин В. И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии // Мир России. 2017. № 4. С. 30–50.
- Козловский В. В. Цивилизационные контуры и эффекты российских революций XX столетия // Мир России. 2017. № 4. С. 7–29.
- Масловский М. В. Цивилизационный анализ в современной исторической социологии и российские политические трансформации // Мир России. 2012. № 3. С. 119–132.
- Прозорова Ю. А. Постсоветские трансформации в России: цивилизационно-аналитический подход // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2014. № 6. С. 56–67.

- Руткевич А. М. Историческая социология Норберта Элиаса // Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.: Университетская книга, 2001. С. 347–374.
- Титаренко Л. Г. Civilizational Analysis: Case Study of Belarus // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 6. С. 206–212.
- Титаренко Л. Г. Концепция множественности форм модернов в исторической социологии Й. П. Арнасона // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 186–190.
- Шемякин Я. Г. Модернизация как процесс межцивилизационного взаимодействия // Цивилизации. Вып. 10. Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2015. С. 107–146.
- Шемякин Я. Г. Россия и Латинская Америка как цивилизации. Размышления над книгами В. Б. Земскова // Мир России. 2016. № 1. С. 154–180.
- Шкаратан О. И. Этакратизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004. № 4. С. 49–62.
- Шкаратан О. И. К сравнительному анализу влияния цивилизационных различий на социальные процессы в посткоммунистическом мире // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 15–25.
- Шкаратан О. И. Системы цивилизации и модели социально-экономического развития России и других посткоммунистических стран Европы // Мир России. 2010. № 3. С. 23–45.
- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. — 416 с.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.: Университетская книга, 2001.
- Arnason J. The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model. London: Routledge, 1993. — 256 p.
- Arnason J. Civilizational Patterns and Civilizing Processes // International Sociology. Vol. 16. N. 3. 2001. P. 387–405.
- Arnason J. Entangled Communisms: Imperial Revolutions in Russia and China // European Journal of Social Theory. Vol. 6. N. 3. 2003. P. 307–325.
- Arnason J. Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilisation // Social Imaginaries. Vol. 1. N. 2. 2015. P. 146–176.
- Eisenstadt S. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis // Thesis Eleven. N. 62. 2000. P. 1–21.
- Eisenstadt S. The Civilizations of the Americas: The Crystallization of Distinct Modernities // Comparative Sociology. 2002. Vol. 1. N. 1. P. 43–62.
- Knöbl W. Contingency and Modernity in the Thought of J. P. Arnason // European Journal of Social Theory. Vol. 14. N. 1. 2011. P. 9–22.
- Laruelle M. Russia as an Anti-liberal European Civilisation // The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–15 / Ed. by

- P. Kolstø and H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 275–297.
- McNeill W. World History and the Rise and Fall of the West // *Journal of World History*. Vol. 9. N. 2. 1998. P. 215–236.
- Mouzelis N. Modernity: A Non-European Conceptualisation // *British Journal of Sociology*. Vol. 50. N. 1. 1999. P. 141–159.
- Nelson B. *On the Roads to Modernity: Conscience, Science and Civilizations*. Totowa (N.J.): Rowman and Littlefield, 1981. — 366 p.
- Smith D. *Norbert Elias and Modern Social Theory*. London: SAGE Publications, 2001. — 208 p.
- Smith J. *Debating Civilisations: Interrogating Civilisational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press, 2017. — 205 p.
- Spohn W. Political Sociology: Between Civilizations and Modernities. A Multiple Modernities Perspective // *European Journal of Social Theory*. Vol. 13. N. 1. 2010. P. 49–66.
- Spohn W. An Appraisal of Shmuel Noah Eisenstadt's Global Historical Sociology // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 11. N. 3. 2011. P. 281–301.
- Tsygankov A. The Irony of Western Ideas in a Multicultural World: Russians' Intellectual Engagement with the 'End of History' and 'Clash of Civilisations' // *International Studies Review*. Vol. 5. N. 1. 2003. P. 53–67.
- Wagner P. *Interpreting the Present — a Research Programme* // *Social Imaginaries*. 2015. Vol. 1. N. 1. P. 105–129.

References

- Arnason J. *The Future that Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model*. London: Routledge, 1993.
- Arnason J. Civilizational Patterns and Civilizing Processes, *International Sociology*, 2001, Vol. 16, No. 3, pp. 387–405.
- Arnason J. Entangled Communisms: Imperial Revolutions in Russia and China, *European Journal of Social Theory*, 2003, Vol. 6, No. 3, pp. 307–325.
- Arnason J. Kommunizm i modern, *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2011, No. 1, pp. 10–35.
- Arnason J. Ponimanie tsivilizatsionnoi dinamiki: vvodnye zamechaniia, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2012, No. 6, pp. 18–29.
- Arnason J. Sovetskaya model' kak forma globalizatsii, *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*, 2013, No. 4, pp. 53–76.
- Arnason J. Opredelenie tsivilizatsii: predvaritel'naya model', *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*, 2014, No. 6, pp. 36–44.
- Arnason J. Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilisation, *Social Imaginaries*, Vol. 1, No. 2, 2015, pp. 146–176.
- Arnason J. Ponimanie mezhtsivilizatsionnogo vzaimodeistviya, *Metod*, 2015, Issue 5, pp. 109–123.

- Blokker P. Stalkivayas' s modernizatsiei: otкрыtost' i zakrytost' drugoi Evropy, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2009, No. 6, pp. 18–34.
- Braslavskiy R. Tsivilizatsionnaya perspektiva v sotsiologicheskom analize covremen-nykh obshchestv, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2012, No. 6, pp. 30–49.
- Braslavskiy R., Maslovskiy M. Tsivilizatsionnyi analiz i sovetkii modern, *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*, 2014, No. 6, pp. 45–55.
- Eisenstadt S. *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii*. Moscow: Aspekt Press, 1999.
- Eisenstadt S. The Civilizational Dimension in Sociological Analysis, *Thesis Eleven*, 2000, No. 62, pp. 1–21.
- Eisenstadt S. The Civilizations of the Americas: The Crystallization of Distinct Modernities, *Comparative Sociology*, 2002, Vol. 1, No. 1, pp. 43–62.
- Elias N. *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya*. Vol. 2. *Izmeneniya v obshchestve. Proekt teorii tsivilizatsii*. Moscow: Universitetskaya kniga, 2001.
- Ilyin V. Struktura istoricheskoi kolei Rossii: problemy metodologii, *Mir Rossii*, 2017, No. 4, pp. 30–50.
- Knöbl W. Contingency and Modernity in the Thought of J. P. Arnason, *European Journal of Social Theory*, 2011, Vol. 14, No. 1, pp. 9–22.
- Kozlovskiy V. Tsivilizatsionnye kontury i efekty rossiiskikh revoliutsii 20 stoletia, *Mir Rossii*, 2017, No. 4, pp. 7–29.
- Laruelle M. Russia as an Anti-liberal European Civilisation, *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism, 2000–15*, ed. by P. Kolstø and H. Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016, pp. 275–297.
- Maslovskiy M. Tsivilizatsionnyi analiz v sovremennoi istoricheskoi sotsiologii i rossiiskie politicheskie transformatsii, *Mir Rossii*, 2012, No. 3, pp. 119–132.
- McNeill W. World History and the Rise and Fall of the West, *Journal of World History*, 1998, Vol. 9, No. 2, pp. 215–236.
- Mouzelis N. Modernity: A Non-European Conceptualisation, *British Journal of Sociology*, 1999, Vol. 50, No. 1, pp. 141–159.
- Nelson B. *On the Roads to Modernity: Conscience, Science and Civilizations*. Totowa (N.J.): Rowman and Littlefield, 1981.
- Prozorova Yu. Postsovetkie transformatsii v Rossii: tsivilizatsionno-analiticheskie podkhod, *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*, 2014, No. 6, pp. 56–67.
- Rutkevich A. Istoricheskaya sotsiologiya Norberta Eliasa, in Elias N. *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya*. Vol. 2. *Izmeneniya v obshchestve. Proekt teorii tsivilizatsii*. Moscow: Universitetskaya kniga, 2001, pp. 347–374.
- Shemiakin Ya. 2015. Modernizatsiya kak protsess mezhtsivilizatsionnogo vzaimodeistviya, *Tsivilizatsii: modernizatsiya i tsivilizatsionnye vyzovy 21 veka*, ed. by A. Chubarian. Moscow: Nauka, pp. 107–146.

- Shemiakin Ya.* Rossiia i Latinskaya Amerika kak tsivilizatsii: popytka sravneniya. Razmyshleniya nad knigami V. B. Zemskova, *Mir Rossii*, 2016, No. 1, pp. 154–180.
- Shkaratan O.* Etakratizm i rossiiskaya sotsietal'naya sistema, *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2004, No. 4, pp. 49–62.
- Shkaratan O.* K sravnitel'nomu analizu vliianiya tsivilizatsionnykh razlichii na sotsial'nye protsessy v postkommunisticheskom mire, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2007, No. 10, pp. 15–25.
- Shkaratan O.* Sistemy tsivilizatsii i modeli sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii i drugikh postkomunisticheskikh stran Evropy, *Mir Rossii*, 2010, No. 3, pp. 23–45.
- Smith D.* *Norbert Elias and Modern Social Theory*. London: SAGE Publications, 2001.
- Smith J.* *Debating Civilisations: Interrogating Civilisational Analysis in a Global Age*. Manchester: Manchester University Press, 2017.
- Spohn W.* Political Sociology: Between Civilizations and Modernities. A Multiple Modernities Perspective. *European Journal of Social Theory*, 2010, Vol. 13, No. 1, pp. 49–66.
- Spohn W.* An Appraisal of Shmuel Noah Eisenstadt's Global Historical Sociology, *Journal of Classical Sociology*, 2011, Vol. 11, No. 3, pp. 281–301.
- Titarenko L.* Civilisational Analysis: Case Study of Belarus, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2012, No. 6, pp. 206–212.
- Titarenko L.* Kontsepsiya mnozhestvennosti form moderna v istoricheskoi sotsiologii J. P. Arnasona, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016, No 1, pp. 186–190.
- Tsygankov A.* The Irony of Western Ideas in a Multicultural World: Russians' Intellectual Engagement with the 'End of History' and 'Clash of Civilisations', *International Studies Review*, 2003, Vol. 5, No. 1, pp. 53–67.
- Wagner P.* Interpreting the Present — a Research Programme, *Social Imaginaries*, 2015, Vol. 1, No. 1, pp. 105–129.
- Wittrock B.* Sovremennost': odna, ni odnoi ili mnozhestvo? Evropeiskie istoki I sovremennost' kak vseobshchee sostoyanie, *Polis*, 2002, No. 1, pp. 141–159.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЗИТИВНОЕ РОДИТЕЛЬСТВО»: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К СОЦИАЛЬНОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

В представленном обзоре освещены основные результаты Межрегиональной конференции «Позитивное родительство: современные подходы к социальному обслуживанию семей с детьми в Санкт-Петербурге», состоявшейся 15–16 мая 2018. Целью конференции стал обмен опытом между специалистами в области актуальных проблем семьи и детства, определение эффективных направлений социальной помощи, обсуждение успешных практик, существующих в системе социального обслуживания и трудностей в сфере организации эффективной работы с семьей и детьми. Основные темы обсуждений на конференции: реализация Концепции семейной политики, положение детей в Санкт-Петербурге, роль учреждений в реализации социальной защиты семей и детей. Помимо этого, предоставлен обзор результатов первого этапа исследования «Социальные траектории детства в современной России» с участием 246 респондентов, а также результаты обсуждения их практического использования.

Улучшение положения детей, социальная поддержка семей с детьми, являются приоритетными направлениями в государственной социальной политике России последних лет. Вместе с тем, положение детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, неизменно остается предметом особой озабоченности как органов власти Российской Федерации, так и широкой общественности. Решение вопросов профилактики социального сиротства, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних требует развития эффективных профилактических услуг и форм помощи семьям и детям, ресурсов для оказания социально-психологической помощи и реабилитационной работы с семьей по месту жительства.

В последние годы произошли важные изменения, направленные на повышение благополучия детей и на улучшение социального обслуживания семей с детьми. В 2015 году вступил в силу Федеральный

закон № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». В мае 2017 года был подписан Указ Президента Российской Федерации «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». Важно мобилизовать все силы и ресурсы для того, чтобы качественно обеспечить здоровье, образование и успешное развитие каждого ребёнка. Роль научных организаций заключается в том, чтобы собирать качественную аналитическую информацию о положении детей и совместно с практиками на ее основе предлагать меры по повышению эффективности работы, направленной на повышение благополучия детей.

15–16 мая 2018 года в Международный День семьи во Дворце канцлера Безбородко — ФГБУ «Центральный музей связи имени А. С. Попова» (ЦМС имени А. С. Попова) была проведена Межрегиональная Конференция «Позитивное родительство. Современные подходы социального обслуживания семей и детей в Санкт-Петербурге» (сайт конференции <http://cspsd.admiral.gov.spb.ru/novosti/10695/>). Конференция была организована Центром социальной помощи семье и детям Адмиралтейского района Санкт-Петербурга, при поддержке Администрации Адмиралтейского района Санкт-Петербурга и Российского представительства объединения «Спасем Детей» (Норвегия).

Цель проведения конференции — обмен опытом между специалистами в области актуальных проблем семьи и детства, определение эффективных направлений социальной помощи семьям и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации, обсуждение успешных практик, существующих в системе социального обслуживания и трудностей в сфере организации эффективной работы с семьей и детьми.

В Конференции приняли участие руководители и специалисты Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга, администраций Адмиралтейского и Московского районов Санкт-Петербурга, представители Аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургского Государственного Университета, представители учреждений социальной защиты Санкт-Петербурга, Архангельской и Мурманской областей, а также представители общественных и некоммерческих социально ориентированных организаций Санкт-Петербурга, Архангельской и Мурманской областей — всего более 100 человек.

В ходе пленарного заседания были затронуты темы реализации Концепции семейной политики в Санкт-Петербурге, положения детей

в Санкт-Петербурге, роли учреждений в реализации социальной защиты семей и детей.

Главный специалист отдела по вопросам демографии и гендерной политики Управления социальной защиты материнства и детства, семейной и демографической политики Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга О. В. Крутова в докладе «О реализации Концепции семейной политики в Санкт-Петербурге» сообщила о том, в Санкт-Петербурге отмечается рост численности детского населения. Число детей уже превышает 863 тыс. человек, а число семей с детьми — 570 тыс. В конце мая 2018 года Правительством Санкт-Петербурга был утвержден План мероприятий на 2018–2020 годы по реализации в Санкт-Петербурге Указа Президента Российской Федерации от 29.05.2017 N240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». План содержит несколько мероприятий, в которых важно сотрудничество с научными организациями — мониторинг уровня жизни семей, имеющих детей, мероприятия по разработке критериев эффективности мер по социальной поддержке семей с детьми. О. В. Крутова отметила недостаток фундаментальных исследований в сфере детства в Санкт-Петербурге как «больной вопрос».

Руководитель организационно-правового управления Аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге М. М. Коломычев в докладе «О положении детей в Санкт-Петербурге» отметил, что основными источниками информации о положении детей в Санкт-Петербурге являются ежегодные отчеты «Положение детей и семей, имеющих детей, в Санкт-Петербурге» Городского информационно-методического центра «Семья» и Отчет Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге. Оба документа дополняют друг друга, поскольку первый в большей степени содержит информацию о предоставленных семьям услугах, тогда как второй содержит анализ обращения детей и взрослых в аппарат Уполномоченного. Докладчик отметил, что в 2017 году поступило 3388 письменных обращений и нарушении прав детей.

Директор СПб ГБУСО Социальный приют для детей «Транзит» М. П. Рябко в докладе «О мерах по противодействию насилию, жестокому обращению преступлениям в отношении несовершеннолетних и оказанию им профессиональной помощи» представила уникальный опыт Санкт-Петербургского приюта для детей «Транзит». «Транзит» является учреждением социальной защиты, которое предоставляет

временное убежище, оказывает медицинскую, психологическую, педагогическую и иную помощь безнадзорным детям, не имеющим регистрации в Санкт-Петербурге и подлежащим возвращению к месту проживания родителей или законных представителей.

В докладе заведующей организационно-методическим отделением СПб ГБУ СОН ЦСПСиД Адмиралтейского района Ю. А. Яковлевой «Современные информационные технологии в работе Центра социальной помощи семье и детям: опыт и перспективы» была отмечена важность использования современных информационных технологий в социальной работе. В ходе дискуссий участники делились собственным профессиональным мнением и предложениями по совершенствованию информационного, методического обеспечения процесса социального обслуживания посредством применения современных информационных технологий.

Организаторами Конференции для обсуждения и дискуссии были предложены темы круглых столов: «Психологическая безопасность семьи», «Научно-методологические аспекты в организации социального обслуживания семей и детей в трудной жизненной ситуации», «Методики работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья», «Повышение эффективности социального обслуживания посредством применения современных информационных технологий». В рамках круглых столов участники Конференции обсудили проблематику межведомственного взаимодействия субъектов профилактики в вопросах противодействия насилию, жестокому обращению, преступлениям в отношении несовершеннолетних и оказанию им профессиональной помощи, а также поддержке семей с детьми-инвалидами и детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Для Научно-исследовательского центра социологии детства Социологического института РАН эта конференция имеет особое значение связующего звена между исследованиями и практической деятельностью в сфере защиты прав детей. Деятельность Центра социологии детства основана на таких принципах как стремление к максимальному включению детей в исследования тех сторон детской жизни, где учет мнения детей особенно важен для принятия решений и разработки эффективных программ (например, социально опасное положение, пребывание ребенка в детском доме, девиантное поведение и т. п.) и повышенное внимание к практической значимости исследований для использования в таких сферах как информирование лиц, принимающих решения, об актуальных проблемах детей, разработка профи-

лактических программ для детей, повышение квалификации специалистов, работающих в системе социальной защиты детей и др.

В 2016 году Научно-исследовательский центр социологии детства СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН под руководством кандидата социологических наук, старшего научного сотрудника М. М. Русаковой стал инициатором исследования «Социальные траектории детства в современной России»¹.

Цель исследования — описать жизненные траектории детей, попавших в трудную жизненную ситуацию и социально опасное положение, охарактеризовать потребности детей и родителей в поддержке, показать влияние личностных, семейных и поведенческих факторов и государственной поддержки на разрешение проблемной ситуации. С методической точки зрения это уникальное исследование, аналогов которому нет в России.

В рамках исследования междисциплинарная команда психологов и социологов собирает аналитическую информацию о жизненных траекториях детей с помощью вопросников, интервью и психодиагностических тестов. В исследовании участвуют дети в возрасте 10–17 лет, их родители (официальные представители) и специалисты по социальной работе Центров социальной помощи семье и детям Санкт-Петербурга, курирующие семью. Этот подход позволяет оценить ситуацию с трех точек зрения, то есть, наиболее объективно. Каждая семья и специалист участвует в исследовании 3 раза (три «волны») с интервалом в 6 месяцев. Этот подход позволяет отслеживать изменения в жизни ребенка, семьи и оказание социальной помощи в режиме «реального времени».

В 2017 году Центр социологии детства провел первую «волну исследования» в Центрах социальной помощи семье и детям 15 районов Санкт-Петербурга, которая охватила 246 чел., в том числе: детей в возрасте 10–17 лет — 86 чел.; родителей (опекунов) — 85 чел.; специалистов по социальной работе, которые помогают семье — 75 чел.

На конференции в рамках выступления кандидата социологических наук, старшего научного сотрудника СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН М. М. Русаковой и круглого стола «Научно-методологические аспекты в организации социального обслуживания семей и детей в трудной жизненной ситуации» были обсуждены результаты исследования

---

¹ Исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 16–18–10372 на 2016–2018 гг.

«Социальные траектории детства в современной России» и направления их практического использования. В результате обсуждения участники пришли к следующим решениям.

Во-первых, необходимо сделать результаты исследования доступными для руководителей и практиков. Для этого участники предложили публиковать результаты исследования в Научно-методическом сборнике «Социальное обслуживание семей и детей», издаваемом Санкт-Петербургским государственным бюджетным учреждением «Городской информационно-методический центр «Семья», а также на электронном ресурсе Центра «Семья».

Во-вторых, способствовать разработке Протокола межведомственного взаимодействия при работе с семьей. Отсутствие такого протокола на уровне Санкт-Петербурга значительно затрудняет работу специалистов по социальной работе, что было подтверждено как результатами исследования, так и участниками обсуждения.

В-третьих, изучить возможность создания в Санкт-Петербурге методического центра лучших практик в сфере социальной работы, в функции которого входило бы обобщение лучших практик, консультирование специалистов по сложным случаям (супервизия) и мероприятия по профилактике профессионального выгорания у специалистов по социальной работе.

В заключение участники конференции констатировали, что в настоящее время учреждения системы социальной защиты выступают базовыми площадками по реализации проектов, направленных как на решение проблем детей и семей с детьми, так и на улучшение их качества жизни. Сформирован широкий спектр инновационных форм и методов социальной работы, которые направлены на модернизацию системы социальной защиты населения и повышение эффективности межведомственного взаимодействия. Специалисты учреждений социального обслуживания постоянно изучают и обобщают передовой опыт, осуществляют поиск новых, наиболее эффективных технологий социальной работы. Кроме того, в рамках Года добровольца и Десятилетия детства в социозащитных учреждениях реализуются различные варианты участия добровольцев в оказании социальной помощи семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Эффективность социальной защиты населения в значительной степени определяется оптимальным уровнем функционирования учреждений социального обслуживания, научной обоснованностью выбора методов работы с получателями социальных услуг, учетом

в практике их потребностей и мотивов поведения. Взаимодействие исследователей, руководителей учреждений и специалистов по социальной работе в рамках конференции «Позитивное родительство»: современные подходы к социальному обслуживанию семей с детьми в Санкт-Петербурге» создало оптимальные возможности для обмена информацией, мнениями и определением дальнейших приоритетов в работе по повышению эффективности социального обслуживания семей с детьми.

М. М. Русакова,

Социологический институт ФНИСЦ РАН,

Д. В. Бамбаева.

«Центр социальной помощи семье и детям
Адмиралтейского района Санкт-Петербурга»

**ДЕСЯТЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ
ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ БОРИСОВИЧА ГОЛОФАСТА
(1941–2004)**

По классификации Бориса Доктора Валерий Голофаств относит к третьему поколению советских социологов. Окончив французское отделение филологического факультета ЛГУ, он пришел в социологию вроде бы случайно. Но оказалось, что именно социология и стала (или оказалась) его призванием. Он был не слишком плодовит на публикации. Однако, те немногие книги и статьи, которые он опубликовал, по праву вошли в корпус хорошо цитируемых. С этой точки зрения, его вклад в развитие отечественной социологии весьма ощутим и актуален до сих пор.

Круг научных интересов Валерия был очень широк: проблемы семьи (тема его кандидатской диссертации), образа жизни, социология города, методология социологических исследований, проблемы социальной памяти, повседневность, социология труда, процессы социально-культурных изменений и т. д. К сожалению, он ушел очень рано в полном расцвете сил.

Коллективная монография «Семья в крупном городе», вдохновителем и научным редактором которой был Валерий, при его жизни была исключена из издательских планов института, её набор рассыпан, а сам Валерий в 1981–1984 гг. подвергся преследованиям и по научной, и по партийной линиям. Ему инкриминировался недостаток «идеологической выправки» и «идеологическая близорукость» (ярлыки Б. Д. Парыгина). Когда через два года после его смерти книгу все-таки удалось издать¹, она, несмотря на то, что с момента её написания прошло 22 года, оказалась удивительно актуальной.

Первые чтения памяти Валерия Голофаства состоялись в 2007 году. Юбилейные — десятые — прошли 3–5 апреля 2018 года. Материалы шестых и седьмых чтений не были опубликованы в виде отдельных сборников по техническим причинам: шестые проходили в рамках программы IV всероссийского социологического конгресса в г. Уфа; седьмые — на площадке НИУ ВШЭ в СПб. Первые пять проходили под общей шапкой «Социология вчера, сегодня, завтра», причем третьи чтения имели подзаголовок «Новые ракурсы». Каждое из трех послед-

них чтений проводилось под своим уникальным названием, отражающим тематическую направленность.

В нынешних — десятых — по целому ряду обстоятельств мы решили вернуться к проблемам, которые возникли перед Валерием и нами (его соратниками), когда создавался Биографический фонд, — к вопросам методологии и методики анализа биографических и, шире — личных документов. Эти вопросы до последних дней были в центре внимания Валерия. Хотя и перспективы развития социологии, как науки об обществе, не уходили из поля его внимания и интереса.

Вряд ли целесообразно пересказывать все, что составило содержание этих чтений. Ометим лишь те доклады, которые наиболее адекватны заявленной теме. При этом используем авторские аннотации.

Ананьева Екатерина Михайловна, к. ф. н., СПбГУ, Кафедра философской антропологии Института философии. «*Структуры биографического описания*».

Исследовалось понятие биографии на стыке феноменологической и герменевтической традиции, а также место биографической формы в построении исторического мира в рамках концепции В. Дильтея, обозначены точки ее соприкосновения с опытом постижения себя в работах М. Шелера.

Костюшев Владимир Владимирович, к. с. н., НИУ ВШЭ. «*Событие в биографии*». Конструирование «события». Личностное и социальное событие. Описательные и объяснительные возможности событийного анализа биографий.

Каныгин Геннадий Викторович, вед. н. с., д. с. н., Социологический институт ФНИСЦ РАН. «*Структурные модели в тексте биографий*».

Процесс анализа биографического текста был представлен как создание концептуальных моделей, выражающих события и факты, описываемые информантом и связываемые социологом с более общим социальным контекстом. Подчеркнута относительная аналитическая свобода социолога в конструировании структурных отношений между фактами и событиями, сообщаемыми информантом. В качестве характерных биографических структур проанализированы и построены: генеалогическое дерево персонажей, хронологическая последовательность событий, структура сюжетных линий. Продемонстрированы инструментальные возможности и концептуальные преимущества графовых контекстно-ориентированных онтологических методов при воспроизведении структурных отношений биографии. Рассмотрены

¹ Голофаств В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет / В. Б. Голофаств; под ред. О. Б. Божкова. — СПб.: Алетей, 2006. — 432 с. — (Серия «Российская социология»).

проблемы и предложены пути интеграции сведений, содержащихся в автобиографических текстах разных авторов.

Мельниченко Михаил Анатольевич, к. и. н., директор Фонда развития гуманитарных исследований «Прожито».

«Корпус «Прожито» — научный инструмент и публикаторская площадка».

«Прожито» (<http://prozhito.org/>) — электронный корпус личных дневников, дающий возможность работать сразу со всем массивом дневниковых текстов эпохи. Подчеркнуто, что проект развивается силами волонтеров. Рассмотрен потенциал работы с корпусом и продемонстрированы доступные исследователям инструменты.

Григорьева Ирина Андреевна, д. с. н., СПбГУ, Факультет социологии. «Автобиография как предмет пострефлексии».

Автобиография обладает качеством несомненной истинности для ее автора в момент фиксации. Однако по прошествии какого-то времени автор и герой текста вдруг может вспомнить важные детали, которые почему-то не всплыли в памяти в момент записи. Это ставит под вопрос момент истинности завершеного текста или сомнений в нем. Интерес к автодокументам, биографиям и микроистории еще раз дает нам увидеть, что единой и единственной картины событий не существует. Есть лишь пространство смыслов, контекст контента, и уверенность в том, что нужны серьезные усилия по вхождению в них.

Протасенко Татьяна Захаровна, с. н. с. Социологический институт ФНИСЦ РАН. «Биографии, свидетельства очевидцев и родственников, как инструмент шантажа и личных обвинений».

Шманкевич Татьяна Юрьевна, к. соц. н., Социологический институт ФНИСЦ РАН. «Рефлексия исследовательского опыта: от реконструкции жизненного пути отца к описанию феномена советских революционеров-пятидесятников».

Проанализированы этапы тематической трансформация биографического исследования: 1. Этические сложности обращения к биографии отца как к «объекту исследования». 2. От частной истории к реконструкции политической мистификации. 3. Попытка осмысления феномена советских революционеров-пятидесятников.

Дивисенко Константин Сергеевич, к. с. н., Социологический институт ФНИСЦ РАН Доклад «Субъективное благополучие: возможности биографического исследования».

В докладе обсуждены методические вопросы, связанные с возможностью изучения восприятия людьми качества их собственной жизни на основе биографических нарративов.

Евдокимова Елена Петровна, н. с., Социологический институт ФНИСЦ РАН. «Жизненное пространство жителей Санкт-Петербурга: пересечение индивидуальных биографий и социальных трансформаций».

Доклад основан на материалах лонгитюдного исследования петербургских семей (1993–2017). Исследование проводилось методом глубинных полуструктурированных интервью и было посвящено адаптации населения к процессам трансформации в России.

Исследование показало, что процесс расслоения в российском обществе затрагивал также социально-пространственное измерение, приводя к дифференциации жизненных пространств жителей Санкт-Петербурга. Показано, что последующие тренды эволюции жизненных пространств жителей связаны с такими внутренне противоречивыми тенденциями как усиление гибкости в различных сферах жизни (прежде всего в сфере труда), а также глокализации.

Корниенко Алла Владимировна, н. с., Социологический институт ФНИСЦ РАН. «Дневник, которому невозможно не верить (В. Клемперер о языке ЛТИ)».

Докладчик обращается к дневникам В. Клемперера, на основе которых им была написана известная на весь мир книга «ЛТИ. Язык Третьего рейха». В сообщении предлагалось взглянуть на описанный автором «язык победителя» в свете современных знаний о языке как инструменте социальной власти.

Елисеева Ирина Ильинична, д. э. н., чл.-корр РАН, Социологический институт ФНИСЦ РАН «Сохранение идентичности: жизненный путь Е. Е. Слуцкого (1880–1948)». Биография Е. Е. Слуцкого рассматривается как пример эволюции разносторонней, высокоодаренной личности: от революционного романтизма в период студенчества, в начале 1900-х гг., научной активности в экономике в период становления Советского государства, к бегству в вычислительную математику в период репрессий и Великой Отечественной войны.

Галиндабаева Вера Валерьевна, к. с. н., Социологический институт ФНИСЦ РАН. «Возможности и ограничения биографического метода в исследовании метисного сообщества (на примере карымов и семейских села Хасурты Республики Бурятия)».

Рассмотрен опыт проведения биографических интервью в метисном сообществе на примере села Хасурты Республики Бурятия. Одна из задач исследования состояла в том, чтобы проанализировать, насколько сохранились в культурной и коммуникативной памяти жителей данного села воспоминания о бурятских корнях. С одной стороны,

биографический метод позволяет раскрыть многие исторические события прошлого. С другой стороны, интервью показывают, что постепенно происходит забвение исторических событий 19 века, когда крещеные буряты основали село и положили начало большей части старообрядческих и карымских родов.

Исаева Валентина Борисовна, к. с. н., Социологический институт ФНИСЦ РАН, «*Биографический метод в социологических исследованиях религиозной конверсии*».

Одна из трудностей при изучении религиозной конверсии — типизированная форма рассказов об опыте обращения. Биографический метод позволяет преодолеть эту проблему. Рассмотрен опыт применения разных биографических методик на примере обращения в ислам (М. Wohlrab-Sahr), буддизм (В. Исаева), др. религии (I. Jindra).

Попова Ирина Петровна, в. н. с., к. с. н., Институт социологии ФНИСЦ РАН. «*Профессиональные карьеры и биографии ученых: возможности исследования*». Исследование профессиональной карьеры в сфере науки и технологий ставит вопросы о том, как происходит в реальности формирование ее образцов и как взаимодействуют люди, занятые в этой сфере, со структурами быстро меняющейся социальной среды. Рассмотрены возможности применения подходов биографического исследования, интерпретация метода биографическо-нарративных полуструктурированных интервью в исследовании (на основе данных проекта «Профессиональная карьера как фактор воспроизводства в сфере науки и технологий», грант РГНФ № 16-03-50220).

Сергеева Ольга Владимировна, в. н. с., д. с. н., СПбГУ — Социологический институт ФНИСЦ РАН «*Иконография пропагандистских образов Л. Троцкого*».

Иконография представляет собой метод анализа разнообразных изображений какого-либо человека или предмета. Иконография позволяет оценить типичные и особенные визуальные характеристики изучаемого, показать динамику образа. Представлены результаты иконографического анализа изображений Л. Троцкого периода Гражданской войны в России. Корпус изображений включает плакатные, карикатурные и другие политико-пропагандистские материалы, созданные представителями различных политических сил. Основные выводы касаются особенностей конструирования военной харизмы Троцкого (у «красных»), а также репрезентации его образа как иноверца (у «белых»).

Цветаева Нина Николаевна, н. с., Социологический институт ФНИСЦ РАН. «*Методологические и методические ориентиры анализа: биографических нарративов*».

На основе опыта работы с материалами Биографического фонда рассмотрены некоторые возможности и ориентиры интерпретации автобиографических нарративов». Прежде всего, это вопросы проблематизации и тематизации нарративов, методов их анализа, а также выбора стратегии и тактики биографических исследований.

* * *

В силу того, что тематика десятых чтений была сосредоточена на исключительно методологических и методических проблемах, круг их участников оказался менее широким, нежели на девяти предыдущих. Издание сборника материалов десятых Голофастовских чтений планируется в этом году. Надеемся, что он привлечет внимание тех, кто занимается анализом автобиографий, дневников и других личных документов, и послужит стимулом для продолжения научной дискуссии.

О. Б. Божков,
Социологический институт ФНИСЦ РАН

SUMMARIES

Burmykina O. N.

DYNAMICS OF ST. PETERSBURG STUDENTS VIEWS ON THE FAMILY AND INTERGENERATIONAL RELATIONS (2007–2017)

The article analyzes the dynamics of St. Petersburg students on the family and intergenerational relations. The empirical base consists of the data of two studies—sociological surveys of students conducted in 2007 and 2017. The proposed methodology allows us to reflect changes in the theoretical and methodological foundations of the sociological study of family and intergenerational relations and consists in the application of new scientific categories that expand the understanding of the real diversity of existing types of family relations and reference to the theoretical construct that allows to measure the diversity of interactions between different generations of family members. The empirical analysis showed that while maintaining the core of significant family members (members of the nuclear family), significantly increased the importance of people who are not connected by blood and kinship. The greatest changes were in the lines of kinship and the structure of family ties. The proportion of families, including not only blood, but also named relatives, as well as people not connected by blood and kinship, has increased significantly. The trend towards symmetry and interdependence in intergenerational relations between parents and adult children has continued. The main functional dominant of all family interactions is their emotional orientation, and in everyday situations emotional support increases. The hierarchy of relationships between different generations of family members is situational and relative. The role context of social interaction is preserved, it becomes flexible and sensitive to the needs of different generations of the family.

Key words: family, intergenerational relations, dynamics of representations, young generation, significant family member, intergenerational solidarity.

Wiener B. E., Divisenko K. S.

THE MAKING OF URBAN ANTHROPOLOGY IN LENINGRAD/ST. PETERSBURG

The paper deals with formation of urban anthropology in St. Petersburg. First paper on urban anthropology in St. Petersburg was published in 1926. Nevertheless a resolution of the Ethnographic conference of 1929 in St. Petersburg recommended Soviet ethnographers to investigate mainly pre-industrial groups of population. However there was at least one evident exception from this recommendation: in 1939, an exposition dedicated to Jewish culture in the Imperial Russia and the USSR opened in the State Museum for Ethnography. The SWW interrupted this line of development. A new interest towards urban groups of population began in 1950s when Moscow ethnographers launched a study of Ural laborers and then studies of cities in the Central Russia. A former member of this research group Natalia Yukhneva began to study ethnic statistics of St. Petersburg pre-revolutionary population and to investigate its ethnography. Due to political and economic changes on the edge of 1980s-1990s, favorable conditions for urban anthropological studies formed which stimulated a creation of several groupings of urban anthropologists in St. Petersburg. The first of them appeared in the Center of Independent Sociological Research and consists mainly of sociologists by their training. The second group is *Petersburg Judaica* formed in the European University in St. Petersburg. The third grouping are students of Albert Baiburin. The use ethnographic semiotics for interpretation of their findings.

Finally, several researchers of the Museum of Anthropology and Ethnography and of the Russian Ethnographic Museum banded together in Natalia Mazalova's seminar devoted specially to an investigation of anthropology of St. Petersburg.

Key words: urban anthropology, sociology of social sciences, ethnography of St. Petersburg

Geger A. E., Saganenko G. I.

PRAGMATICS OR ROMANTICS OF SOCIOLOGY: FIGHT AGAINST AN ENTITLER

Abstract. This article presents the results of a sociological survey of appeals to applicants on the websites of sociological faculties and departments of Russian universities. The prevalence of sociological education in Russia is revealed, and a conclusion is drawn about the prevailing disciplinary pluralism in the organization of the departments and the professional universalism of the sociological profession. The results of the research revealed a split in the values of the sociological profession between higher education institutions, regional and metropolitan: if regions show mainly “materialistic” values, capitals are characterized by adherence to “post-materialistic” values.

Keywords: values, professional values, materialistic values, post-materialistic values, sociology, sociological education, universities in the struggle for entrants

Golbraich V. B.

MEMBERS OF ENVIRONMENTAL GROUPS IN SOCIAL MEDIA: DIGITAL PARTICIPATION AND INTERESTS

Recently, social media has become a serious factor in the social life of citizens of Russia. Our research is devoted to the analysis of members of virtual groups created in the course of environmental conflicts in St. Petersburg. The study analyzed both digital participation and the interest of environmental group members in environmental and political issues. Members of virtual environmental groups were compared both with members of other protest virtual city groups, and with members of territorial virtual groups. The study showed a serious difference, both in digital participation and interest in environmental and political issues among members of different protest groups (both environmental and non-environmental) on the one hand and members of territorial groups on the other.

Key words: social media; virtual groups; digital participation

Divisenko K. S.

SUBJECTIVE WELL-BEING: THE POTENTIALITIES OF BIOGRAPHICAL RESEARCH

The article represents the analysis of the potentialities of biographical research on people's evaluation of own life's quality. Subjective well-being that reflects an individual's perception of his or her own life serves as the significant social indicator and highly demanded area of interdisciplinary research. The article also contains a brief review of modern sociological studies

of subjective well-being based on qualitative methodology. It includes the review of heuristic potential of autobiographical materials for subjective well-being studies. The phenomenon of subjective well-being as the component of quality of life can be studied in the context of people's notion of social benefits represented in autobiographical narrative. Biographical research also provides an opportunity to analyze the connection between individuals' time perspective and how they evaluate the quality of their own life, considering that the given connection has been discovered due to several empirical studies. Qualitative biographic research of subjective well-being is aimed at the analysis of existential experience and sociocultural determinants that define one's evaluation of his or her life. The proposed approach allows to elaborate and expand existing methodical solutions for subjective well-being research.

Keywords: quality of life, autobiography, subjective well-being, social goods, narrative, social representation, biographical research

Kolpakova O. I., Odinokova V. A., Rusakova M. M.

SEXUAL EXPLOITATION OF RUSSIAN CHILDREN

The article describes the results of a study aimed at describing current trends in sexual exploitation of Russian children in travel and tourism by Russian and foreign citizens. The study was conducted between October 2014 and March 2015. The research method is semi-structured interviews with representatives of state and public organizations working in the field of child protection. 48 experts from 28 Russian cities took part in the study. The article gives an assessment of the prevalence of exploitation of Russian children in sex tourism by Russian and foreign citizens, describes the circumstances of the commission of this crime, the characteristics of criminals and affected children, and proposes directions for developing work in countering the phenomenon of sex tourism.

Key words: sexual exploitation of children in travel and tourism, children, crime, sex-tourism, Russia.

Maslovskiy M. V.

THE RELATIONAL VERSION OF CONTEMPORARY CIVILIZATIONAL ANALYSIS AND ITS RECEPTION BY RUSSIAN SOCIOLOGISTS

Civilizational analysis as a new paradigm of world historical sociology has been formed during the last two decades. The "relational" perspective represented by Johann Arnason can be singled out within this paradigm. The importance of intercivilizational encounters for the dynamics of traditional civilizations and different forms of modernity has been emphasized in his works. Arnason characterizes the relations of the West with other civilizations as interaction of local traditions, western traditions and interpretations of modernity. Particular attention is devoted to the dynamics of the Soviet model of modernity. The Soviet system defined itself as an alternative to western liberal modernity which it tried to transcend in the economic, political and cultural spheres. Arnason regards the Soviet system as a model of modernity rather than civilization. Nevertheless, he finds civilizational aspects in interaction between the USSR and the West. Arnason's theory can be seen as an alternative to Stephen Kotkin's analysis of "Stalinism as a civilization" and Samuel Huntington's "clash of civilizations" thesis. On the basis of the Weberian tradition in historical sociology Arnason offers an original approach to intercivilizational encounters of the modern epoch. The interest in Arnason's ideas has been

growing in Russian sociology since early 2010s. An important step towards reception of his approach was made at the conference "Civilizational Dynamics of Modern Societies" that was held in 2011. At the present moment this perspective is used in comparative-historical studies, for example, in comparative analysis of civilizational dynamics of Russia and Latin America.

Key words: historical sociology, civilizational analysis, multiple modernities, intercivilizational encounters

Nechaeva N. A.

GENERAL LIFE ATTITUDES OF STUDENT YOUTH: THEIR ROLE IN FAMILY AND GENDER VIEWS

The article examines results of the study of general life attitudes (dispositions) of student youth. It is established that these dispositions form certain types: active rationalists — passive anti-rationalists; hedonists — anti-hedonists; ego-oriented pragmatists — alter-oriented activists. The degree of prevalence of each of these types among the interviewed young men and women is identified. The paper shows that the general life attitudes correlate with gender and family views. The established connections are not homogenous, monotypic — they are heterogeneous. This means that each of the described syndrome of general attitudes is associated with both the traditionally patriarchal and the modern egalitarian views of today's youth.

Keywords: general life attitudes, dispositions, types of dispositions, gender and family views, patriarchy, egalitarianism, gender worldview.

Rusakova I. V.

INDICATORS OF SOCIAL AND INNOVATION ACTIVITY OF THE POPULATION IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION FROM THE PERSPECTIVE OF A SYSTEMS APPROACH

The article analyzes the role of informal institutions, including volunteer and other volunteer activities, in the life of society and, in particular, in innovative development. The results of studies showing that the actions of people involved in both public activity and innovation are often of the same motivation. The similarity of the dynamics of a number of innovative and social processes is revealed. Inventive activity of the population is analyzed on the basis of grouping of regions according to the level of social activity. The possibility of the existence of a relationship between the innovative and social activity of the population is justified from the standpoint of a systemic approach. In the final part of the article it is proposed to include indicators of social activity of the population in regional and municipal statistics.

Key words: innovative activity, inventive activity, volunteerism, solidarity, public organizations, social activity

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ABOUT AUTHORS

Бамбаева Доржима Владимировна, и. о. заместителя директора, Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение социального обслуживания населения «Центр социальной помощи семье и детям Адмиралтейского района Санкт-Петербурга».

Bambaeva Dorzhima V., Deputy Director, The St. Petersburg State Budgetary Institution of Social Services "The Center for Social Assistance to the Family and Children of the Admiralty District of St. Petersburg".

tcenter03@mail.ru.

Божков Олег Борисович, старший научный сотрудник, руководитель Научно-исследовательского центра «Биографический фонд», Социологический институт РАН

Bozhkov Oleg Borisovich, senior researcher, head Centre « Biographical Fund», Sociological Institute RAS
olegbozh@gmail.com

Бурмыкина Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Burmykina Olga N., PhD, Senior Researcher, The Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences.
o_burmykina@mail.ru

Винер Борис Ефимович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Wiener Boris E. PhD, Senior Researcher, The Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences.
wieneras@yandex.ru

Гегер Алексей Эдуардович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Geger Alexey E., PhD (Sociology), PhD, Senior Researcher, The Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences.

ageger@gmail.com

Гольбрайх Владимир Бенъяминович, научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Golbraich Vladimir B., Researcher, The Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences.

vgolbraih@mail.ru

Дивисенко Константин Сергеевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Divisenko Konstantin S., PhD, Senior Researcher, The Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences.
k.divisenko@socinst.ru

Колпакова Ольга Игоревна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; Региональная общественная организация в сфере благополучия населения «Стеллит», руководитель направления «Профилактические программы».

Kolpakova Olga I., PhD, Senior Researcher, The Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences.

Масловский Михаил Валентинович, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Maslovskiy Mikhail V., Doctor of Science (Sociology), Professor, Lead Researcher, The Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

m.maslovskiy@socinst.ru

Нечаева Наталья Александровна, научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Nechaeva Natalia A., Researcher, The Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences.

n_nechaeva@yahoo.com

Одинокова Вероника Александровна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Odinokova Veronika A., PhD, Senior Researcher, The Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences.

veronika.odinokova@gmail.com

Русакова Инна Викторовна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, кафедра статистики и эконометрики / заместитель директора по общим вопросам, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Rusakova Inna V. — Post-graduate student, The St. Petersburg State University of Economics, Department of Statistics and Econometrics / Deputy Director for General Issues of the Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

rusakova_i@mail.ru

Русакова Майя Михайловна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Rusakova Maia M., PhD, Senior Researcher. The Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences.

rusakova.maia@yandex.ru

Саганенко Галина Иосифовна, доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Saganenko Galina I., Dr. of Sociology, Professor, Leading Researcher, The Sociological Institute of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences.

saganenko.selina@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Публикуются рукописи научных статей на русском и английском языках, ранее не публиковавшиеся.

К публикации не принимаются тексты учебно-образовательного, научно-популярного и публицистического характера.

Все рукописи рецензируются.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Гонорар авторам за публикацию материалов не предусматривается.

Объем рукописей статей — от 0,5 до 2,0 а. л. (1 а. л. = 40000 знаков, включая пробелы).

Рукописи необходимо высылать на электронный адрес редакции: si_ras@mail.ru

Помимо текста рукописи публикационный материал должен содержать следующие сведения:

- информацию об авторе (соавторах), включающую фамилию, имя и отчество на русском и английском языках, ученую степень и ученое звание (при наличии), место работы/учебы (полное официальное название учреждения без аббревиатур), должность по месту работы, почтовый адрес (с индексом), номер телефона (с указанием кодов), адрес электронной почты;
- подробное резюме на русском и английском языках объемом 150–200 слов;
- ключевые слова (3–10 слов) на русском и английском языках;
- название статьи на английском языке;
- пристатейный библиографический список литературы.

Рукописи принимаются в электронной версии в формате *.doc, *.docx, *.rtf.

Ссылки на источники даются по тексту в скобках (фамилия автора, пробел, год, двоеточие, страница), а также в виде списка использованных источников в конце рукописи статьи в алфавитном порядке, начиная с публикаций на русском языке.

Примеры библиографического описания:

Бурдые П. Биографическая иллюзия // *Интер.* 2002. № 1. С. 75–83.
Гофман Э. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу. М.: Смысл, 2009. — 319 с.

Егорова М. С., Зверева О. В. Влияние структуры семьи на представления дошкольников о желаемой семье // *Психологические исслед-*

дования: электрон. науч. журн. 2009. № 5 (7). [Электронный ресурс].
Дата обращения: 02.04.2013. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/219-egorova7>.

Denzin N. K. Evolution of Qualitative Research // The SAGE Encyclopedia of Qualitative Research Methods / Ed. by Lisa M. Given. Los Angeles: Sage Publications, 2008. Vol. 1. P. 311–318.

Doronicheva E. V., Kulkovab M. A., Shackleyc M. S. Exploitation of Lithic Raw Material in The Northwestern Caucasus Upper Paleolithic // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. Volume 41. Issue 2. June 2013. P. 40–53 Date of access 20.03.2014. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.aear.2013.11.004>

Giddens A. New rules of sociological method: A positive critique of interpretative sociologies. Stanford: Stanford University Press, 1993. — 193 p.

Rønnow-Rasmussen T., Zimmerman M. J. (eds.) Recent Work on Intrinsic Value. Dordrecht: Springer Netherlands, 2005. — 425 p.

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>

Адрес редакции: 190005, Санкт-Петербург,

ул. 7-ая Красноармейская, д. 25/14, каб. 526.

Тел.: +7 (812) 316–24–96

Факс: +7 (812) 316–29–29

E-mail: si_ras@mail.ru

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ – 2018

Сборник научных трудов

Выпуск 9

Оригинал-макет *О. В. Пугачева*

Дизайн обложки *О. Э. Рябикова*

Подписано в печать 00.10.2018

Формат 60×90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 00,0

Тираж 300 экз. Заказ № 1498

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28

